

Лесь Васильев

ЧЁРНЫЕ МУНДИРЫ

ПЛИНИИ

книга первая

МИРА

Расстаться с любимым человеком, отречься от своего дара и отправиться учиться боевой магии в надежде на спасение родной планеты от захватчиков — такой нелёгкий путь предстояло проделать простому парню из села в самом начале своей жизни. Знал ли он тогда, что судьба сведёт его с могущественными магами, которым вскоре предстоит решать судьбу планеты? Впрочем, как бы труден не был путь, надежда встретить вновь свою любовь остаётся в сердце.

Поклянись
Не забыть,
Кем тебе посчастливилось стать,
Что пришлось пережить.
Света нить
Передай аккуратно
С ладони в ладонь
Для других.

Омела.

Новый день едва настал, травы колыхались под лёгким дуновением ветра и роса переливалась на них в свете двух светил, озаряющих планету Иргент вот уже мириады и мириады веков. На рассвете туман стелился в долине и застилал от взоров людей леса и поля. На холме, возвышающемся над туманным ковром, едва просыпалось селение, в разношёрстных домах, хижинах и юртах ещё спали женщины, дети, старики. Большинство мужчин только уходили спать — ночная смена дежурства вокруг селения заканчивалась и сонные мужики с дубинами и луками шли наверх по склонам холма, бросив свои дозорные посты, наспех сколоченные из досок и брёвен, предвкушая сладкий сон как минимум на половину дня.

Как известно каждому мальчишке, ночь на Иргенте — время тьмы, и чтобы селение могло мирно спать, его охраняет от туманных духов дружина, собранная из сельских мужиков. Каждый дозор — это два-три человека, сидящих внутри дозорного поста и вооружённых лёгким оружием, чтобы дать отпор любому одержимому зверю.

Конечно, туманные духи иногда вселяются и во множество зверей, и тогда целая стая может двинуться ночью на селение. От этого не застрахован никто, и вполне возможно, что однажды с такой стаей придётся биться насмерть. Но последние несколько лет такого не происходило, и селение жило большой дружной семьёй, мирной жизнью, в нём рождались дети, ещё не видевшие ни разу крови и смерти. Это большое счастье на планете Иргент — прожить годы без войны с одержимыми и не наблюдать происки туманных духов.

Передовой дозор стоял на краю холма. Ниже стелился туман. Один из двоих дружинников уже спал к утру, один бодрствовал, и скучающим взглядом осматривал пост, смотрел через амбразуры на окружающий мир, пытался выхватить из стелющегося впереди тумана различные силуэты, дабы не уснуть. Вот туман завихряется в потоки причудливой формы, похожие на спирали, вот ветер несёт облако тумана, похожее на дерево...

Проведя в созерцании минуточку-другую, дозорный уже начинал было засыпать, как вдруг в тумане явно и чётко прорисовался странный силуэт. Сначала мужчина подумал, что это очередная игра ветра с туманом, но силуэт прорисовывался всё чётче, и темнел, приближаясь. Он двигался именно там, где пролегал по краю холма тропа, и в голову начинали уже приходиться мысли — а не зверь ли это? Но если сопоставить размеры, выходит,

что зверь этот слишком огромен, в человеческий рост, а то и выше. Сон дозорного как рукой сняло, по спине пробежался холодок, на лице и руках начали проступать капельки пота.

Не став дожидаться приближения странного зверя, дозорный растолкал своего напарника, и вот они уже оба смотрят на густеющий в тумане тёмный силуэт и, переглядываясь, рассуждают шёпотом о происходящем.

— Да говорю тебе, это люди! — заключил только что проснувшийся второй дозорный, внимательно взглядевшись в туман.

— Ну да, и их, похоже, несколько. — подтвердил его догадку первый. — Идут близко, сливаются в один контур.

— Нормальные люди по ночам не ходят! — подытожил второй дозорный, потянувшись за луком и стрелами. — Они явно одержимые.

— Да, жаль что у нас только один лук. — первый явно переживал, взявшись за свою дубину, что неудивительно, так как бить людей ему ещё не доводилось. — А может лучше сбегать за подкреплением?

— Стой тут, не успеешь. Я один не справлюсь. — быстро прикинул второй дозорный, который был старше и опытнее, и уже сражался за свою жизнь, к счастью только с дикими зверями.

На минуту воцарилось тяжёлое молчание. Тетива лука была натянута и направлена в сторону надвигающихся силуэтов. Чем ближе они приближались, тем чётче вырисовывались контуры людей, коих было трое. И вот они уже совсем рядом, из тумана поднимаются сначала головы путников, потом плечи, руки... Свет двух светил осветил вышедших из туманной пелены мужчин в чёрных мундирах и масках, идущих по тропе к селению. Завидев дружинников на дозорном посту, шедший впереди остановился и, подняв руку вверх, произнёс:

— Мы пришли с миром и не причиним вам вреда!

Дозорный постарше ослабил тетиву, опустил лук. Ему, в отличие от молодого дружинника, уже не раз и не два удавалось видеть людей в таких мундирах.

— Им мо... можно верить? — спросил, запинаясь от страха молодой.

— Не волнуйся. Это свои. — успокоил его старший, выходя из помещения.

Трое людей в чёрном приблизились к нему. Чёрные маски на не позволяли разглядеть их лиц, но глаза сверкали ярко-голубым светом.

— Моё почтение! — поприветствовал их с поклоном дружинник. — Что привело вас в наши неблизкие дикие края?

— Хотим посмотреть, как живёт ваше селение, — произнёс любезно впереди идущий путник. — всё ли в порядке, всем ли хватает продовольствия и благ.

— Как видите, мы несём здесь регулярную службу, — начал дозорный, — потому село свободно от туманных духов, одержимых у нас не бывало, мы живём в мире и спокойствии. У нас рядом река и лес, всего хватает, ни в чём не нуждаемся. К нам уже заходили с проверкой из ополчения, заключили что у нас всё...

— Ты нам зубы не заговаривай! — подошёл к дружиннику второй путник. — Отойди с дороги и дай пройти в село!

— Но у нас уже бывали проверки, — не унимался селянин. — и здесь не на что смотреть, поверьте.

— Нам твои проверки не важны. Мы из тайной стражи, а не из ополчения! — указал первый путник на круглый медальон, пришитый к мундиру на груди.

Дозорному осталось повиноваться воле пришедших и отойти с пути. Он внимательно осматривал одежды путников и очередной раз удивлялся. Сшить такое простому человеку нереально — такую одежду шьют машины, оставшиеся после катастрофы в единичных экземплярах и раскиданные по миру. Их владельцы — люди с колоссальными знаниями и могуществом.

По преданиям, стражники могут испепелить человека одним взглядом. Их бояться, уважают, и в то же время немногие бесстрашные мечтают попасть к ним на службу. Однако, они сами выбирают, кого взять на службу, а кого не брать.

Трое путников в чёрных мундирах прошли в село. Они остановились на дороге посреди села и стали внимательно осматриваться вокруг. Немногие проснувшиеся жители, завидев их, поспешили скрыться в свои жилища. Внутри они о чём-то перешёптывались, и если никто не видел, бежали к соседям, сообщить о пришедших.

Путники же, прислонившись спиной друг к другу, встав посреди селения, подняли руки вперёд и водили ими по воздуху, словно совершая какой-то ритуал. После они повернулись друг к другу и начали тихо говорить о чём-то. Они обменялись знаками, покрутив в воздухе руками, и один из них указал на конкретную улицу. Остальные кивнули головой, словно сойдясь во мнении, и все трое пошли на эту улицу. Проходя мимо домов, они протягивали одну руку к каждому дому и закрывали глаза. Затем шли к следующему и повторяли эти действия. Наконец, они дошли до купольного дома довольно богатой семьи, остановились возле него, «просмотрели» этот дом руками и переглянулись. Один из них шагнул к дому, дав рукой команду остальным следовать за ним.

Войдя в дом, тайная стража поприветствовала всех его обитателей, на что те так же с почтением ответили. В доме находились мать с отцом и двое детей: сестра помладше, сидевшая у окна и только что наблюдавшая как люди в чёрных мундирах протягивали руки в сторону её дома, и брат, что постарше, уже стоявший на входе вместе с родителями. Отец окликнул младшую сестру, девочку лет пяти, и она тоже подошла к ним, поприветствовав путников.

Семья в составе четырёх человек стояла на проходе и молча смотрела на стражей. Стражи же, осмотрев этих людей и переглянувшись, спросили отца семейства:

— Кто ещё живёт в доме?

— Никого, только мы. — сделав удивлённое лицо проговорил мужчина.

— Обыскать! — скомандовал один из стражников, судя по всему, командир отряда, и двое других прошли по дому, проводя руками над предметами, вещами, одеждой...

Один из них остановился у стены, где была чья-то лежанка. Он провёл несколько раз рукой над лежанкой и закрыл глаза. После чего поднял лежавшую там подушку и поднёс её своему командиру. Командир так же провёл над ней рукой и заключил:

— Вы врётё. — посмотрев в глаза отцу семейства он спросил. — Где мальчишка?

— Какой мальчишка? — недоумённо произнёс отец. — Аааа, был тут у нас один, но он странствует, переночевал несколько дней и ушел на запад.

— Да скажи ты им, — умоляющим голосом сказала мать. — всё равно всё узнают.

Отец семейства посмотрел на неё строгим взглядом и легонько толкнул плечом.

— А вы не заберёте нашего братика? — умоляюще посмотрела на стражников младшая дочь семейства.

— Нет, мы никого не собираемся забирать. — заявил командир стражников.

— Нам только посмотреть бы на него, красавца! — второй человек в чёрном подошёл и

положил девочке руки на плечи. — Ты же скажешь нам, где твой братик?

— А мы дадим тебе вот это. — командир наклонился перед девочкой и достал из кармана камень, переливающийся синим цветом, светящийся изнутри. — Это хавелин, камень из далёкой горной страны, ты таких ещё не видела. Там россыпи таких камней, мы ходили по ним... Они так красиво светятся в тумане и по ночам...

— Ух ты! — девочка посмотрела горящими глазами на камень, потом подняла свой вопросительный взор на отца.

— Дочка, молчи! — отец семейства строго смотрел на девочку. — Выдумывает она всё! Мы тут все на месте, тут мы так и живём...

На этот раз уже женщина дёрнула его за руку, и в её глазах появилась строгость.

— Его зовут Форс. И сейчас его нет с нами. — начала она. — Мы очень любим его, и надеемся, что совет стражей будет снисходителен к нам.

— Разумеется, я даю вам слово, — командир встал и с минуту пристально смотрел на эту красивую женщину, растягивая каждое слово. — мы вынесем по нему самое приемлемое для вас и для нас решение.

— Сколько ему лет? — спросил подошедший третий стражник, стоявший до этого в стороне.

— Ему ещё только одиннадцать лет. — отец таки решил рассказать стражам о своём сыне. — Он очень усердный малый, я надеюсь, из него выйдет отличный помощник по хозяйству.

— Что же это вы, замечательные родители, своего сына отпускаете в туман? — другой страж задал вопрос, заставивший на минуту замолчать всю семью.

— А Форс он не боится тумана! — прервала девочка повисшую паузу. — Он сильный и бесстрашный!

— Дочка, замолчи! — прервал её отец.

— Ну что же Вы так! — перебил и его командир. После он посмотрел на девочку и продолжил: — Дочка у Вас умница, пускай расскажет нам всё, что знает. Скажи, милая, что умеет твой братик Форс?

— Он умеет общаться с лесными духами. — от этих слов девочки у родителей побледнели лица. Даже старший брат, отстранённо стоявший с краю, покосил на неё глаза. — Он умеет вызывать силу, которая меняет всё вокруг. Она бывает страшная, а бывает интересная.

— Вы не волнуйтесь. — обратился к родителям командир, видя их замешательство. — Мы знаем, что ваш сын не одержим. Мы видим, что у мальчика редкий талант, и нам нужно исследовать его, дабы продвинутся в нашей борьбе с туманными духами. С вашим сыном всё будет в порядке, его вернут вам в полном здравии, в здравом уме и с твёрдой памятью.

— Даём вам честное слово совета стражей, — подключился другой страж — с ним всё будет в порядке.

— Скажите нам, — командир посмотрел на мать. — где мы можем найти вашего сына?

— Нуу... — мать ловила взгляды стражей и в глазах её читалось смятение. — Он ушёл в старую чёрную рощу. Он любит там находиться время от времени. Я не знаю, что он там делает. Возможно играет с кем-то...

Не дослушав её речи, люди в чёрных мундирах покинули дом и вышли на тропу. Они направились по ней вниз по склону холма, к лесу, в котором росли огромные чёрные деревья. Кроны этих деревьев возвышались над холмом, а стволы были укутаны плотным

туманом.

В плотном тумане все силуэты виделись серыми, свет поднимающихся светил не пробивался сквозь гущу мглы, едва освещая лесные травы. Но были в лесу отдельные холмики, которые уже почти возвышались над туманной пеленой. Они были интересны тем, что на них туман переливался капельками росы в падающем с небес свете, и казалось, словно ты высоко в горах, в облачной мгле. Именно поэтому на одном из таких красивейших холмов сидел он, мальчишка лет одиннадцати, при рождении наречённый Форсом.

Сидел он здесь не один. Он обнимал девочку лет девяти, которая так же не боялась тумана и любила гулять с ним по лесу. Звали её Синха. Они сидели обнявшись, прислонившись к многовековому чёрному дереву, ширина которого была такова, что даже десять человек едва могли обхватить его ствол. Никто не отпускал детей сюда, они сами любили под утро, когда родители ещё спят, скрываться в лесу. Как они проходили через посты дружины — одним им известно, детей в туман никто не стал бы отпускать. Впрочем, по селению ходили слухи, что эти двое обладают даром, описать который никто не брался.

Им нравился туман, нравилась ночь, нравился лес... И между ними, несмотря на возраст, была самая настоящая, чистая любовь. И не потому, что оба разделяли полностью интересы и вкусы друг друга, не потому, что у обоих не было страхов, скорее, они знали. Они с детства знали, не придумывали себе, а именно знали, что всегда были вместе и что им всегда суждено быть вместе. Их союз как будто был заключён ещё до рождения и эти жизни — только продолжение тех веков, а может и тысячелетий, что уже были проведены ими вместе в разных мирах.

Оба где-то в сердце держали постоянное тепло и радость. Это тепло — выражение благодарности к окружающему миру, в котором они вновь вместе и вновь испытывают безмерное наслаждение от созерцания красоты окружающей действительности. В этом потоке благодарности не было места ни смерти, ни старости, ни страху. Потому что когда они вместе, просыпается сильнейшее чувство во вселенной — безусловная любовь, и с помощью неё возможно творить что угодно. Когда они были вместе, в них включалась сила, способная менять реальность. Они слышали голоса птиц, зверей, дикие лесные животные приходили к ним и мирно лежали рядом, а деревья рассказывали истории многовековой давности.

Когда-то, несколько лет назад, играя со сверстниками, Форс и Синха взяли за руки и кружились. Тогда в них и проснулись чувства. А вместе с ними проснулся и дар, изменивший всё. И эта сила позволила им менять свою реальность, направлять других людей действовать так, как хотелось им двоим.

Форс и Синха не ожидали такого поворота событий и даже немного напугались этого дара. Изучив свой дар глубже, они решили, что манипулировать живыми людьми плохо, и что проявлять свой дар нужно только на природе, вдали от людей. С тех пор их уже не раз видели выходящими из леса днём, когда туман уже ушёл, хотя их туда никто не пропускал, и никто даже не видел их уходящими туда.

Однако, эти дети родились не в том мире, в котором можно бесконечно наслаждаться любовью. Этот мир был полон рамок и ограничений, и на каждую силу здесь находилась другая сила, стремящаяся подчинить её себе. Вот и за ними уже идут трое мужчин, идут напрямую, не сворачивая, через леса и поля, словно по невидимому энергетическому следу, словно видя их за деревьями...

Тишину и покой леса нарушили сначала непонятные чувства в груди. Синха впервые в

этой жизни почувствовала тревогу, а Форс, обнимающий её и сидящий рядом, считал с неё это чувство. Дети переглянулись. Услышав беспокойное шевеление трав, девочка стала прислушиваться к ветру. После чего она встала, взяла за руки Форса и подняла его.

— Трава говорит, что здесь небезопасно. — произнесла Синха, осматриваясь вокруг.

— А чего нам бояться? — сказал, вопросительно посмотрев на неё, Форс. — Мы же часть этого леса.

— Не знаю, но ты же чувствуешь что у меня в груди? — Синха посмотрела ему в глаза.

Форс тихонько кивнул головой.

— Давай спросим у деревьев и птиц? — произнёс он, немного подумав. — Они наверняка знают об этом всё, что мы хотим узнать.

Мальчик и девочка держались за руки и круговорот невидимых энергий окружил их тела. Они начали слышать каждый шелест, каждый свист ветра, каждое движение леса вокруг. Лес был живой и рассказывал им то, что понимал только он. Это понимание невозможно было выразить в человеческих словах, тем не менее его можно было чётко сформулировать: «за вами идут чтобы разлучить вас».

Уловив это «настроение» леса, дети попытались слиться с ним, стать самим лесом, чтобы увидеть, откуда исходит опасность. И они увидели мир глазами деревьев. Этот мир ограничивался той местностью, где произрастал сам лес, и каждое дерево, каждое живое существо, включая них самих, было частью этого мира. На теле этого большого леса просматривался только один инородный элемент — трое людей, идущих сейчас в направлении холмика, на котором стояли дети. Несмотря на то, что эти трое вошли сюда, поприветствовав духов леса, их намерения малопонятны, их силы, силы, стоящие за ними, настроены к лесу вовсе не дружелюбно.

Можно было сказать, что они — проявление большой структуры, которая вторгается в мир природы и имеет свои цели. Эти три человека сами по себе только выполняют волю той структуры, которая их ведёт, и структура эта действительно имеет большую силу.

— Ну что, воля или смерть! — улыбнулся Форс, открыв глаза и посмотрев на свою любимую.

— Обещай что нас никто не разлучит! — в глазах Синхи была тревога, возможно, самая большая тревога в её жизни.

В этот момент до их ушей донеслись шаги и шелест трав, сминаемых сапогами.

Нужно бежать в чащу! — не растерялся Форс и, разомкнув одну руку, сжал сильнее ладонь девочки другой рукой, и побежал с ней по давно известному им обоим маршруту.

Чаща чёрного леса — место, куда ещё не ступала нога человека. Всяк входящий туда может столкнуться с массой неприятностей. Дикие звери и птицы могут запугать а лес запутать, заплутавшему здесь путнику путь к спасению только один — чистые помыслы и твёрдая воля. Однако Форс уже облазил значительную часть этого пространства, и лес спокойно принимал его, считая своим другом. Форс приводил сюда несколько раз и Синху, показывая ей сокровенные тайны леса — деревья, меняющие цвет, животных, живущих только здесь и не появляющихся на глаза человека... Лес сам открывал мальчику свои тайны. И сейчас, скрываясь в чаще, дети твёрдо знали, что лес не пустит сюда тех, кто идёт за ними.

Подходя к стене из кустов и молодых деревьев, за которой начиналась чаща леса, трое стражников поняли, что дальнейшее преследование бесполезно. Дети легко проберутся через бурелом, а взрослым узкие щели между деревьями и кустами не по зубам. Здесь

убегающие будут иметь большое преимущество перед догоняющими.

— Ну что ж, хитрец, твоя взяла! — в сердцах бросил один из стражей.

— Не «твоя», а «ваша». — произнёс командир. — Их двое тут.

Третий стражник поднял руку и направил ладонь к чаще.

— А с ним девчонка. — заключил он, посмеявшись. — И очень сильная девчонка. Взять бы её к нам, да полом не вышла...

— Нам воины нужны, а не ведьмы! Ничего, заберём к нам парня, а без него её сила не будет особо проявляться. — командир шагнул назад, зазывая жестом за собой остальных. — Пошли, он от нас всё равно никуда не денется.

С этими словами трое людей в чёрных масках и тяжёлых мундирах развернулись, уходя восвояси.

За всем этим наблюдали Форс и Синха, спрятавшись в гуще кустов, через которые было едва видно лес и троих стражников. Речи этих людей на таком расстоянии слышно не было. Дети лежали и смотрели сквозь поросли травы на уходящих людей в масках. Поначалу страх приковал их к земле и они старались не шевелиться. Но уже совсем скоро они шли через гущу ветвей и пробирались сквозь кустарник.

Дети лезли через кусты пока не вышли на одну уже слегка натоптанную тропинку, по которой Форс бродил по чаще. Это он протоптал этот путь, чтобы по нему ходить в самый центр, в самое сердце чащи. Но по этому пути его вёл сам лес, показывая, как устроен организм леса, и где пройти легче. Каждый раз, когда Форс входил в чащу, лес вёл его этим путём, каждый раз, когда он выходил оттуда, лес выводил его обратно. Пройти здесь без помощи леса и не заблудиться не представляется возможным, ибо весь путь здесь — лабиринт из одинаковых на вид деревьев, и сама тропа, протоптанная Форсом, петляла здесь так, что невозможно было понять, где она продолжается.

Густые кроны пропускали мало света, да и туман ещё не весь рассеялся. Но в этой звенящей тишине было настолько тепло и уютно, что далёкое пение птиц казалось божественной мелодией.

И вот дети вышли наконец в самый центр древнего леса, в самое сердце чащи — на полянку, закрытую от человеческих взоров густым лесным покровом. Это небольшая поляна овальной формы, по центру которой росло многовековое дерево, одно из старейших в лесу. Ширина его была огромна, ствол его высох и потрескался, однако на кроне ещё теплилась жизнь и зеленели листья.

Огромные корни дерева занимали всё пространство поляны и уходили под землю у её краёв. Внутри дерево было пустым, в нём было достаточно места, чтобы человек восемь встали там в полный рост. Небольшой и относительно неприметный вход в эту древесную «пещеру» детям так же был известен — в дереве можно было прятаться от ливней, если они внезапно застигли тебя в лесу.

По легендам, это дерево когда-то использовалось для проведения мощных ритуалов, но со временем лес разросся, а люди забыли дорогу к нему. Да и спутник планеты — Атач, влияющий на неё своей гравитацией, постоянно менял рельеф местности, делая некогда обжитые места практически недоступными. Это дерево по легенде считалось священным местом, и дети называли его просто «священным деревом».

Дети зашли внутрь и посидели там, пообщавшись с деревом. Оно было частью леса, но очень важной частью — его корни расплзлись на довольно большое пространство вокруг и оно знало и понимало больше, чем остальные деревья. Проводить в нём время было хорошо

и комфортно, и Синха успокоилась там полностью в объятиях Форса.

Однако спокойствие их снова было прервано. Когда дети расслабились, они вошли в состояние единения с лесом, а лес показал им тех троих путников, что были бесчувственными и холодными. Они видели и понимали многое, но не чувствовали почти ничего. И те силы, которые стоят за этими людьми, хотят разлучить Форса с Синхой, чтобы поставить дар детей на служение себе. Они хотят сделать детей такими же холодными и бесчувственными.

Синха обняла Форса, вжимаясь в него всем телом, боясь расставания каждой своей клеткой.

— Пообещай, что этого не случится! — на глаза её наворачивались слёзы. — Пообещай!

— Здесь, стоя в священном древе, я даю клятву, — Форс обратился ко всем духам леса и вложил в свои слова все те чувства, которые подкатывали к его сердцу, — что не дам никаким силам разлучить меня с Синхой. Если же мой дар не сможет предотвратить наше расставание, то я отрекаюсь от своего дара!

— Стоя здесь, в священном древе, — начала повторять клятву Синха, — я клянусь, что никакие силы не разлучат нас, если же это случится, я отрекаюсь от своего дара.

Дети взялись за руки и сила их дара закрепила эту клятву в веках. Они почувствовали, что с этого момента начинается их новая жизнь, абсолютно не похожая на ту, что была ранее. И к сожалению, чувство тревоги за будущее переполняло их. Такое уже бывало, когда должно было произойти что-то плохое с другими людьми. Такое бывало перед приходом Атача — спутника Иргента, несущего горе и разрушения. Но ещё никогда это не проявлялось так ярко, как сейчас.

На глазах у детей были слёзы. Заплаканные, они простояли, глядя друг на друга ещё некоторое количество времени, каждый, словно напоследок любовался красотой своей половинки. Но нужно было идти.

Синха вышла из дерева первая и Форс увидел, как она застыла, смотря вдаль. Он подбежал к ней и тоже замер. Перед ними на поляне стоял старик в потрёпанном белом одеянии. На плече у него сидела птица, доселе не виданная детьми. У него были густая седая борода, длинные седые волосы и горящие голубым огнём глаза. Через мгновение птица вспорхнула и улетела в лес, а старик поклонился детям. Дети последовали его примеру. Старик заговорил:

— С сегодняшнего дня вы уже прожили свои последние беспечные дни. Прошлые годы были временем, полным радости, любви и гармонии. Вас любили близкие, вы любили друг друга, и сейчас вы несёте в себе великий свет, и этот свет даёт вам невероятную силу, силу, способную изменить мир.

Старик словно заглядывал в душу детям. Его взор был полон такой же бесконечной любви, как та, что ещё недавно светилась в глазах детей. Однако Форс и Синха уже были в смятении и просто не знали, что чувствовать и что делать. Старик продолжил свою речь:

— Но увы, этот мир устроен иначе, сложнее, жёстче по отношению к вам. В этом мире проявления чистой любви могут изменить всё, однако пока вам непонятно, как и в какую сторону менять мир этой любовью. И ваше расставание всё равно предначертано, потому вы должны принять его, как данность. В этом мире все цвета, все краски, соединены воедино белым светом творения. Вы чисты и сами являетесь сейчас этим белым светом. Однако, чтобы сотворить из него что-то, нужно знать что именно творить, нужно познать отдельные

оттенки белого света, отдельные цвета. Для такого познания жизнь и разлучит вас, поместив в самые жёсткие условия. Вы — очень и очень сильные души, вы всегда были в месте, и вы сами выбрали пройти этот путь, путь расставания, путь горечи, боли и страха, чтобы познать, что помимо чистой белой любви, есть иные оттенки. Тогда, познав эти чувства, воссоединившись вместе, вы сможете рисовать на холсте творения новые цвета, преобразовывать мир новыми красками, которых вы пока не познали. Примите своё расставание, помните друг друга всегда, помните всегда, что бы с вами не случилось, мои слова и то, что ваша великая сила в любви и в вере, что ваша разлука не вечна. С любимыми не расстаются — заключил старец.

Его речь произвела большое впечатление на детей. Они не могли промолвить ни слова, и вся их натура отказывалась верить ему. В умах и сердцах ребят царили беспокойство и страх. Они не могли произнести ни слова. Старец, видя всё это, улыбнулся, подошёл к ним, поднял руки и прикоснулся к головам детей. Они почувствовали поток белой энергии, идущий от него и наполняющий их тела любовью.

Им стало спокойно и хорошо. Все их страхи мгновенно исчезли. В этот момент дети словно прикоснулись к творению, словно открыли для себя замысел этого мира. Они начали понимать суть, приняли мудрость слов старика и испытали чувство единения с миром. Этот белый свет, текущий по рукам старца, давал им чувство защищённости и чувство безусловной любви ко всему окружающему миру и друг к другу. Отныне они понимали: где бы они ни были, их ничто не разлучит ни при жизни, ни после смерти. Они чувствовали любовь друг друга и чётко знали: не взирая на расстояния, встреча случится. Такая внезапная трансформация чувств ещё больше впечаталась в их детскую память и уже казалось, что эта встреча — самое удивительное и волшебное, что произошло с ними за их жизнь.

Старик, прикоснувшись к головам детей, словно начал меняться. Он вскинул голову вверх, на лице расплылась видная даже из-за бороды улыбка, глаза его закатились так, что были видны только белки глаз. Его тело начинало плавно покачиваться и словно танцевать на ветру, хотя в чаще леса было полное безветрие. Состояние это передалось и детям, и они стояли, испытывая неизведанные доселе и непередаваемые чувства. А старик начал вещать не своим голосом, и слова его сплетались сами собой в стихи. И казалось, если бы кто-либо ещё заговорил в этом состоянии, его слова тоже трансформировались бы, приобретя рифмы и чёткие поэтические очертания:

Через всю бескрайность лет
Можно ли познать себя?
Можно ль разглядеть ответ
В мутном омуте дождя?
Можно ли расплавить страх?
Можно ли увидеть суть?
Побывав во всех мирах,
Грань миров перешагнуть?
Ты шагни в открытый ад,
Чтоб сквозь тьму увидеть свет
Там, где плавится земля,
Где, казалось, света нет.
Можно ли хранить в себе
Счастья луч, что свыше дан,

В разделении судеб и
В битвах, полных страшных ран?
Можно ли узреть Богов
Во врагах, что крови ждут,
В яром лае диких псов,
В бесконечной бездне смут?
Ты шепчи губами зла,
Ты смотри сквозь тяжесть век.
Здесь их мир — им нет числа!
Но любовь горит в тебе!
Ты увидишь красоту
В этой боли без границ.
И спокойно примешь всё,
Не упав пред болью ниц,
Чтоб понять суть слова "боль",
И увидеть смысл здесь,
Будь же каждый миг собой,
Ведь любви не догореть...
Понимай же каждый вдох,
Убивай, но лишь любя.
С рук своих смывая кровь,
Помнить Вечность. И себя.

Во время этой речи дети начали видеть картинками своё будущее, которые были нечёткими и размытыми. Но чувства, которые несли с собой эти образы, были глубокими и осязаемыми... Они несли с собой не только радость и любовь, кроме того они были полны и боли, и ярости, и смятения. Слова, влетая в сознание, нечётко рисовали образ будущего, словно этот странный человек дал просмотреть влюблённым их жизни наперёд...

После этого странного действия у детей не осталось ни капли сомнения в том, что перед ними человек с куда большим могуществом, мудростью и знаниями, чем все, кого они видели в жизни, и его могущество на много порядков выше их дара, несмотря на то, что очень и очень многие, да почти все на этой маленькой планете не смогут сделать даже малой части того, что могут Форс и Синха.

Старик убрал руки прочь, и у детей осталось прежнее состояние любви ко всему и всепринятия. В их груди горел огонь, огонь такой силы, что он даже доставлял лёгкий дискомфорт телу, однако в этом огне, казалось, была сосредоточена вся любовь и вся мудрость этого мира. И она стремилась вырваться наружу и озарить собой всё окружающее пространство.

— Никогда не забывайте эти чувства. — промолвил старец детям, видя их состояние, — Вы всегда можете вернуться к ним, стоит только захотеть.

Форсу было настолько хорошо, что не было мыслей в голове и не хотелось произносить ни слова. И он понимал, что у Синхи сейчас то же самое состояние. От приятной усталости не было сил открыть рта, и Форс мысленно спросил старца: «что с нами будет»? Мальчик не сильно удивился тому, что старик, словно прочитав его мысли, продолжил свою речь:

— Вам предстоит расставание и дальняя дорога в разные концы этой прекрасной планеты. Вы станете совершенно другими людьми, и кроме того, вы будете совершенно

разными людьми. Когда вы встретитесь, вы даже будете ненавидеть друг друга всем сердцем. Однако сила вашей любви всё равно поборет всё плохое, что вы будете испытывать друг к другу. Вы воссоединитесь и полюбите с новой силой. Однако ваша молодость будет прервана, так как мир на этой планете жесток и не приемлет такой любви, какая есть в ваших сердцах. Вы умрётё вместе, чтобы унести свою любовь к другим мирам. Это всё, что на сегодня вам нужно знать.

На этом старец развернулся и ушёл. Детей переполняло чувство любви ко всему окружающему, которую они по-прежнему не могли выразить словами. Видя уходящий сквозь бурелом силуэт старца в белых одеждах, детям казалось, что он не уходит, а словно растворяется в пространстве.

Когда туман уже разошёлся, дети шли, взявшись за руки, в свою деревню. За всё это время они не проронили ни слова, настолько глубокое состояние счастья охватывало их. Они были под глубоким впечатлением от случившегося. Старик и его пророчество запали им в душу. Они любили друг друга и не хотели расставаться, однако встреча со стариком в рваных белых одеяниях переменяла их настроения. Они словно стали мудрее, и принимали, что если им суждено расстаться, то в этом есть замысел, и их любовь друг к другу всё равно останется вечной. Однако говорить об этом друг другу они не решились.

Глава II

— Здравствуй, Элеонора! Рад видеть тебя!

— Привет и тебе, Клеф! — красавица в чёрном платье вышла из темноты в освещённую падающим с потолка светом комнату.

— Как я рад, что снова могу лицезреть твой прекрасный лик. — проговорил начавший диалог человек в чёрном мундире, сидящий за столом.

Голубоглазый и светловолосый, он выделялся типичным представителем расы планеты Иргент, в отличие от кареглазой красавицы, цвет глаз которой встречается на планете крайне редко, многие здесь даже не подозревают, что глаза бывают тёмных тонов: голубые и ярко-красные глаза на Иргенте преобладают у большинства людей.

— Ты пришёл чтобы льстить мне или по делу? — красавица села за стол напротив.

— Я пришёл сделать тебе подарок, Элеонора. — улыбка проступила на лице мужчины.

— Ты же знаешь, меня трудно чем-либо удивить, а банальные дары я не принимаю — женщина пристально посмотрела в голубое сияние глаз мужчины.

— Знаю, потому приготовил тебе настоящий сюрприз, который не только понравится тебе, — мужчина привстал с высокого резного деревянного стула серого цвета и поравнялся с огромной спинкой этого стула, упершись ладонями в стол и наклонившись поближе к собеседнице, — но и возможно, позволит сделать новый шаг вперёд всему ордену.

— Так-так, интересно, — лицо женщины расплылось в улыбке, — ты не устаёшь меня интриговать...

— Да дело в том, — начал человек в чёрном обмундировании, — что сегодня мы были в одном селении и видели там... Как бы тебе так сказать... Подходящую кандидатуру на очередную странницу.

— Как она выглядит?

— В том-то всё и дело, что я не смог её рассмотреть. — мужчина сделал шаг в сторону и начал прохаживаться по комнате. — Детей было двое и они смогли от нас убежать.

— Убежать?! — по комнате пронёсся сдержанный смех женщины. — С каких это пор от группы Лекса кто-то может улизнуть? Может вам всем уже пора на пенсию?

— В нашей практике это первый случай. — повернулся лицом к женщине человек в чёрном. — Дети действительно необычайно талантливы. Я думаю, что будет замечательно, если ты обменяешь девчонку на Маргариту.

— Ты пришёл делать мне подарок или торговаться? — женщина изобразила презрение на лице. — Да и чего ты привязался к этой Маргарите... Ни ума, ни талантов.

— Обмен будет для тебя прекрасным подарком. — сказал мужчина. — Да и потом, зачем тебе Маргарита, если она не годится в кандидаты? Не отправлять же её обратно на Гайю.

— Ты похоже решил обзавестись новой невестой? А совет одобрит?

— Совет будет не против. Да и вообще. Я столько мотался по горам и холмам. Заслуживаю же я нормального отдыха в объятиях Гайских красавиц.

— Смотри как бы тебе эта красавица нож в спину не воткнула. — женщина встала из-за стола и сделала шаг в сторону голубоглазого. — Совершенно неуправляемая девушка.

— Ничего, это будут уже мои проблемы. — улыбнулся тот. — Ей уже многовато лет для того, чтобы пытаться принять её в орден. А вот наша находка вам просто в самый раз...

— А ты не боишься, что я сама найду девчонку и не буду тебе за неё никого отдавать? — кареглазая женщина подошла на расстояние вытянутой руки к мужчине и сделала серьёзное лицо.

— Нет, ибо я рассчитываю на долгосрочное сотрудничество. — мужчина руками провёл по чёрной броне. — Не зря же я ношу этот костюмчик.

— Да, такие связи надо ценить. — улыбнулась красавица и провела пальцем по бороде, закрывающей шею мужчины. — Однако прежде чем согласиться на нашу сделку, я хочу видеть её.

— Хорошо, смотри. — поднял мужчина руку, выставив вперёд ладонь.

Женщина подняла свою руку и поставила напротив, ладонью к ладони. Закрыв глаза, она начала поворачивать голову, словно оглядываясь вокруг. Через некоторое время она раскрыла от удивления рот. На лице мужчины появилась улыбка. Постояв с открытым ртом ещё некоторое время, женщина медленно открыла глаза и произнесла усталым низким голосом:

— Что с мальчишкой?

Он наш. Нам нужен его дар для работы.

— Сделка состоялась. Я сама найду девчонку. Маргариту отправлю к тебе после.

Мужчина поклонился и поблагодарил её. Женщина ещё раз провела пальцем по его бороде и улыбнулась.

— Увидишь ещё такой дар, тотчас же сообщи! — развернувшись и уходя во мрак комнаты произнесла она громко. — Даже если это будет мальчик, не подходящий вам, отдай его мне!

На следующий день в селении на холме, в котором жил Форс, всё текло своим чередом. Однако у Форса с самого утра было нехорошее предчувствие. Он проснулся с тревогой в груди и полным пониманием, что никто из окружающих эту тревогу не разделяет и говорить о ней с кем-либо бесполезно.

Решив что эта тревога — только для него, он подумал, что что-то должно произойти именно с ним. Он отправился на край деревни в юрту, в которой жила Синха с двумя её братьями. В их небольшой семье царил любовь и взаимопонимание, смерть родителей настолько сплотила детей, что они были практически неразлучны. Приход Форса вызвал удивление у старшего брата — он рассказал, что Синха уходила куда-то с утра, и все полагали, что она ушла в лес с Форсом. Однако Форс не знал, куда она могла исчезнуть, и тревога в груди его только нарастала.

Прождав полдня и так и не дождавшись прихода любимой, он решил пойти искать её самостоятельно. Но облазив все знакомые места в лесу и заглянув в самую чащу, мальчик уже предчувствовал худшее — Синхи нигде не было, и видимо, пророчество старика о расставании действительно начинало сбываться. Сердце подсказывало Форсу, что она, безусловно, жива, но будет жить своей жизнью ещё много лет, прежде чем им суждено будет встретиться снова.

В полном бессилии, уставший от поисков и переживаний, мальчик забрался в священное дерево и заплакал. Он до последнего не хотел общаться с лесом, но теперь понимание расставания уже пришло, и если полученная информация подтвердит это, то будет уже всё равно. И Форс попытался спросить у леса, где сейчас находится Синха и что с ней произошло. Однако пребывая в подавленном настроении, он не смог войти в то

состояние, в котором он обычно общался с лесом. Пришло понимание того, что нужно изменить свой внутренний настрой. И мальчик вспомнил старика...

В сознании его возник образ старца в белых одеждах, который кладёт руку ему на голову. И Форс перенёсся в этот момент, полностью окунувшись во все те чувства, что были у него тогда. И волна белой энергии накрыла его, и перевернула его мир снова. Вместо тоски и боли в груди распустился цветок безусловной любви. Сознание в один миг перестало жалеть себя, и жалость к Синхе прошла одновременно с этим, вместо жалости каждую клетку наполнила безусловная любовь. И вновь Форс принял мудрость старика, и вновь он понял, что покуда так предначертано и это нельзя изменить, можно только принять и продолжать любить.

Оставшись наедине с этим светом, мальчик чувствовал, что он не одинок, что нет ни границ, ни расстояний, и он часть этого мира, а значит, его любовь не есть путы, сковывающие его и загоняющие в горечь от потери, напротив, любовь не знает потерь, и будет проявляться всегда и везде, невзирая ни на какие события, препятствующие этому.

Приняв в сердце своё расставание, Форс смог снова настроиться на связь с лесом и спросил у дерева о произошедшем. Дерево показало ему, как женщина, сильная и властная, вошла в этот лес ранним утром, одна. Она прошла сквозь туман, обошла дозорные посты, силой своего сознания усыпив дружинников, и проникла таким образом в селение. Синха никуда не уходила ранним утром, её, спящую и ничего не подозревающую, женщина вынесла на руках из дома. У этой женщины были нечеловеческие способности, и поэтому ни у кого не было шансов помешать ей. У неё, в понимании леса, не было сердца. Она была даже более могущественна, чем трое странников, приходивших вчера в этот лес.

При этом она была гораздо более холодна, словно была проявлением какого-то бесчувственного механизма, управляющего сознаниями людей. Этот механизм почти не связан с теми силами, которые привели сюда трёх путников вчера, однако сегодня утром он действовал в том числе и во благо этих сил. Сопутствующие подробности уже не интересовали Форса, он прекрасно понимал, что дар этой женщины силён и опасен, что ему не найти ни её, ни Синху...

Досмотрев, как женщина выходит за пределы леса, Форс успокоился, понимая, что лес не видел больше ничего, и дальнейшая судьба любимой будет для него тайной ближайшие годы.

Выходя из дерева, мальчик ещё рассчитывал увидеть того старика и обо всём его расспросить. Только сердцем он прекрасно понимал, что знать ему более ничего не нужно, нужно действовать. И действительно, встретить старика вновь так и не удалось. Когда Форс поднимался по холму к селению, его уже встречали дружинники, которые вместе с братьями Синхи отправлялись на поиски девочки, вооружившись всем подряд: кто дубинами, кто луками, кто цепями.

Однако Форс прекрасно понимал, что всё тщетно. Он рассказал им, что произошло, не указав, разумеется, источник информации, и отказавшись следовать с ними на поиски. Внутренне Форс уже прощался с бывшими друзьями, зная, что видит их последние дни, что скоро ему придётся следовать воле судьбы и покинуть эти края, шагнув в неизвестность.

Ни в этот день, ни на следующий, несмотря на все усилия, Синха не вернулась и не была найдена.

Вечером следующего дня Форс с отцом гуляли вдали от селения по краю холма. Отец позвал сюда мальчика чтобы серьёзно с ним поговорить.

— Ещё несколько дней назад я думал, сынок, — начал отец, — что мы с тобой проживём жизнь в этом селении, будем обустраивать дом, помогать матери...

Мальчик взглянул на отца и почувствовал исходящую от него печаль. Среднего роста мужчина по имени Есур, на вид лет пятидесяти, в рваном кожаном жилете коричневого цвета да серых одеждах из тканей, отец выглядел уже уставшим от жизни и не видящим будущего. Его борода и волосы уже были с сединой, да и повидал он много всего за свою жизнь. Последние несколько лет жизни в селении были для него сказкой после лет скитаний с семьёй в поисках безопасных земель, поэтому отец вряд ли хотел бы куда-то отсюда уезжать. Однако и жизнь на одном месте медленно превращала его в старика, смысла в ней отец уже явно не видел. Отец продолжил:

— Когда мы познакомились с твоей матерью, у меня сразу возникли к ней чувства, я словно понял, что это моё, что другой в моей жизни уже не будет. И сколько бы мы с ней не скитались раньше, мы всегда знали, что найдём землю, где сможем прожить остаток лет без потрясений, в полной безопасности. Мы искали её ради вас. Когда родился твой брат, мы ещё скитались по свету, и с малышом на руках это было для нас сложно, практически невыносимо. Поэтому мы пришли сюда, в глухие места, подальше от людей, и остались здесь жить, построив свой домик на холме. И ещё ни одна беда не смогла его разрушить.

Есур сорвал охапку травы и покрутил её стебли в руке, посмотрел на селение и вздохнул, наверно, вспоминая прожитые годы.

— Мы остались здесь, и со временем к нам присоединялись другие. — отец сел на траву, пригласив жестом сына присесть рядом. — Мы принимали всех. Даже беглых разбойников. Терять нам было нечего, имущества у нас не было. Это сейчас мы нажили столько, что если бы жили одни, нас наверняка бы разграбили какие-нибудь залётные бандиты. Но у нас уже есть наши друзья, селение растёт и крепнет... И я горжусь тем, что мы смогли наконец найти себе этот холм в лесах.

Действительно, сюда стекались все, кто устал от общества: и бандиты, и просто творческие люди, не нашедшие себе места в крупных селениях и городе, и переселенцы после разрушений, вызванных приходом Атача. Но в итоге образовалась дружная семья в пару десятков домов, хижин, шалашей и юрт. Бывшие разбойники с удовольствием шли в дозор или в землепашцы, охраняли село и добывали пищу, вернувшиеся со службы ополченцы, чьи семьи когда-то селились в этих краях, находили это селение на холме и оставались здесь, кто на время, а кто и навсегда, пополняя ряды сельского дозора, а переселенцы и творческие люди привносили новые идеи для развития всего села: кто-то умел стоять красивые дома, кто-то вязал, ткал, делал посуду...

— Ведь я всегда хотел, чтобы все члены нашей семьи прожили здесь свои жизни. — отец обнял Форса и в словах его были нотки печали. — Я просто видел много горечи на своём веку, и не хотел бы, чтобы с кем-то из вас всё это повторилось. Здесь вы под моей защитой и под защитой нашей семьи размером с целое село...

Форс прижался к отцу поближе, понимая, что возможно уже не сможет посидеть так с ним ещё раз. Отец продолжал своё повествование:

— Но на самом деле в этом маленьком мире есть ещё много интересных мест. И я надеюсь, если ты там окажешься, ты пойдёшь совсем по иному пути, и у тебя всё будет совершенно по-другому.

— Я видел что вы уже собрали мне вещи в дорогу. — сын пообщался с дозорными и уже знал, кто за ним приходил. — За мной придут тайные стражники?

— Они приходили к нам три дня назад. — Есур, увидев, что сын всё понимает, перешёл ближе к делу. — И они хотели бы увидеть тебя. Возможно, они возьмут тебя на службу, возможно, ты им просто поможешь в чём-то.

— Расскажи мне подробнее про тайную стражу.

— Их называют в народе «чёрные мундиры». Это воины, которые охраняют нас от туманных духов и от людей, которые ими одержимы. — отец почти перешёл на шёпот по привычке, так как о тайной страже не принято много говорить в народе. Однако оглянувшись вокруг и убедившись, что его никто не видит и не слышит, стал говорить увереннее. — Если ополчение ведёт войну с одержимыми, то стража изгоняет духов из одержимых людей. Тайная стража — это люди, которые знают и могут больше простых людей. Видел бы ты, что представляют собой одни только их мундиры! Да в таком не страшна и пуля, не то что стрела. Они создавались в эпоху, когда на Иргент падало множество метеоритов. Создавались, чтобы защитить человека от осколков упавших небесных тел.

— Они чувствуют меньше чем обычные люди? — Форс припоминал образы, которые показывал ему лес, и пытался подогнать под них слова отца.

— Что ты! Они чувствуют значительно больше, иначе они не смогли бы выполнять свою миссию. Обычные люди бояться и почитают их, бояться потому, что от них ничего не скроешь, почитают потому, что они могут многое. И в то же время некоторые очень хотят к ним на службу. Для простолюдина чёрный мундир стражи — это билет в жизнь. Им везде открыты пути...

— Пап, а есть у них сердце? — мальчик с надеждой посмотрел на отца.

— Конечно есть. — не совсем понял вопроса тот. — Они такие же люди из крови и плоти. Поговаривают, конечно, что есть ещё роботы в таких же мундирах. Это такой механизм, который выглядит как человек, даже не отличишь. Но когда-то они были, а за последние триста лет после катастрофы их становится всё меньше и меньше. И кстати, такие же механизмы шьют стражникам их мундиры. Они остались всего в нескольких местах по миру, одно из них — в звёздной крепости.

— А в чём сила стражников?

— Всему, что они умеют, их обучают. Они попадают в специальные места, где их учат видеть и чувствовать больше, чем обычные люди. — отец вздохнул и добавил раздражённым тоном — И грамоте, и устройству мира, а ведь ещё я рос в те времена когда были школы, и эти знания были доступны всем!

Вечерние светила уже клонились к закату. Местность на планете Иргент освещали две звезды — большая звезда Яро, символ мужской энергии, вокруг которой вращается звезда поменьше — Эва, символ женской энергии. Звёздные души, приходящие сюда с других планетарных систем, говорят, что бывают и системы с одной звездой. Однако народ на Иргенте не понимает, как можно жить с одной звездой. Ведь всё в этом мире делится надвое: «хорошо» и «плохо», любовь и страх, мужское и женское, Яро и Эва.

— Так вот, сынок, — Есур перевёл взгляд на уходящие за горизонт светила, — если случится так, что нам суждено будет расстаться, помни нас и всегда присылай весточки о себе.

— Не волнуйся, отец, я всегда буду приходить в гости как только будет возможность. —

Форс обнял отца и добавил: — Я всегда буду гордиться тобой и мамой.

— А мы всегда гордились тобой, сынок. Мать всегда говорила, что ты не такой, как все. Что ж, раз уж твой дар бесполезен для нас, пусть он послужит на благо освобождения Иргента и приблизит окончание войны.

Форс вздохнул, вспоминая, что сам перекрыл свой дар клятвой, данной внутри священного дерева, и его силы, постепенно ослабевая, скоро покинут его.

— Скажи, исчезновение Синхи как-то связано с тобой?

При каждом воспоминании о Синхе Форс метался между чувством привязанности и сопутствующей болью, и безусловной любовью, которая позволяет отпустить боль и принять свой путь.

— Нет, отец, её забрали другие люди. — Решил соврать Форс, дабы не беспокоить отца и селян понапрасну. — Её дар тоже пойдёт на благо освобождения планеты, так что за неё можешь не беспокоиться.

Туман ещё не опустился на поля и леса вокруг холма, но сгустившаяся мгла уже укутала окрестности покровом ночи. Дозорные уже заступали на свои посты, и передовой пост услышал вдали на тропе звуки шума. Они отличались от монотонного пения ночных птиц и насекомых, и напоминали скорее голоса и смех людей. Через некоторое время сквозь мглу начали отчётливо проступать огоньки. Звуки то затихали полностью, то возобновлялись с новой силой. Через некоторое время дозорный уже отчётливо различал голоса людей и видел факелы, освещавшие их лица. Он побежал в селение чтобы предупредить дозор о приближающихся людях.

Через несколько минут на краю селения, рядом с постом, уже стояла толпа в двадцать человек, освещавшаяся тремя факелами. После исчезновения девочки они уже были готовы к худшему, в толпе раздавались слова о разбойниках и о том, что Синху уже нашли мёртвой. Однако чем ближе подходили шедшие по тропе люди, тем отчётливее слышались их смех и радостные песни.

Подойдя к селению совсем близко, эти люди начали радостно приветствовать селян. Их одежды, сотканые из плотной ткани болотного цвета, и большие рюкзаки за плечами, выдавали в них знакомых всем ополченцев. Один из них, шедший впереди, подошёл к селянам первым и, поприветствовав их поклоном, сказал:

— Ну наконец-то добрались! — на лице молодого парня сияла искренняя улыбка.

— Было темно, заплутали малость. — сказал другой ополченец.

— Ну ничего себе малость! — весело добавил третий.

Всего пришедших было не больше восьми человек. У путников с собой были тяжёлые рюкзаки, кандалы, верёвки, палки...

— Приветствуем доблестное ополчение! — вышел из толпы селян отец Форса, почитаемый здесь за главу селения. — Я есть Есур, основатель этого села, и я решаю кому и насколько здесь останавливаться. Да будет вам известно, что ввиду пропажи человека вчера утром, у нас в селе повышенные меры безопасности. Потому прошу вас ответить на вопросы о том, кто вы и с чем пожаловали.

— Из отряда вышел вперёд коренастый мужчина, по возрасту явно самый старший из ополченцев, и стало быть, более опытный и почитаемый как командир отряда.

— Приветствую тебя! — поклонился он. — Я командир отряда, Арангал, я пришёл в это селение с особым поручением вместе со своим отрядом! Известно ли селянам такое имя как

Форс?

— Известно. Это мой сын. — ответил Есур.

После нескольких секунд повисшей паузы, в тиши которой раздавалось только шипение и треск горящих факелов, явно удивлённый таким поворотом событий командир ополченцев продолжил:

— Нам поручили доставить вам особое приглашение посетить вместе с сыном центр обучения в жёлтой долине. — не отрывая глаз от Есура, он достал из кармана бумагу с соответствующей печатью. — В нашем центре прознали о вашем сыне и хотели бы сотрудничать с вами во имя нашей общей цели. Мы шли сюда довольно долго и не рассчитали время, ваши дома находятся в далёких и диких краях, потому мы вынуждены потревожить вас в столь поздний час.

После недолгих переговоров всех ополченцев приняли в село. Из рюкзаков они достали ткани и балки, и стали разворачивать свой походный шатёр, в котором отряд разместился, дабы не тревожить селение. Пятеро из ополченцев на ночь усилили ряды дозора а трое пошли к Есуру в дом.

Деревянный купол дома встретил их накрытым столом. По центру здания стоял камин, на котором можно было готовить еду, ближе к крайнему окну, выходящему на центр села, стоял стол, и на нём стояли разогретые Ирдит угощения.

— Говорят, есть надо с утра и днём, — Арангал смотрел на яства, и в глазах его читалось желание насытиться после долгой дороги, — но мы едим и на ночь, ибо в дозоре голодным пребывать не очень-то весело.

— Да у нас все мужики таскают с собой в дозоры что-нибудь перекусить. — мать Форса принесла на стол очередные две тарелки с вкусностями. — Так что угощайтесь!

— Мать была для Форса воплощением добра и женственности. Сорокалетняя женщина по имени Ирдит, она воспитала старшего сына, выносив его полгода в скитаниях по различным землям, она родила ещё двоих, в их семье всегда царили лад и гармония, и всё благодаря её трудам. Она с любовью делала всё: готовила, занималась по дому, сеяла, воспитывала его с сестрой и братом. Форс понимал, что её заботы всегда будет не хватать, когда он уйдёт с ополченцами в далёкие края.

— Перед тем, как нас направили сюда, мы вернулись с задания с песчаных холмов. Это заселённые кочевниками территории на пустоши. Вот там настоящий ужас, настоящая война. — один из ополченцев, который постоянно картавил, завязал диалог о делах, практически никогда не касавшихся тихого селения на диких землях. — Кочевники с пустошей вообще сильно подвержены влиянию духов, половина из них одержимыми ходят. А те, кто не одержим, поддаются давлению одержимых и идут в бой вместе с ними.

— Ну хватит о плохом, мы всё-таки за столом! — перебил его Арангал, улыбаясь. — Давай лучше о хорошем. Вот мы шли сюда, и едва успели до тумана, едва духам не попались! Кого бы первым сцапали? Тебя, потому что ты всё время о плохом говоришь!

— Да не сцапали бы меня! — как ребёнок начал отшучиваться, картавя, молодой вояка, скаля челюсть с выбитыми передними зубами. — У меня вон какие зубы, я сам кого хочешь сцапаю.

— Ты давай для начала этими зубами мяско сцапай, — командир отряда ткнул пальцем в стоящее на столе блюдо, — и то посмотрим, осилишь ли!

— Ну вот, как о больном, так сразу издеваться! — пожаловался в шутку беззубый.

Арангал был весел, но спокоен, а двое пришедших с ним ополченцев рассмеялись.

Дружный смех ополченцев был столь заразителен, что даже Форс, не до конца понимающий мрачного юмора вояк, засмеялся вместе с ними.

— А мяско у нас очень редко бывает. — Ирдит подвинула ближе блюдо с мясом. — Лесные звери к нам редко заглядывают. Это вчера искали пропавшую девочку, и на пути попался мёртвый зверь. Принесли тело и на село поделили, нам вот тоже кусочек достался.

— Это хорошо, что к вам звери не заходят! — второй ополченец влез в беседу. — Мы только ими и питались в походах в песчаных холмах да на пустоши.

— Вы едите мясо одержимых зверей? — удивилась Ирдит — А это не опасно?

Не опасно, дух уже выходит из зверя, в плоти ничего не остаётся. — Арангал отломил кусок мяса с блюда. — Бывает, приходится ловить и убивать и не одержимых зверей. Бывает, идёт отряд по пустоши, вокруг ни души, травы и растений мало, а питаться чем-то надо. Приходится ловить рыбу или зверя, чтобы не умереть с голоду. Зверей сложно ловить, они скрываются от людей в норах, а птиц просто нет там. Так что если что-нибудь попадается, мы съедаем это.

Форс скривил лицо от услышанного, сама мысль о том, что ради пропитания ему придётся убить зверя, казалась ему отвратительной. Уж лучше умереть с голоду, чем убить какое-то из тех замечательных существ, что приходили к ним с Синхой на холме, лежали рядом и дарили тепло.

— На пустоши особенно много одержимого зверья. — добавил ополченец без передних зубов. — просто ужас, отбиваться иногда не успеваем. Ладно стаи редко попадают, зато крупная дичь может и убить, и покалечить.

— А девочку-то нашли? — спросил Арангал.

— Нет, так и не смогли к сожалению. — Есур подошёл к столу с двумя, видимо, последними из приготовленных блюд, и сел за стол вместе со всеми.

— Да это бесполезное дело, — начал беззубый опять о плохом, — когда люди пропадают, в них вселяются туманные духи, они ходят одержимыми по лесу и нападают на других...

— Вы его поменьше слушайте, он вам страшилок наговорит! — перебил его Арангал. — На самом деле всё куда сложнее, чем в этих общеизвестных страшилках, хотя, действительно, детей в туман отпускать нельзя, у них сознание не окрепло, духи к ним могут подселиться запросто.

Слушавший всё это Форс думал про себя, что даже эти взрослые люди верят в сказки, как дети. Хоть они и ходят в тумане, но они даже не представляют себе, каково в тумане на самом деле. Опыт Форса говорил, что никакие духи там не попадают, а все лесные звери добрые и ласковые. И вообще, ополченцы даже не представляют, какой силой обладают «дети», о которых они говорят. «А если бы представляли — молчали бы и не говорили чепуху.» — Тут Форс поймал себя на том, что он раздражён.

— Так в чём состоит ваше поручение? — перешёл к делу глава семейства.

— Да. Нам дали поручение — Арангал перевёл разговор в конструктивное русло. — пригласить Вас с сыном в жёлтую долину, в наш учебный центр. Магистр центра хочет видеть Вас у себя и просить разрешения передать вашему сыну знания, которые помогут ему значительно улучшить свои познания о мире и о духах.

— Что ж, подумаем до утра, посоветуемся, и примем нужное нам решение. — сказал глава селения.

Отец Форса всегда был сдержан в своих поступках и многократно обдумывал действие,

прежде чем его совершить. Вот и теперь он, уже попросившись внутренне с сыном, показывал, что он всё равно хозяин ситуации, что он может и отказать ополченцам, хотя, конечно, сам очень хотел для сына тех благ, которым научат в жёлтой долине. Но жизнь научила его не принимать поспешных решений, а даже если решение уже принято, озвучивать его в самый последний момент и под нужным углом, дабы всегда держать оппонента в подчинённом положении. Есур не показывал никак своей заинтересованности в данном вопросе, напротив, показывал безразличие, дабы это ополченцы чувствовали вовлечённость и оказывали ему некую услугу, а не наоборот.

— А сейчас не будем о плохом, давайте есть, пить, и думать только о хороших делах! — добавил Есур. — К тому же скоро спать...

С рассветом ушедшие на ночь в дозор ополченцы отправились спать. Беседа в доме Есура длилась тоже до глубокой ночи, и все её участники спали с утра беспробудным сном. Только к полудню они смогли выспаться вдоволь чтобы двинуться в путь. Проснувшись, ополченцы собирали шатёр и готовились выдвигаться, чтобы к вечеру успеть до прихода тумана оказаться в безопасном месте.

От диких земель до страны гор пара дней неспешного пути на юг. Дальше лежала страна городов — местность, в которой было множество населённых пунктов, и можно было передвигаться между ними, не опасаясь духов: туман на этих обжитых землях появлялся крайне редко, в основном во время приближения Атача к Иргенту. Тогда народ из этих мест просто временно переселялся в горы чтобы быть выше тумана. А уже дальше была та самая жёлтая долина, являющаяся южным рубежом обороны в войне с туманными духами. Здесь были центры подготовки ополчения и множество поселений. Меньше, чем в стране городов, но поболее, чем в горах.

Есур решил отправить сына с ополчением и остаться — слишком много дел было у него здесь, чтобы взять и бросить на несколько дней жителей селения и семью.

На краю села собрались провожать отряд все желающие селяне. Напротив них на поляне выстроились в три ряда по три человека ополченцы — этот боевой строй назывался кругом, так как был наиболее эффективен на случай, если придётся держать круговую оборону. Только передний край «круга» был не замкнут — здесь стояли только двое: командир отряда и беззубый ополченец, гостивший у Есура прошлой ночью.

Командир сделал три шага вперёд и послал селянам знак любви и благодарности — приложив ладонь к сердцу, направил затем эту ладонь в сторону стоящих напротив людей. Тут же отряд синхронно копировал его жест. Селяне хаотично отвечали этим жестом и улыбались ополченцам. Вперёд из толпы селян вывели Форса. Отец торжественно напутствовал его в новую жизнь перед всем селом, а затем из толпы посыпались напутствия, благодарности и пожелания.

Каждый старался припомнить и рассказать что-либо хорошее, что Форс сделал для него — такова была традиция прощания на этой планете. Семья многократно благодарила Форса за те многие вещи, которые он сделал для неё, остальные селяне припоминали хорошие моменты или просто благодарили за хорошие черты, которые видели в мальчишке.

Братья Синхи по-прежнему были в шоке после её пропажи. Старший брат взял с Форса обещание найти Синху, и предостерёг его:

— Сначала тайная стража, потом пропажа сестры... — говорил он Форсу. — А теперь вот, и тебя забирают. Не нравится мне всё это. Будь осторожен.

У многих прощающихся были слёзы — одновременно и грусти и радости. После напутствий Форса поспешили обнять все, кто мог, напоминая свои благодарности к нему. Форс, по традиции, отвечал тем же — припоминал их поступки, за которые благодарен он. После прощания, Есур взял форса за руку и подвёл к Арангалу. Передав ему сына, Есур напомнил, что полная ответственность за Форса на время пути лежит на нём. Пообещав доставить мальчишку в целости до места назначения, Арангал поклонился отцу Форса и обнял его на прощание.

— Нужно всегда с любовью и благодарностью отпускать уходящих, с любовью и радостью встречая пришедших. — начал речь глава селения, обращаясь к селянам. — Ибо уходящий от вас не есть потеря, как нет потери у отца, наблюдающего путь в самостоятельную жизнь своего ребёнка. Давая возможность любимым уходить от вас, желайте им найти в этом себя и свой путь. И тогда они обретут для себя и принесут вам в десятки раз больше, чем могли бы дать, будучи с вами.

Есур повернулся к Форсу и продолжил, глядя с гордостью на сына:

— Я видел твоё рождение, сын, я видел, как ты рос, я видел тебя ребёнком. Но это не даёт мне права всю жизнь относиться к твоим поступкам, как к детским. И сегодня я впервые говорю тебе это не как ребёнку, а как мужчине, у которого впереди большое будущее. Я постарался дать тебе всё, чтобы ты шагнул смело в свой новый путь. Если ты найдёшь себя на этом пути — следуй ему безотлагательно. Если же ты считаешь, что этот путь не твой, всегда знай, что здесь тебя ждут и любят. Для нас твой шаг во взрослую жизнь — это уже твоя победа. Когда и кем бы ты сюда не вернулся, знай, ты возвращаешься с победой!

С этими словами Есур передал сына Арангалу. Командир отряда подвёл его к кругу и поставил в строй, встав рядом. Ополченцы, взявшись за руки по три человека, отправились в путь. Впереди шли Арангал, Форс и беззубый. Ходить за руки — давняя традиция ополченцев. Так они передают друг другу силы через ладони, чтобы поддерживать энергетику отряда в дальнем пути. Когда общая энергетика сочастотна, возникает резонанс и каждый в отряде чувствует прилив сил.

Только вот если раньше этому обучали специально, то сейчас, во времена хаоса и запустения, эти знания постепенно уходят, и в центрах подготовки обучают уже разве что простому рукопашному бою, работать с энергиями никого не учат. Поэтому для многих такая ходьба уже становится больше традицией и ритуалом, однако сплачивает боевой дух и даёт поддержку солдатам.

Это Арангал, как закалённый человек старой боевой школы, обучил свой отряд всему, что учили раньше, сделав его единой и дружной семьёй. И знания об использовании энергий тоже передал, добившись от отряда удивительных результатов. С его боевой выучкой отряд считался лучшим в жёлтой долине, потому этих ребят посылали на самые долгие и сложные задания, в том числе на изучение дикой территории, пустоши, песчаных холмов — тех мест, куда не ступает нога обычного человека, ибо для большинства путь туда это верная гибель.

Отряд Арангала — лучший отряд жёлтой долины, исходивший все доступные людям здешних мест территории. В пути бойцы отряда рассказывали Форсу много историй о своих походах. Оказалось, они даже прошли к океану. Правда, пришлось обходить горную местность по пустоши, это был сложный и опасный путь.

На пути отряду попадались части старых построек, которые были на Иргенте повсеместно до катастрофы. Это были многоэтажные здания из камня и каких-то неизвестных материалов. Они уже почти разрушились, от большинства Атач оставил только стены. То, что было не до конца разрушено, поросло лесами и выющимися растениями, и остовы стен и перекрытий все покрылись зеленью. Постройки возвышались на несколько этажей вверх, вровень с редкими старыми деревьями.

Редкий путник забредал сюда в одиночку, большинство встречавшихся на пути людей ходили группами по семь-десять человек с оружием — диких зверей в этой местности было

поболее, чем людей. Однако звери боялись, и лишь изредка появлялись на глаза.

Рассказывали ополченцы и о родных Форсу диких землях. Хотя по рассказам ополченцев, одержимых зверей здесь много, Форс ещё ни разу не встречался с такими. То ли местность вокруг холма была относительно спокойной, то ли дар, тлеющий в груди Форса, не давал возможности животным проявлять свою агрессию.

Проходя мимо одного интересного холма, ополченцы обратили внимание Форса на торчащую оттуда металлическую конструкцию. Она была похожа на купол, только неправильной формы: вытянутый вверх, плоский с одной стороны, и на острой верхушке его торчали в разные стороны непонятные металлические обрубки. Ополченцы сказали, что до катастрофы эта штука летала по небу и перевозила людей. Верить им или нет — Форс не знал, однако вполне возможно, что такое когда-то было.

Первое селение, попавшееся на пути, было огорожено высоким и изрядно потрёпанным забором из серо-серебристого металла. Надобности в дозорных в этом селении, по видимому, не было, из-за этого ограждения. Ополченцы пояснили, что это поселение — крепость и перевалочный пункт, оно находится в поясе тумана, потому полностью защищено от внешнего вторжения высокими стенами. Правда, данная местность подвержена сильным землетрясениям в период прихода Атача, потому здесь меняется ландшафт, стены и строения в поселении то и дело приходится латать.

Но необходимость в возвращении сюда весьма остра — этот перевалочный пункт нужен, чтобы путники могли дойти с дикой территории до страны гор, переночевав и пополнив запасы продуктов здесь. Эту местность давно бы забросили, но эта тропа — практически единственная транспортная артерия, связывающая страну гор с дикой территорией. Есть ещё одна, восточнее, но там дела с безопасностью обстоят ещё сложнее, чем здесь.

Арангал подошёл и постучался в металлические ворота, судя по виду уже многократно мятые и выпрямляемые обратно. Внутри поселения кипела жизнь и слышались голоса. Однако никто не подошёл к воротам. Через некоторое время Арангал вынужден был повторно постучаться, но уже громче. Точно так же не сработало. Двое ополченцев подошли к дверям и на третий раз по металлу ворот барабанили уже шесть рук, да с такой силой, что не услышать их было невозможно.

— Да иду я, иду! Чего долбите? — послышалось с той стороны.

Через полминуты дверь распахнулась и за нею показалось лицо низкорослого полного старика с густой бородой и в бардовой кофте. Серые брюки его были очень широкими сверху до колен и сужались к низу, обтягивая голени и не доходя до грязных от земли кожаных сандалий.

— Фир, чтоб тебя, где тебя носит?

— Да ладно тебе, Арангал, пора бы уже привыкнуть! То, что моя лавка ближе всего к воротам, не значит, что я здесь на побегушках!

Командир обнял старика и весь отряд последовал его примеру, поприветствовав его объятиями. Форс был последним, и тоже последовал этой традиции. Все вошли в поселение и старик Фир, местный монетчик, закрыл за ними дверь. В поселении только он умел чеканить монеты по всем стандартам, и когда в селении росло количество товаров, крестьяне обращались за монетами именно к нему — монеты его чеканки точно примут и обменяют в любом селении, даже в городе.

Назвать лавкой двухэтажный домишко недалеко от ворот было конечно нелегко. Но самое странное, с точки зрения Форса было то, что принимал людей он на втором этаже, а жил на первом. На второй этаж даже была сколочена массивная деревянная лестница, правда, без перил, зато с очень удобными ступенями — всё для клиентов. Неспешным шагом все направились вперёд по центральной улице, разговаривая. Впереди шёл Арангал с монетчиком.

— Ну что, ребята, кому нужны монеты? — спросил дед, повернувшись к отряду.

Арангал обернулся на свой отряд, однако никто так и не ответил. Видимо, сейчас важнее было бы иметь запас провизии, чем обменивать его на деньги. Некоторое их количество у командира было, поэтому он не беспокоился за отряд — если что, купить провизии можно в любом селении.

— Опять ты со своей рекламой, дед, — посмеивался сзади один из ополченцев, — мы ж военные, на что нам монеты? Нас и так неплохо снабжают.

— Ой, молодёжь, кормят их... — ухмыльнулся дед. — А что, в город пойти и провести ночь с девушкой не охота никому?

— Нам своих хватает. — Арангал с улыбкой похлопал Фира по плечу. — А ты, дед, знаешь толк в молодёжи...

— Да это ты меня ещё не знаешь! В молодости я был первым парнем на своём селе! Да и сейчас я могу в постель уложить любую красавицу! Что, не веришь?

Арангал с ухмылкой смотрел на весёлого старика, ополченцы тихо посмеивались.

— Хороший из меня любовник! Что тогда, что сейчас!

— Ладно, верим, ты лучше вот что скажи, — Арангал достал карту из кармана, — как нам лучше пройти воот к этому селению?

Вам, ребятки, надо через третьи ворота — ответил Фир — идёте, значит, прямо, потом поворачиваете на развилке направо и по главной дороге доходите до ворот.

— Отлично, дед, тогда мы пойдём.

— Что, даже покушать не заглянете?

— В другой раз, Фир, в другой раз. — Арангал ещё раз обнял деда и добавил: — Если б останавливались здесь, обязательно зашли бы. Сейчас нам надо до тумана выйти на горную тропу.

— А что за мальчишка с вами? — посмотрел Дед на Форса.

— Тааак, что за мальчишка с нами? — посмеялся ополченец после повисшей паузы.

— Да, а кто это? — поддержал его другой вояка.

И понеслось:

— Мальчик, ты откуда здесь? Чего ты к нам пришёл?

— У нас дорога длинная, не ходи с нами, устанешь!

— Мы не конфетки ищем, мы духов ловим!...

Закончилось это всеобщим дружным смехом. Форс понял: ему намекают на то, что себя пора уже как-то проявлять, и представляться надо самостоятельно.

— Меня зовут Форс, — сказал он старику, — я с диких земель, иду в жёлтую долину учиться.

— Да, поздравляю, в вашем полку прибыло! — сказал Фир отряду и обратился к Форсу. — А тебя поздравляю с прибытием, защитничек! А знаешь что...

Старик порылся в карманах, достал из одного пару монет, плюнул и сказал:

— Подождите минутку, я сейчас.

Монетчик так быстро взбежал по лестнице на второй этаж своего домика, что казалось, внутри он ещё действительно очень молод. Через некоторое время он вышел и спустился обратно с горстью денег в руках.

— Держи тебе в подарок немножко монет. Этого хватит, чтобы прожить несколько дней даже в хорошей гостинице города!

— Вот ведь хитрец, везде свой товар рекламирует! — шёпотом сказал ополченец.

— Мне кажется, в стране городов таких мастеров достаточно, а за монетами кто сюда пойдёт? — в полный голос заявил другой ополченец.

Но дед, наперекор этим слухам, заявил:

— Многие горцы идут ко мне, а не в страну городов, зная что мои монеты очень качественные. Так что можешь не бояться, их везде примут!

— Что же ты, дед, не переберёшься в город со своими талантами? — спросил другой ополченец.

— Да не хочу, не люблю я, когда много людей в одном месте. Здесь-то я как рыба в воде. Все тут друг друга знают. Все чем-нибудь приторговывают. Не посёлок, а большой рынок. Мне тут в самый раз находиться. Только бегать в горы по Атачу каждый раз надоедает. Но это небольшой минус по сравнению с тем, как мне здесь хорошо.

Ополченцы попрощались со стариком и пошли дальше. Они уже ни раз проходили через этот посёлок, и кроме монетчика, знали ещё многих местных. Посёлок действительно напоминал рынок. Рядом с домиками на центральных (и не только) улочках стояли лавки. На них были выставлены продукты, одежда, кожа, ткани, камни, даже редкие книги разных времён. К лавкам то и дело подходили путники, идущие из страны гор в дикие земли и обратно. Иногда мимо пробегали, весело смеясь, детишки, и скрывались во дворах.

В общем, тропа, на которой стояло селение, действительно была довольно проходной. На встречу ополченцам попадались даже тележки, хотя было понятно, что это уже местные — тащить с собой телегу по труднопроходимой местности сюда было непросто.

Учитывая, что в посёлке не было плантаций, было ясно, что еду сельчане выменивают у горцев на те товары, которые приходят к ним с разных концов диких земель и даже через страну гор. До страны гор здесь ещё сутки пути, но стоит выйти на горную тропу, и ты уже выше тумана, а значит, можешь спокойно заночевать там.

Перейдя к воротам, на которые указал Фир, отряд вышел из селения-крепости и двинулся на юго-запад. Дойдя до горной тропы, отряд переночевал в горах и прошёл через края горцев. Форс увидел крепкие каменные здания, оставшиеся здесь ещё со времён промышленной цивилизации. Эти здания были с двумя и тремя этажами и были сложены из огромных каменных валунов, выпиленных прямо из скал — технологии тогда позволяли строить дома из тех материалов, которые были под рукой.

Форс удивился на то, насколько идеально были обработаны и подогнаны друг к другу эти камни. Их вес сейчас не способен осилить сотни людей, а тогда их перемещали при помощи специальных механизмов. Механизмов этих мальчик, конечно, никогда не видел, и надеялся, что в жёлтой долине ему покажут и расскажут что-нибудь про то, что было на планете до катастрофы.

Эти каменные здания были явно перенаселены — в горы всегда стекалось много людей. К каменным домам строились примитивные деревянные пристройки, в которых тоже жили люди. Леса в этой местности не было, и его для строительства приходилось таскать сюда по тропе. Выше в горах уже не было вовсе деревянных построек. Были только юрты, шатры,

палатки... Выше, где становилось уже настолько холодно, что невозможно было жить в палатках, ставили дома из небольших камней, собранных неподалёку. Стены обмазывали глиной, что позволяло прочно скрепить камень и сделать дом относительно тёплым и долговечным.

Пройдя через горы, отряд остановился на следующий день в селении на спуске с горной гряды. Там начинались земляные холмы, поэтому каменные здания здесь чередовались с землянками, врытыми в грунт наполовину, наполовину сложенными из камня.

Горцы всегда жили относительно хорошо и безопасно. В горах, где почти нет плодородной почвы, людям приходилось выращивать еду в горшках или завозить с ближних земель. Благо, каждый раз во время прихода Атача, к горцам стекается весь народ с окрестных земель, и они заботливо размещают людей в своих домах. Путники несут сюда свои пожитки и запасы продовольствия.

Хотя у горцев и есть поговорка: «всё, что не можешь унести на своих плечах — излишество», закрома у них зачастую бывают полны запасами продовольствия, которое несут сюда гости гор. Впрочем, этими запасами они кормят и проходящих к ним беженцев. А что касается поговорки, так она вызвана скорее тем, что в горах кроме рюкзака ничего с собой не понесёшь и тележку в горы за собой не потащишь — руки нужны чтобы карабкаться.

После страны гор отряд вошёл в долину со странными горами. Они словно были насыпаны кем-то и имели чёткую форму конуса. При этом были огромны, и вершины их пронизывали пелену облаков. Парни из отряда рассказали Форсу, что когда-то здесь добывали и перерабатывали металл в таких масштабах, что уму непостижимо. Большие машины вырывали из земли породу а потом складывали её таким вот образом. И горы, имеющие правильную форму — это рукотворные горы. Ещё ополченцы показали Форсу другие странные останки гор — спиленные ровными ярусами холмы, уже поросшие деревьями. Они выглядели как огромные ступени, каждый ярус был выше человеческого роста вдвое. А вершина холма была плоская, как стол, потому, что по ней когда-то передвигались огромные машины, размер которых сейчас трудно даже представить.

Форс не понимал, зачем нужно столько земли, и как из этой земли может появиться металл. Он видел рудники, в которых металл был спрессован в сгустки руды, из них можно было отливать что угодно на кузнях. В то, что можно добывать металл прямо из земли, мальчик так и не поверил, и горы эти, как ему казалось, были такими всегда, несмотря на странную форму.

На выходе из долины начиналась страна городов. Уже в долине частенько попадались люди с рюкзаками и тележками. Многие действительно возили в тележках руду для кузниц. Форсу подумалось, что это из-за наличия руды придумывают красивые легенды про огромные машины, добывающие металл прямо из земли. Были здесь и дети, которые пришли полепить из песчаной почвы красивые замки.

Подходя к главной дороге, ополченцы встретили другой отряд. Они долго обнимались и рассказывали, кто где побывал. Форс же осматривал окрестности. Многие встречные улыбались и знакомились и с парнями из отряда, и с Форсом. В стране городов жили доброжелательные и общительные люди. Здесь практически не было леса — только холмы и небольшие рощи, и луга, поросшие травами.

На пути часто попадались старинные здания эпохи машин. Они были в основном полуразрушенные, некоторые из нижних этажей были заселены, сверху же этажи были

заброшены ввиду разрушения крыш и части стен. Были как небольшие, так и совсем огромные здания в десяток этажей, однако сохранились из них немногие. Ополченцы рассказали, что жить в таких домах довольно опасно, так как они могут разрушаться дальше и даже рухнуть, похоронив под обломками камня своих жителей. Однако в эпоху машин строили надёжные и долговечные жилища, если бы не Атач, многие из них стояли бы до сих пор.

Переночевав в Стране городов, отряд двинулся на юг, к жёлтой долине. Впереди Форса ждала новая жизнь.

Она сидела в тёмном полумраке комнаты. Сверху бил очень тонкий рассеянный луч света. Она не знала, ночь сейчас или день. Вокруг витали клубы тёмного, едва заметного дыма. Она не могла пошевелить руками и ногами. Едва осознав себя смотрящей на всю эту картину, она стала вспоминать.

Поначалу она не помнила ничего: кто она, откуда, что здесь делает. Каждая мысль давалась с огромным трудом и отзывалась внутри черепа головной болью. Затем она стала припоминать что-то. Сначала это были смутные образы леса, деревьев, гор... Затем в сознании возникло селение на холме. Прележав ещё некоторое время, она поняла, что находится в какой-то тёмной и очень сырой комнате. Ещё раз попробовав пошевелить руками, она пришла к выводу, что тело с трудом, но поддаётся командам разума. Ещё некоторое время ушло на знакомство с ощущениями тела, которые были новы, по крайней мере в этом состоянии.

Прошло не так много времени, как до слуха донёсся скрип отпирающейся двери. В комнату вошли двое. Они о чём-то говорили между собой. Взяв под руки едва только начавшее осознавать себя тело, они вытащили девочку в тёмный коридор.

Через несколько мгновений она осознала себя лежащей на холодной твёрдой поверхности. Она ощутила давление на голову. Открыв глаза, она увидела, что у неё на лбу лежат чьи-то ладони. Попытавшись отстранить их рукой, она обнаружила, что не может поднять руки. Посмотрев вниз, насколько хватало обзора, она увидела, что руки плотно прикованы кандалами к камню, на котором лежит тело. Над головой у неё стояли три молодых девушки. Их красные зрачки словно светились в полумраке. Они шептали непонятные слова, из которых ничего невозможно было разобрать. Но шёпот этот давил на тело со всех сторон словно слова были материальными и плотными. Станный серый дым пролетел над телом тонкими клубами. Девочка в это мгновение чувствовала холодок и дрожь, идущую по коже. Страх сковывал тело, не давая произнести ни звука. Она закрыла глаза.

В этот момент она начала вспоминать себя. Её звали Синха и она жила в небольшом селении на холме среди диких земель. Она — человек, который любит жизнь и окружающий мир. Ей никогда не бывало страшно... Хотя нет, было. Когда-то, может быть недавно, а может быть уже очень давно, за её любимым пришли непонятные люди, чтобы увести его с собой. Тогда она впервые испытала страх и чувство потери. Впрочем, ей вспомнился какой-то старик, который успокоил её тогда. Да, этот старец был очень мудр, он рассказал тогда, что им ещё предстоит пройти через многое... Неужели это начало? Неужели сейчас она попала в ту новую жизнь, о которой говорил старик?

Станный холод прошёл по ногам и поднимался по телу... Сначала что-то непонятное окутало ноги, потом дошло вверх до живота... Через минуту половина тела уже не подчинялась контролю разума. Страх накрыл тело и не давал сознанию думать. Тут Синха вспомнила как подобное состояние страха прошло у неё однажды в чаще леса. Она припомнила руку старика, лежащую у неё на голове. Она представила, что те руки, которые сейчас прижимают её голову к камню — это не руки незнакомых девушек, а руки того старца. Она вспомнила, как старец наполнял её голову светом, теплом, любовью. Она

перенеслась своим сознанием в ту чащу, подальше от страхов, и инстинктивно попыталась воспроизвести те чувства, которые испытывала тогда.

Вместо непонятого шёпота девушек в сознании начали проявляться слова старца. В голову вошёл очень слабый луч белого света. Синха попыталась вспомнить и прочувствовать ещё сильнее и глубже тот момент. Поток света начал усиливаться. Он начал проникать в тело и распространяться по нему. На уровне сердца этот свет столкнулся с тем пронизывающим холодом, который поднимался вверх, и тело девочки пронзила боль. Тело Синхи содрогнулось. Свет усиливался и вытеснял из тела мрачный холод, а разум становился всё чище.

Синха окончательно вспомнила себя. Вспомнила Форса и своих братьев. Вспомнила свою юрту на окраине селения. Однако вспомнить то, как она здесь оказалась, девочка так и не могла.

Тем временем белый свет заполнил всё её тело и холод ушёл. За воспоминаниями девочка не заметила, как давление на голову исчезло и три девушки отошли от неё, а в зал, где они находились, вошла высокая женщина. Синха услышала стук подошв о каменный пол и открыла глаза. Женщина, стоявшая в полумраке, была высока, статна, красива. Синху сразу испугал цвет её глаз — вместо красных или голубых у неё в глазах темнели чёрные зрачки, словно она не являлась человеком.

— Сколько можно! — закричала женщина на стоящих над головой Синхи девушек, — Третий раз, третий раз вы пытаетесь, а эта изворотливая девчонка опять что-то придумывает! Меня достало это!

В гробовой тишине помещения слышались отголоски эха. Девушки стояли не дыша и смотрели вниз.

— Ну ладно! Я ещё покажу вам, как надо работать! — женщина посмотрела на Синху. — Закроем её в пещеру силы. Посмотрим, сколько времени она там сможет сопротивляться.

С этими словами женщина скрылась в полумраке помещения, однако ещё некоторое время был слышен стук её шагов.

— Граса, ты же хорошая девочка, — склонилась над Синхой одна из трёх девушек, — почему ты не хочешь быть с нами?

— Расслабься и впусти силу в себя — тут же заговорила другая. — Это сделает тебя послушной.

— Зачем мне быть послушной? — Синха недоумевала от всего происходящего. После этого вопроса девушки переглянулись. Повисла недолгая пауза.

— Это изменит твою жизнь. — удивлённо выдавила из себя первая девушка. — Мы все здесь такие. Я вот была беспризорницей до прихода сюда. Сила дала мне новую жизнь.

— Я не беспризорница, у меня есть братья, и я хочу к ним вернуться! — Закричала Синха, осознавая ситуацию. — Выпустите меня отсюда и пустите домой!

— Так, кажется пора нам её заткнуть. — вмешалась третья девушка.

После этого клубы чёрного дыма окутали сознание Синхи. Девочка провалилась в глубокий сон.

Металлическая дверь с диким скрипом, который уместнее было бы назвать визгом, закрылась за спиной Синхи. Девочка, которую втолкнули в помещение, начала осматриваться. Последнее что она помнила — как её разбудили прямо перед этой дверью и

поставили на ноги.

На двери, захлопнувшейся за ней, мелом было написано имя — Граса. Видимо, так Синху назвали здесь. Осмотревшись, девочка обнаружила каменную лежанку с постеленной на ней большой толстой тканью. Сил долго стоять на ногах не было. Синха села на ткань и заплакала.

Сквозь просвет в сводах пещеры бил тонкий луч света, освещая пространство посреди пещерной «комнаты». Когда глаза привыкли к темноте, девочка увидела, что в скальных породах были выточены ровные «стены», и та лежанка, на которой она находилась, тоже была выточена из массива породы. Судя по всему, и «окошко» сверху тоже было искусственным.

Полежав на твёрдой поверхности некоторое время, Синха сложила в несколько слоёв ткань и села на неё. Спать здесь будет нереально. Все кости ломило от холода. Кроме того, в помещении помимо Синхи явно кто-то присутствовал. Девочка чувствовала на себе чей-то взгляд, и это делало её пребывание здесь ещё менее приятным.

Она попыталась открыть дверь, но та была крепко заперта с другой стороны. Она осмотрела все углы, но ничего, что могло бы послужить её спасению, там не было. В последнем углу Синха прямо таки наткнулась на тот страшный холод, который уже чувствовала на себе во время странного ритуала. Девочка отшатнулась и попятилась в противоположный угол.

Дойдя до освещённого центра пещеры-комнаты, она взглянула вверх. Над собой она увидела длинный туннель почти идеально округлой формы, словно она стояла внутри колодца. Где-то высоко зиял просвет, через который бил яркий свет. Подождав, пока глаза привыкнут к свету, Синха присмотрелась к нему. Она увидела небо в тёмных тучах. Где-то далеко наверху начинался дождь. Девочка завороченно смотрела в небо: ещё никогда небо не было так далеко от её взора. Это продолжалось пока капля дождя не прилетела сверху, попав прямо в правый глаз. Синха опустила голову и протёрла глаза. Вокруг опять было темно и нужно было привыкать к тьме.

Она просидела на одном месте ещё много времени, прежде чем наверху стемнело. К ночи она всё же провалилась в глубокий сон, сидя в углу комнаты и закутавшись в ткань. Несколько раз она просыпалась от холода и дрожи, приходилось ходить чтобы согреться.

Ближе к утру её разбудил скрип отпирающейся двери. Она открыла глаза и осмотрелась. Двери ещё не было видно. Слабый свет пробивался сквозь отверстие сверху и едва освещал помещение.

К ней подошёл неизвестный человек. Пока он проходил по комнате, девочка успела разглядеть полноватого мужчину средних лет. Этот господин склонился над ней и приложил к губам палец, намекая на то, что она должна вести себя тихо.

— Кто ты? — Синха напрягла свои голосовые связки чтобы выдавить из себя два звука и закашляла после сказанной фразы.

— Я вижу, у тебя проблемы со здоровьем...

Неизвестный махнул рукой и Синха почувствовала, что пришла в себя. Всё её тело внезапно изменило своё состояние — вместо сонливости и апатии почувствовалась бодрость и ясность. В голове стало пусто и светло. Холод, ломящий кости, мгновенно исчез. Синха оценила своё положение в пространстве и из полулежащей позы быстро поднялась и села к стене, инстинктивно забившись в угол.

— Я представитель тех, с кем ваша цивилизация ведёт войну, — начал мужчина, — а точнее, вы думаете, что вы ведёте с нами войну.

— Мы не воюем с людьми, мы воюем с духами...

— То, что ты видишь, — неизвестный провёл рукой по своему телу, — всего лишь оболочка одного из вас, в которую я вошёл чтобы говорить с тобой. Видишь ли, мы не можем предстать перед вами никак, иначе чем в теле кого-либо из вас. У нас нет тел, и вы не сможете при всём желании услышать и увидеть нас, если только мы не заберём чьё-то тело для контакта.

— Ты туманный дух?

— Нет, я не тот, кого вы называете «туманными духами». Я значительно выше них по рангу. В вашем языке есть подходящее слово — «демон». Но я даже не демон, я предводитель демонов. У меня очень высокий ранг в нашей Иерархии, а духи — лишь мелкие исполнители, которых мы направляем на вашу планету.

— «И чем это я удостоила себя такой чести, встретить не простого духа, а большого демона» — подумала про себя девочка, не до конца веря в происходящее.

— И ещё. Нам известно о вас всё. Мы можем видеть ваше прошлое, будущее, слышать ваши мысли. — господин приложил палец к виску.

Не дослушав, Синха попыталась встать и убежать. Пришедший господин не пугал её так, как пустота и безысходность одиночества в этой пещере, из которой хотелось вырваться. Но как только девочка приподнялась над землёй, господин поднял руку, направив в сторону девочки ладонь, и из руки к её телу направился невидимый и едва ощутимый поток плотной энергии. Этот поток сковал всё тело, не давая возможности двинуться. Несколько секунд Синха просидела у стены и не могла даже пошевелиться, открыть рта или закрыть глаз.

До девочки начали доходить мысли о серьёзности всего происходящего, и вместе с ними ближе и ближе подкатывал страх. Мужчина продолжал:

— Мы найдём нужного нам человека где угодно и сделаем с ним что угодно. Туманные духи на такое не способны. Так вот, отвечая на вопрос, который только что был у тебя в уме, я могу сказать следующее...

Мужчина подошёл поближе и наклонился над девочкой:

— У тебя есть редкий дар, который может помешать нашим планам на этой планете. И меня направили на эту планету чтобы решить этот вопрос. Видишь ли, духи слишком слабы чтобы овладеть тобой. Ты уже поняла это, успешно сопротивляясь тем, кто пытается внедрить в тебя одного из духов. И это при том, что твой дар уже практически перекрыт данной тобой клятвой.

— Ты пришёл убить меня? — страх уже сковал тело девочки и она едва выдавливала из себя фразу.

Мужчина поднялся и начал рассказывать по пещерной комнате.

— И да и нет. Скажем так, я пришёл к вам из того мира, где существует бессмертие и нет надобности в окончании жизни. Открою тебе небольшую тайну: когда вы изгоняете из человека вселившегося в него духа, дух продолжает жить и искать себе следующее тело, следующую жертву. На нашем уровне смерти практически нет. Нет тела — нет смерти. Нет смерти — нет и понятия «смерть». Поэтому я пришёл решить проблему под названием «Синха». Через «смерть» твоего физического тела или как-то иначе — не имеет значения.

— Зачем ты мне всё это рассказываешь? — в голосе Синхи помимо тревоги стали проскальзывать нотки надежды.

— Видишь ли, это очень сложная и запутанная история, для того чтобы ты понимала меня, я хочу рассказать тебе всё, начиная с истоков. — господин посмотрел на стены, на своды пещеры, обернулся назад и произнёс: — У нас есть для этого время. За телом, которое я надел, ещё не пришли. Не бойся. Я не стану убивать тебя здесь и сейчас. Для того, чтобы ты лучше понимала меня, я предлагаю тебе начать задавать интересующие вопросы. Итак, спрашивай.

— Скажи мне, как вы живёте и где? — собравшись с мыслями и немного успокоившись спросила девочка.

— Наш мир похож на отдельное пространство. Это не планета. Это некое космическое образование вне пространств и планет, но внутри нашей вселенной. Из нашего мира мы можем проникать в любые пространства через специальные ходы, у вас их называют порталами. У вас на планете есть порталы, которыми до сих пор пользуются просвещённые люди. Когда на вашей планете была техногенная цивилизация, все умели ими пользоваться и перемещались по ним как на самой планете, так и на другие подобные планеты. Сейчас на Иргенте есть три портала, через которые приходим к вам мы. Пока они не закрыты, ваша планета всегда будет для нас интересна и мы будем иметь на неё своё влияние.

— Как вы существуете без тела?

— Очень просто — господин улыбнулся и погладил рукой по своему животу — мы питаемся вашими эмоциями. Точнее, питаются ими «туманные духи», а те, кто выше по иерархии, такие как я, просто снимают все сливки той энергии, которую вытягивают духи со своих одержимых жертв. Сегодня на вашей планете семьдесят пять тысяч триста сорок семь существ, которых вы называете духами, это число постоянно и неуклонно растёт. Зато пока на Иргенте только четверо таких, как я. Причём остальные трое ниже меня по иерархии. Но это не так важно. Ваша планета в наших планах числится как подлежащая полному уничтожению. Вы — наша пища, и ваш уровень развития не позволяет вам как либо этому сопротивляться.

— Зачем вам питаться, если у вас нет тел?

— Любое действие в этой вселенной требует определённого запаса энергии. Чтобы происходило развитие разумной жизни в какой-либо телесной или бестелесной форме, нужен энергообмен. Ради него мы черпаем энергию из вас, используя ваши тела как пищу. Мы натравливаем одержимых на свободных людей чтобы они создавали здесь хаос, сеяли страх и ужас среди свободных. А выплеск вашей энергии в виде эмоций при этом идёт на напиток структур нашей Иерархии. К тому же так легче захватить ваши тела. Когда человек находится в смятении и ужасе, легче овладеть его сознанием.

— Вы не можете этого сделать, если человек в радости и счастлив?

— На самом деле туманные духи ничего не могут поделать с человеком, который находится в гармонии. Вот ты, например. Несмотря на все невзгоды, происходящие с тобой, твоё сознание более гармонично и может сопротивляться нам. Но когда ты сломаешься — это только вопрос времени. Я вижу, что уже через два дня таких попыток ты перестанешь сопротивляться и в твоё тело внедрится то существо, с которым ты так отчаянно борешься сейчас. Ты очень сильна, и будешь пытаться сопротивляться ему ещё около года, пока оно полностью не овладеет твоим сознанием. Всё это время ты проведёшь здесь, в заточении. И только потом тебя выпустят, чтобы ты исполняла волю тех, кто держит тебя здесь. Впрочем, об этом тебе ещё рано знать. Сама всё увидишь.

— Мне действительно ничего нельзя с этим поделать? — в глазах Синхи начали

проступать слёзы.

— Тебе нужно принять сегодня одно решение, которое повлияет на всю твою дальнейшую судьбу.

— Какое решение? — в нотках голоса Синхи читалось смятение. — Что я должна сделать?

Господин подошёл поближе, присел рядом с девочкой и сказал:

— Доверься мне и выслушай меня внимательно, пожалуйста. Я демон, и у меня нет страхов, нет сомнений в правильности моих действий и нет чувств вообще. Жалости к тебе у меня тоже нет. Я вообще не знаю, что такое жалость — Господин встал в полный рост и продолжил, в его голосе читалось что-то немного торжественное — По факту сегодня я решаю судьбу вашего мира. Завтра её будешь решать уже ты.

— Я не верю что я что-то могу поделаться. — Синха посмотрела на мужчину и едва не заплакала, — Да и если вы убьёте меня, как я могу что-либо решать?

— Всё дело в том, — мужчина посмотрел в лицо девочке, — что меня можно назвать... Какое бы слово подобрать... Пожалуй, в вашем языке самое подходящее — «перебежчик». Можешь мне не верить, но сегодня я на вашей стороне.

— А что будет завтра? — девочка успокаивалась и эмоции в её сознании сменял интерес.

— Моё желание не поменяется. Пока меня не отправят в сон, я твёрдо решил покончить со своей прежней жизнью и перейти к вам.

— Что значит «отправят в сон»?

— Это вам, людям в физических телах, нужен сон. Мы, бессмертные духи и демоны, в подобном не нуждаемся. Однако нам положена одна процедура. В вашем языке самое близкое слово для её описания — это именно сон. Но это неточный перевод. То, что я сейчас назвал сном, очень сильно отличается от вашего сна. По календарю Иргента примерно раз в десять лет нас направляют в специальные энергетические поля, где наше сознание погружается в особое состояние, подобное вашему сну. Мы проводим в этом состоянии около года, и обновляем все свои энергетические тела и потенциалы.

— И сколько лет ты уже не спал?

— Я прошёл семь из десяти лет без этой процедуры.

— А сколько тебе вообще лет?

— У нас нет понятия времени, мы не считаем годы своей жизни. Если измерять вашими временными промежутками, то мне уже более шести тысяч лет. Солидный возраст в нашем мире. Поэтому меня направили в высшие слои Иерархии нашей структуры и наделили многими обязанностями. Но вопрос не в этом. Вопрос в том, что это по сути не моя заслуга. Мы живём в жёстких условиях. Всё решают за нас. Куда направить, что делать, за что отвечать... По сути у нас и жизни своей нет. Каждый раз, отправляя нас в состояние сна, с нас счищают всю информацию о прошлом, все установки, убеждения, все те наши свойства, которые могут характеризовать нас, как личностей. У духов низкого ранга это происходит чаще, но они находятся в этом состоянии меньше времени. У нас, если назвать нас высшей иерархией или предводителями демонов, хотя эти слова весьма неточно передают нашу суть, это происходит раз в десять лет. По факту нас используют. Под видом обновления, с нас счищают все наши личностные качества и снова программируют их так, как нужно Иерархии.

— Что такое Иерархия?

— Система, в которой мы живём. Каждая ступень в ней жёстко фиксирована. Каждый вышестоящий получает больше, чем нижестоящий. У вас в мире такого нет. У вас каждый использует свои дары, умения и таланты, и получает в соответствии с ними. У нас же энергия распределяется от низших к высшим. В итоге вышестоящие слои правят нижестоящими и диктуют им свою волю так, как захотят.

— Так же, как пытаются меня сломать сейчас?

— Нет, по-другому. Нам просто вводят в сознание те установки, которые нужны вышестоящим структурам. Установки, направленные на наше подчинение и все варианты выбора для нас. Это делается во время «сна». Нас программируют вышестоящие структуры, а мы в свою очередь имеем возможность, находясь в Иерархии, программировать нижестоящих. Туманных духов, например.

— Зачем ты пришёл ко мне? Ты получил приказ устранить меня?

— Можно сказать и так. Но я уже был дважды в вашем мире. Я видел свободу и счастье. Я не понимаю, что это такое, потому что у меня нет чувств. Но я очень хочу испытать эти состояния. Ради них я попытаюсь сохранить вашу планету и прийти сюда в следующую жизнь.

— Как ты можешь её сохранить, если Иерархия планирует нас уничтожить?

— Во-первых, Иерархии выгодно питаться вами до тех пор, пока не кончатся ваши потенциалы. Это значит, что до определённого времени ваша внутренняя энергия качественна, и её можно передавать по цепочке на самый верх Иерархии. Каждый вышестоящий уровень забирает с нижестоящего самые мощные сгустки энергии, энергию, связанную с переживанием высоких эмоций и ярких чувств. При этом оставляя менее качественную для нижестоящего слоя Иерархии, самый низкий из которых — туманные духи. Так энергия передаётся на самый верх. Но когда ваша цивилизация ослабнет, когда Атач и туманные духи повергнут вас в хаос, тогда качество энергий, получаемых с ваших тел, упадёт до низкого уровня. Ими можно будет напитать низкие слои Иерархии, но наверх она не будет передаваться. Чем больше любви и гармонии в вашем мире, тем выше можно передать ваши энергии. Потому что высшие ступени Иерархии любят захватывать «молодые» планеты, где ещё нет хаоса, где царит гармония. Те планеты, которые давно нам подчинены, либо остаются на пропитание туманным духам, либо мы сами создаём в них условия для «борьбы» и роста сознания заражённых. Когда их потенциалы растут, когда они добиваются гармонии, их энергию можно направить на напитку более высоких ступеней Иерархии. Но тут нужно постоянно следить за процессами, чтобы они не вышли из под контроля и выросшие сознания жителей планеты не смогли закрыть порталы или придумать какое-нибудь средство от нашего вторжения.

Господин прошёлся по комнате, давая девочке время переварить информацию, и продолжил:

— Во-вторых, мне уже глубоко плевать на Иерархию и её планы. Всю жизнь меня использовали, и будут использовать вечно, если я не уйду из Иерархии и не познаю свободы. Я видел много планет, на которых люди свободно жили, любили и радовались. Я тоже хочу любить и радоваться. Но я умел всегда только одно: захватывать, подавлять и уничтожать представителей свободных планет. Когда-то я хотел вечной жизни, потому стал демоном. Теперь такая вечная жизнь мне не по духу. И будет правильным, если я прерву своё существование и воплощусь здесь, на Иргенте. Я буду чувствовать то же, что чувствуете вы, я пойму что такое свобода и боль, я пойму, каково жить со страхами и обидами, может быть

даже познаю, что для вас значит «любовь». Пока я вечен, пока я в Иерархии, у меня нет ничего из этого.

— Но как ты сможешь прервать своё существование, если у тебя нет тела и ты вечен? — Синха уже не боялась пришедшего мужчину, сердце подсказывало ей, что он говорит правду, она встала и подошла к нему, в глазах её читались нотки грусти.

— Я смогу освободить одну планету и помогу другой планете. У Иерархии есть жёсткие правила. Например, нам запрещено вступать в контакт с людьми. Мы можем использовать их тела для исследования и получения их опыта, их видения жизни. Но рассказывать о себе нам строжайше запрещено. Если бы Иерархия могла узнать о том, что я разговаривал здесь с тобой, меня тотчас отправили бы в энергетические поля в состояние сна и снова сняли бы с меня все мои личностные качества, сделав меня подчинённым. Но есть ещё более жёсткие нарушения. Например, если демон моего уровня восстаёт против Иерархии и подсказывает какой-либо расе или планете, как освободиться от нашего вторжения, он подлежит полному уничтожению.

— Так ты и сделаешь?

— Да, есть одна планета, очень значимая для Иерархии. Там живёт высокоразвитая раса инсектоидов. Это разумные существа, чьё строение ближе к насекомым. Они ещё ни о чём не догадываются, но они почти все уже заражены. Сейчас их энергией напитываются высшие слои иерархии. Когда она исчерпает себя, придётся вводить на планету разрушения, хаос и деградацию. Пока они гармоничны и счастливы, они сильны, и мы действуем на этой планете предельно осторожно, чтобы не раскрыть себя. Буквально несколько простых мер позволят им уберечь себя от дальнейшего захвата планеты. И пока их потенциалы себя не исчерпали, я подробно расскажу им, как освободиться от нашего влияния. В деле освобождения от нас вероятность их успеха очень велика, но я просто дам им шанс, а там уже дело будет за ними. И когда они восстанут против нашего вторжения, про моё действие узнает Иерархия и специальные силы расслоят мои энергетические структуры, таким образом прервав моё существование в этом энергетическом теле.

— Ну а если они решат не уничтожать тебя, а отправить в сон?

— Такого не будет, так как Иерархия держится на жёстких правилах и неотвратимости наказания за их несоблюдение. Они уничтожат меня без раздумий несмотря на все мои заслуги перед Иерархией. Таков закон.

— Почему освободив ту планету, ты не родишься на ней, а придёшь к нам?

— Потому что я хочу освободить и вас тоже. К сожалению, я не имею настолько высокого ранга, чтобы освободить от Иерархии больше планет. Но моих планов по освобождению двух планет будет вполне достаточно, чтобы ваш совет Старцев принял меня здесь с моей миссией.

— Что за совет Старцев?

— Высшие из людей, управляющие вашей планетой, в том числе решающие, кому здесь воплощаться. Ты не знаешь их потому, что на вашей планете нет чёткого деления на властителей и подчинённых, каждый здесь живёт и получает власти в соответствии со своим потенциалом. Ещё ты не знаешь их потому, что они находятся в высших мирах, и спускаются к вам очень редко. Потенциал старцев самый высокий. Они решают за вас многие вещи ради вашего блага.

— Хорошо, при чём тут я?

— Дело в том, Синха, что твой дар сейчас закрывается, скоро закроется насовсем. Ты

сама отреклась от него своей клятвой. Только встреча с Форсом поможет тебе отменить действие клятвы. Пока этого не случилось, вы оба должны пройти определённый путь, набрать определённый опыт. Сценарий вашей жизни разрабатывался старцами, меня же послали чтобы его нарушить, и у меня есть все полномочия на это. Но я не буду перечить старцам, они возлагают на тебя и твой дар большие надежды. Я помогу тебе и Форсу, это ещё одна причина, по которой старцы примут меня на вашу планету. Я настолько жёстко вплету себя в их планы, что смогу даже шантажировать старцев если они не захотят принять меня здесь. А теперь послушай о своём будущем.

— Мужчина подошёл к Синхе и взял её за руки.

— Как бы ты этого не хотела, — продолжил он, — ты научишься убивать. Ты будешь служить тем силам, которые исполняют на Иргенте волю нашей Иерархии.

— Но я не хочу убивать! Я не могу этого делать!

— Ты и не будешь этого делать. В тебя вселят туманного духа. Очень мощного духа. Он будет бороться с тобой, подавлять твою личность, убеждать тебя, что всё, чему тебя здесь научат — истина в высшей инстанции. И ты будешь выбирать тех людей, на которых тебе укажет дух, и забирать их жизни. Это будут не твои действия. Ты просто предоставишь своё тело для них.

— Я не хочу! — едва не прокричала Синха.

— У тебя нет выбора. — поднёс демон ладонь к её рту. — Тише, пожалуйста, нас могут услышать. Дай мне договорить.

Демон прислушался к тишине пространства и, убедившись, что вокруг спокойно, продолжил:

— Если ты будешь сопротивляться этому духу, — мужчина ткнул пальцем в свод пещеры правее себя, — он всё равно рано или поздно завладеет тобой. Более того, он сможет использовать силу твоего дара и постепенно высосет её из тебя. Так как ты перекрыла свой дар, ты не сможешь ему сопротивляться. У меня же есть для тебя небольшой подарок.

Мужчина отошёл на несколько шагов и Синха почувствовала, как по её спине побежали мурашки. Словно кто-то стоял за ней и дотрагивался до неё. Она поняла, что это ещё один дух. Страх уже не было. Только горечь от того, что её будут использовать в своих целях и делать с ней то, чего она искренне не желает.

— Этот дух — мой друг. — сказал мужчина, когда Синха почувствовала спиной нечто. — Он очень сильный. Сильнее того, который хочет сожрать тебя здесь. И ещё. Я переделал его установки. Моя ступень в Иерархии позволяет менять духам задачи и ставить цели. Так вот, этого духа зовут Архилеус Белефоцит Иестрарх Анфопит, можно просто Леус. Такое длинное имя у него потому, что в Иерархии на каждой новой ступени к существующему имени прибавляется ещё одно. Они обозначают и имя, и статус, и круг обязанностей одновременно. Леус занимает довольно высокую ступень в Иерархии, более высокую, чем те духи, которые завладели кланом странниц правосудия.

Услышав про странниц правосудия, девочка вздрогнула.

— Да, ты находишься сейчас именно в их катакомбах. Так они работают с людьми. Сначала вселяют в них духа, потом дух даёт человеку силу уничтожения. Раньше странницы набирали беспризорниц, брошенных детей, и с детства обучали их убивать. Но сейчас они дошли до понимания, что нужны не просто дети. Они нашли тебя, и похоже, дальше только продолжат воровать детей, у которых есть сила. Оказавшись здесь ты будешь точно так же выполнять миссию странниц — устранять неудобных, которые могут быть проблемой для

нашей Иерархии.

— Но если ты хочешь бороться с Иерархией, почему тогда я должна работать на Иерархию? Ведь убивая неудобных вам, я делаю Иргент слабее?

— Да, но ты сама становишься сильнее. На самом деле все сценарии уже расписаны. Те, кого ты будешь искать и убивать, увы, никак не смогут помочь планете. Реальная сила скрыта только у тебя и Форса. Так же помимо вас на планете присутствуют две пары таких же людей, как вы с Форсом. Ещё одна пара даже ещё не родилась, но их появление предначертано. Старцы возлагают надежду на спасение планеты именно на вас. И я подскажу вам, как это сделать. Но сначала ты должна прожить ту жизнь, которая предначертана тебе. Чтобы победить Иерархию, ты должна будешь стать одним из винтиков её механизма на этой планете, увидеть изнутри, как она работает, увидеть изнутри их уловки и обманы, чтобы потом распознавать, что для тебя истина, а что ложь. Только пройдя такую школу ты научишься отличать создаваемый нами обман от реальности.

— Может быть я всё же обойдусь без убийств? Это хоть как-то возможно?

— Нет. Считай, что все забранные тобой жизни пойдут на благо освобождения Иргента. Дело в том, что когда странница правосудия убивает человека, дух, управляющий её телом, забирает себе дар и силу убитого. Затем он передаёт всё это наверх, и от этих энергий питается Иерархия. Если ты допустишь в своё тело Леуса, он будет действовать по-другому. Он будет отдавать Иерархии только малую часть дара, оставляя большую часть тебе. За счёт этих энергий ты рано или поздно станешь лучшей из странниц правосудия. Тебе будут завидовать и тебя будут бояться. И вся энергия, оставшаяся в тебе с Леусом, после встречи с моим следующим воплощением на вашей планете пойдёт на благо нашего дела.

— Но если вся эта энергия будет делать меня сильнее, Иерархия ведь точно захочет меня убить?

— Нет. Я смогу убедить Иерархию, что твоё сознание полностью подчинено нашим интересам и что ты под нашим полным контролем благодаря Леусу. Я даже смогу убедить Иерархию не отправлять Леуса в сон, под предлогом постоянного контроля над твоим телом и закрытия твоего дара. Я даже создам отдельный закон, по которому его никто не тронет определённое количество лет, а свод правил в Иерархии незыблем, и этот закон никто не нарушит. Иерархия ещё не знает, что ты сама перекрыла свой дар той клятвой, и я сумею убедить их, что дар подавляют действия Леуса. Таким образом Леус будет развиваться сам и становиться только сильнее. А так же он будет делать сильнее и тебя, хоть он и подавляет твоё сознание, однако опыт взаимодействия с ним ты будешь осознавать и помнить. А когда ты встретишь меня, я смогу снять с тебя эти оковы и сделать тебя снова свободной, так как этот дух подчинён лично мне. Ты выйдешь из этого испытания уже преображённой, сильной, и со множеством даров. В этом и заключается мой план.

Но когда ты предашь Иерархию, они могут догадаться до всего этого и переделать все правила?

— Не смогут. Моё предательство произойдёт под конец моего пути. Я постараюсь получить как можно больше информации из Иерархии, развиваясь в ней ещё несколько лет. Возможно, успею подговорить ещё кого-либо перейти на мою сторону. И когда подойдёт время отправлять меня в сон чтобы весь этот опыт был забыт, тогда я перейду к своему плану спасения планет. К тому времени я буду наиболее силён и мудр, и точно смогу продумать путь нашего освобождения и освобождения другой планеты. Пройдёт более двух лет, и про тебя с Леусом на момент моего предательства просто забудут. Таким образом

сейчас я предлагаю стать тебе моей «бомбой» замедленного действия. Когда мы встретимся с тобой в очередной раз, эта бомба подорвёт основы власти Иерархии на этой планете. Я всё продумал. Это оптимальный путь. Лучшего невозможно просчитать.

Синха стояла, потупив взгляд, понимая, что у неё нет сейчас тех знаний, которые помогли бы хоть как-то понять, что ей делать. Если человек перед ней говорит правду, то ей остаётся только подчиниться. В голове витали мысли: «А если это очередной план страниц, которые хитростью хотят завладеть моим телом? Но зачем тогда придумывать столь сложную и невероятную историю? Хватит ли у человека вообще фантазии на такое?». А мужчина, между тем, продолжил:

— Честно говоря, времени на раздумья у тебя нет. А выбора нет вовсе. Либо ты сломаешься когда твой дар заснёт, и дух сожрёт за годы жизни в тебе его остатки. Либо ты решишься на то, что предлагаю тебе я, и станешь на время представителем Иерархии на вашей планете. Но только так ты сможешь сохранить себя, свой дар, и выйти из игры непобеждённой. Пойми это. И ещё. Для того, чтобы у нас не было серьёзных разногласий при нашей следующей встрече через много лет, я хочу, чтобы ты приняла решение самостоятельно. Если ты этого не сделаешь, то у меня не будет иного пути, кроме как вселить в тебя Леуса насильно. Но тогда у тебя будут обиды и претензии ко мне, которые могут вылиться в потерю мною физического тела, а если ты меня убьёшь, тебе опять придётся ждать несколько лет и искать мою новую инкарнацию. А времени у нас катастрофически мало.

Мужчина подошёл и крепко обнял Синху.

— У меня пока нет чувств, но я знаю какво это, когда тебя используют. Я хочу получить свободу от Иерархии, чтобы избавиться от постоянного контроля. Я не хочу быть зависим ни от кого, потому и не хочу, чтобы ты думала, что я собираюсь подчинить тебя своим интересам. Просто пойми: чтобы обрести настоящую свободу, ты должна побывать в несвободе какое-то время. Ты должна увидеть изнутри, что это. И когда несвободы не станет, ты чётко поймёшь: ты свободна. Пока ты даже не понимаешь, насколько ты свободна и счастлива, просто потому, что для тебя это естественное состояние. Я же не знал никогда этого твоего состояния. Но по факту, то, что я даю тебе сейчас, это и есть настоящая свобода. Посмотри на будущее вашей планеты: к старости лет ты обязательно будешь в ещё более жёстком подчинении. Иерархия сведёт цивилизацию Иргента на уровень воинственных дикарей. Потому я считаю, что твой путь к свободе на этой планете неотделим от свободы самой планеты. А если Иерархия подчинит её себе полностью, знай, не будет уже ничего, что могло бы утешить тебя в старости. Только хаос и кровь.

— Я понимаю тебя. — Синха обняла тело мужчины в ответ. — Скажи мне, как тебя зовут?

— Моё имя — тоже часть Иерархии. Нас нарекают со ступеней выше, потому даже имя моё мне напоминает о подчинении. Я отрекись от своего имени как только меня нарекут на Иргенте при рождении. Потому нет смысла называть моего имени. К тому же оно длинное, в нём слишком много чуждых и непонятных тебе слов.

Я постараюсь принять тебя и то, что ты дашь мне. — Синха разжала объятия и отошла на шаг, посмотрев в глаза незнакомцу. — Но как я найду тебя в своей жизни?

— Ты не ошибёшься. — незнакомец взял левую руку девочки и разжал ладонь, обратив ладонь кверху. — Если ты дашь своё согласие, Леус войдёт тебе в сердце через твою левую ладонь. На этой ладони у тебя образуется метка — большое чёрное родимое пятно. Ты

будешь жить с ним до тех пор, пока не встретишь меня. У меня будет такое же, но на правой.

— Неужели в тебе будет точно такой же дух?

— Можно сказать, что я взял часть своей силы и поместил в Леуса, сделал я это ради тебя. Ещё одну часть своей силы я поместил в другого духа. Этот дух останется здесь, на Иргенте, и войдёт в моё тело после моего рождения на вашей планете. Когда мы встретимся, дары соединятся, и сольются в единую силу. Тогда ты сможешь избавиться от необходимости подчинения, Леус вернётся ко мне и ты станешь свободной. В этой свободе ты сможешь открыть свой собственный дар — тот самый, который вы с Форсом закрыли себе клятвой. И, соединившись с даром Форса, вы станете великой силой, силой, которая освободит эту планету.

— Тебя не найдут когда ты родишься здесь? — всё ещё не веря в то, что она способна что-либо изменить, спросила Синха.

— Меня не будут искать. Посчитают, что я не смогу больше ничего натворить. В бранных телах мы не имеем такой силы, какую имели в бессмертном энергетическом теле. Часть своей силы я сохраню с помощью духа, который придёт ко мне после рождения. Часть сохранишь ты с помощью Леуса. Однако большую часть силы я потеряю. К счастью, у меня останется память и опыт. А сила, которую я теряю — в основном лишь сила разрушения. Она могла бы понадобиться нам для закрытия порталов, однако совет старцев меня с ней сюда никак не пропустит, это знаю точно.

Синха выпрямилась перед незнакомцем. Она сказала ему:

— Если ничего другого я не могу сделать, и твой вариант действительно лучший из всех возможных, то я принимаю свою участь. Если другого выбора нет, то пусть я пройду этот путь и сохраню в себе любовь, сострадание и человечность.

— Я не знаю этих слов, потому как никогда не испытывал чувств. Одно знаю точно: ты никогда не пожалеешь о своём выборе. Говорю тебе это как демон, способный просчитывать человеческие судьбы наперёд.

— Хорошо. Я согласна. Да пребудет со мной сила.

— Итак, друзья, — начал перед собравшимися свою речь магистр, — мы все собрались здесь с намерением познать истину. И я познакомлю вас с ней. Вас всех.

Магистр Подо — человек среднего роста, очень пузатый, с недлинными тёмно-серыми волосами. В Академии войсковой грамоты он обучил уже не одно поколение борцов разных мастей, и считался значимым, именитым и нужным человеком. За знания ему всегда прощали его самоуверенность и чувство чрезвычайной важности собственной персоны относительно других.

— Я не могу знать, что было до меня, но я расскажу вам всё, что знаю сам, — магистр ходил кругами в центре здания и смотрел на собравшихся учеников, рассеявшихся вокруг него. — И вы всегда делайте так же. Рассказывайте своим детям, что знаете сами. Тогда мы сможем передать истину через многие годы.

— Начнём с того, что наша многострадальная планета когда-то была развита и заселена вся. На морях плавали большие корабли из железа, по небу летали шары с людьми и вся планета была покрыта огромными густыми лесами. На сегодня леса нет на большей территории Иргента, древние леса с тех времён остались разве что на диких землях. Тем лесам, которые вы видите здесь, в жёлтой долине, не более ста-двухсот лет. Эти деревья всего метр-полтора в ширину. Если бы вы видели дерево, которое пережило катастрофу, то знали бы, что его ствол едва обхватит десяток человек!

Форс слушал внимательно, прекрасно понимая, о чём говорит магистр. Выйдя с диких земель, он действительно не встретил ни одного дерева, в стволе которого можно выдолбить себе домик и жить. И ни одного дерева выше холмов и гор он тоже не увидел. Все деревья здесь были очень маленькими по меркам малой Родины Форса.

— Так же раньше были большие машины. — магистр нахмурил брови и посмотрел на собравшихся, как на маленьких детей. — В детстве родители пугали вас такими машинами. В высоту они были такие огромные, что даже несколько десятков человек, если их поставить друг на друга, не достанут до края этого монстра.

— А куда они исчезли? — спросил один из учеников.

— Вот, посмотри, — магистр достал из своего кармана железяку полукруглой формы и подкинул ученику, — всё переплавили вот на это. В годы после катастрофы эти машины стали едва ли не единственным источником металла на оставшейся заселённой территории. Ещё мой прадед разбирали их и нёс кузнецам, за что получал деньги. Деньги тогда ещё были у всех и именно деньги обменивались тогда на продукты и нужные вещи.

Покрутив в руках брошенную магистром железяку с дырочками, ученик недоумённо спросил:

— А что это?

— Это ещё одна интересная история из прошлого. — подойдя к мальчику, профессор забрал свою железку. — Такие штуки прибывали к копытам больших животных, чтобы на них можно было ездить верхом и возить грузы, и чтобы при этом копыта не стирались. По поверьям моего деда, эта штука приносит удачу. Когда-то, во времена моего деда, люди могли ездить на животных. Они впрягали повозки в животных, и те таскали тяжёлые грузы. Таких животных тогда называли домашними. Это были огромные ящеры, крупные млекопитающие и разного рода рептилии. Во времена очередного вторжения духи

придумали, как захватывать их сознание. К сожалению, животные оказались лёгкой добычей для духов. И по всей планете стали происходить случаи нападения домашних животных на людей. Было очень много смертей. С тех пор животные для нас — источник угрозы, и мы не берём их в дом.

— А что стало с теми животными? — спросил другой ученик.

— К сожалению их пришлось убить. Те, кто смог бежать, уцелели. Многие наивные хозяева привязывались к животным, и не могли отдать их на убой. Они часто отпускали животных в леса, но как правило, эти животные быстро становились добычей духов и в лесах нападали на людей. Особенно опасными становились всеядные ящеры, размером втрое выше человека, которые, одичав, могли разорвать человека на куски и съесть. Но большинство животных было убито и их тела пошли на пропитание людям, на одежду людям, кости послужили для создания оружия, инструментов и средств защиты. Да, одержимых животных было не так много, но их становилось всё больше, так как сознание животного не способно противостоять вселившимся духам, и нам пришлось уничтожить огромное количество душ, чтобы обезопасить себя. Многие виды животных тогда просто вымерли. Зато теперь мы уже три поколения ведём успешную борьбу, и наша планета — по-прежнему наша!

— Не слишком ли большие жертвы ради победы? — послышался вопрос с другого конца зала.

— У нас не было выбора. — магистр обернулся. — Или мы, или духи. Они сеяли в наших рядах панику и страх, и через это овладевали сознанием человека. Потому первым и главным правилом в войне для вас должен стать полный самоконтроль...

Самоконтролю Форса стали учить почти сразу после приезда. Первое серьёзное испытание — закапывание глубоко в землю на несколько часов — ему выпало пройти уже через десять дней обучения. Затем был рукопашный бой, грамота, основы строительства, где приходилось помогать старшим отстраивать некоторые разрушенные здания.

Затем был любимый предмет Форса — курс знаний о вселенной. Вместе с ребятами Форс сидел и с интересом внимал словам Подо о том, как устроены галактики, планеты, спутники...

Как вы все знаете, у нас в галактике две звезды. Яро это центральная звезда. Эва вращается вокруг — Яро с большой скоростью. — магистр продемонстрировал старинную модель галактики, выполненную из металла в эпоху машин. Он двигал шарики вокруг оси и показывал детям, как движутся светила. — Один оборот равен одному часу, а в сутках шесть часов. Это значит, что за один час Эва полностью огибает Яро и уходит за него. Когда начинается новый час, мы можем видеть на небе ярко-золотистое сияние Яро. Когда же Эва выходит из-за Яро чтобы начать следующий оборот, цвет неба меняется, к золотистому сиянию добавляются зеленоватые оттенки Эвы. Ещё раз цвет неба радикально меняется когда Эва полностью закрывает собой Яро, тогда небо становится зелёным. В этот момент проходит один получас. Если с утра мы насчитали три часа и один получас, то мы можем это записать цифрой три тире один, или тремя длинными линиями и одной короткой.

— Мама говорила мне, что Эва меньше Яро, — послышалось с задних рядов, — но как тогда она полностью закрывает Яро, если она меньше?

— Дело в том, — ткнул пальцем в модель галактики магистр, — что мы находимся далеко от наших звёзд. И сами они расположены на огромном расстоянии друг от друга.

Профессор показал на модели, как выглядят звёзды. Эва на этой модели действительно была почти вдвое меньше.

— Но когда мы смотрим с Иргента на эти светила, то получается, что Эва подлетает ближе к нашей планете, потому и кажется больше. В то же время, когда светила на равном удалении, например, когда прошла ровно четверть часа, мы можем видеть что Эва примерно в два раза меньше. В эти моменты мы и видим их реальные размеры.

— Откуда все эти знания? — спросил другой ученик. — Вот в моей деревне верили, что Иргент плоский и вокруг него крутятся звёзды. А ты говоришь, что это Иргент вращается вокруг светил.

— Эти знания достались нам из эпохи машин. — профессор преобразился и оживился, так как он очень любил подобные споры. — В музее в звёздном замке есть картинки, запечатлённые машинами ещё когда они летали над нашей планетой. На них видно, что Иргент не плоский, а имеет форму шара. И вращается вокруг звёзд. Эти машины могли летать на большом удалении от планеты, потому им сверху было виднее, как она выглядит и как вращается. А вашей деревне живут дураки, верящие в небылицы. Приедешь домой — так им и передай.

В зале раздался дружный смех. Все начали перешёптываться и искать «дураков» среди своих знакомых.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Глупые люди думают, — прервал галдёж магистр, — что только то, что они видят, верно. В реальности же вам придётся научиться видеть то, чего не видят остальные. Многие из вас будут сражаться с духами и изучать магию. Магия на сегодня — один из основных способов воздействия на реальность. Стало быть, когда я обучу вас грамоте, вы, благодаря моим заслугам, будете готовы познавать более сложные вещи. И вам придётся видеть то, что другие не видят. Войну с туманными духами иначе не выиграть.

— Магистр, а ты сам видишь духов? — раздался вопрос из зала (под «видеть то, чего не видят остальные» на Иргенте обычно понимали именно то, как видят духов продвинутые воины и маги).

— Я сам — нет. Моя миссия глубже и значительнее. Мне нужно дать вам основу, знания, без которых на этой планете делать нечего. Я научу вас читать, писать и считать. Я покажу вам, как устроен этот мир. А уж потом другие умные люди расскажут вам, как видеть то, чего не видят остальные.

— «Да, важности у Додо действительно хоть отбавляй» — подумал Форс. В понимании мальчика знания и умения боевого мага были стократ глубже и значимее, чем знания учёного мужчины. — «Но этот учёный ещё и ставит себя выше тех, кто знает больше него».

Додо должен был вести занятия первые годы обучения. Каждые полгода дети сдавали экзамен и направлялись либо на следующие курсы, либо на повторное обучение тем же наукам. Кто-то сдавал экзамен в первый же год, кто-то пересдавал их три или четыре года подряд. При том все были разного возраста. В одной и той же группе были как десяти, так и двадцати пяти летние ученики. Самое интересное, что десятилетние часто усваивали материал быстрее и меньше оставались на второй год. У многих старших ребят уже сложилось своё видение мира, отличное от того, которое преподавали здесь. Это обуславливалось воспитанием в семье, отличием поверий той местности, откуда они пришли, менталитетом народа и многими другими особенностями. В целом считалось, что народы с голубыми глазами умнее народов с красными глазами. Может быть это и так, однако в группе были успешные ученики среди и тех и других.

Форсу не раз приходилось наблюдать споры между людьми разных поверий. Из них он

вывел для себя, что зачастую люди спорят только потому, что называют одни и те же вещи разными словами, и поэтому не могут понять друг друга. У Форса в таких спорах активно проявлялся талант дипломата, что не могли не заметить в магистратуре. Форс легко приводил спорящих к компромиссу, давая им понять, что точка зрения и той и другой стороны верна, просто используемые термины разные.

— А теперь поговорим подробнее о нашей планете! — магистр Подо вновь вошёл в центр аудитории, вокруг которого сидели ученики. — Кто знает, сколько у нашей планеты спутников?

Из зала дружно раздавались возгласы: «Два!»

Лишь один ученик сказал: «три».

Магистр подошёл к нему и вывел его в центр. Так ученики отвечали на вопросы магистра и зала. Магистр спросил его:

— Откуда ты знаешь, что у Иргента три спутника?

Зал начал хихикать — все дети с малых лет знали, что спутника у планеты два.

— Мне папа говорил. Его прапрадед запускал в космос большие машины — слегка стесняясь произнёс ученик.

— И ведь правильно! — торжественно произнёс Подо. — И папа наверняка говорил тебе что-то вроде: «Вот, ведь все думают, что спутников два, а на самом деле их три!»

— Да, говорил.

Зал смолк и с удовольствием внимал профессору. Эта информация была для многих нова. Профессор отправил ученика на место и рассказал следующее:

— Многие понимают под спутниками нашей планеты естественные небесные тела. Однако бывают у планет и искусственные спутники! В эпоху машин мы построили один из них — станцию космической добычи руды. Эта станция находится на орбите Иргента и с неё в древности летали машины на Атач и Пануст чтобы привозить оттуда полезные ископаемые. На естественных спутниках тоже ездили большие машины и добывали там руду. Раса Иргента даже начала строить там заводы по переработке руды, чтобы можно было привозить со спутников готовые металлы! Эта станция-спутник была довольно большой и громоздкой, помимо неё было запущено ещё и огромное множество малых искусственных спутников, однако их мы сейчас не будем рассматривать. Самым большим и значимым была станция, поэтому её можно смело считать третьим спутником нашей планеты.

— А как люди там работали? — спросил парень из зала. Зал засмеялся.

— Как же там можно работать? — крикнул кто-то с другой стороны зала — Это же космос!

— Вы зря смеётесь, молодые люди! — произнёс профессор Подо. — Раса Иргента действительно вынашивала планы по освоению космоса человеком! Правда, при том уровне технологий это было невозможно. Несмотря на то, что мы строили огромные механизмы и заводы, мы могли отправлять в космос только машины. Потому что человек в космическом пространстве, даже если у него есть чем дышать и питаться, быстро погибает от космических излучений. Их там великое множество и все они губительны для жизни. Наши светила дают нам жизнь и свет только потому, что их губительное излучение не проникает на планету. Иргент защищает нас от него толстым полем своих энергий. В космосе же они проникают в каждую клетку и уничтожают тело человека. Защиты от них так и не придумали.

— То, что здесь хорошо, где-то выше нас плохо — философски заключил Форс.

— Именно. То, что на планете дарит свет и тепло, за пределами планеты разрушает. Кстати, есть такая красивая легенда, что один смельчак якобы отправился на своём аппарате на Атач. В то время люди только начинали осваивать космос и о вредных лучах ничего не знали. И многие поверили, что человек может выжить в космическом пространстве. Однако потом оказалось, что всё это фальсификация и на спутник планеты никто не летал. Всё бы ничего, но есть у этой легенды один недостаток. Как думаете, какой?

Зал молчал. Никто не мог ответить на вопрос профессора.

— Как этот смельчак вообще смог сделать в одиночку машину, которая способна доставить его туда?! — парировал профессор. — Мы всей расой трудились над тем, чтобы отправить человека в космос, однако не добились серьёзных успехов!

— Ну почему же, у нас в деревне когда-то один мужчина выкопал целую пещеру в одиночку! — попытался возразить один ученик.

— Подавляющее большинство пещер — это шахты эпохи машин. В них добывались угли, металлы и многое другое. — Магистр прошёлся по залу. — Этих углей и металлов до сих пор хватает, чтобы обеспечить все наши потребности. Поэтому новых шахт с тех времён не копалось. Так что если их и выкопали в одиночку, то не лопатой и ломом, а при помощи сложнейших машин, которые производят десятки людей на больших заводах. А значит, уже не в одиночку.

В зал вошли двое пожилых мужчин. Один был в чёрных, другой в серых одеждах. Подо попросил детей в круге, сидевших у входа, расступиться.

— Поприветствуйте главу нашей академии, председателя Алапара! — Подо жестом пригласил вошедших в центр круга. — Иже с ним глава комиссии по распределению, магистр Войцх!

Собравшиеся в зале ученики дружно встали и поклонились вошедшим. Подо и Войцх сели в круг вместе с детьми. Председатель академии, мужчина в длинном чёрном плаще, с длинными чёрными волосами чуть ниже лопаток и голубыми глазами, начал свою речь.

— Дети мои, — обратился он к собравшимся с поклоном, — я приветствую сегодня каждого из вас этим прекрасным жестом. Я прибыл на Иргент с планеты Затц сто тридцать четыре, одной из множества планет-колоний, находящейся в созвездии Плеяд. Цивилизации, находящиеся на вашем уровне развития в нашем созвездии подобные жесты берегут только для тех, кто более развит, чем обычные люди. Поклонами они приветствуют Богов, когда те воплощаются на их планетах чтобы дать им знания и вывести цивилизацию на новый уровень развития.

Алапар был высоким и статным мужчиной, на вид ему было за пятьдесят, в отличие от магистра Подо, он был спокойным и говорил не быстро, словно оценивая каждое слово. В его плавных жестах читалось спокойствие, уверенность и мудрость.

— И мне очень импонирует то, что на Иргенте ещё жива та замечательная философия, которая позволяет видеть в каждом живом творении божественное начало, и почитать ближнего своего как проявление Бога. Я очень рад, что моя текущая инкарнация проходит на вашей замечательной планете. Я очень много жизней прожил на разных планетах созвездия Плеяд, положив многие жизни за то, чтобы выстроить на них связи и собрать обитаемые планеты Плеяд под крыло единой цивилизации. Здесь же я с другой миссией. Я хочу помочь вашей замечательной планете преодолеть те проблемы, которые есть на ней сейчас.

— «Сидел бы на своих Плеядах,» — подумалось в этот момент Форсу, — «да наслаждался бы жизнью. Нет, тянет этих переразвитых существ к нам в пекло. Ярких эмоций

им там не хватает что ли? Одно радует: наша планета — не отстойник для недоразвитых, сюда и развитые души инкарнируют.»

— И для этой миссии единственный приемлемый путь — обучение! Потому, что только поднимая уровень сознания человека, можно вывести его из тех проблем, тех трудностей, которые связывают его и заставляют думать только о выживании своего тела.

Председатель достал из кармана плаща бумажку, свёрнутую в несколько раз. Развернув, он обернулся вокруг, показывая залу изображение на ней. Это была планета Иргент до катастрофы.

— Когда-то, по космическим меркам ещё недавно, ваша планета была достаточно развита как в духовном, так и в техническом плане. Вся её территория была заселена многими сотнями миллионов жителей. К сожалению, было принято решение, что в ближайшие сотни лет планета будет использоваться для прохождения душами деструктивного опыта. Опыта разрушений, страхов, войн, нестабильности. Галактический совет сформировал из наиболее развитых душ планеты Иргент совет, его назвали советом старцев, так как в вашем мире почитались тогда семь мудрейших старцев, проживших несколько сотен лет. Эти люди возглавили совет и были удостоены вознесения в высшие миры, из которых ныне они правят развитием вашей планеты, не дают планете сползти в бездну. Первый раз они явились вам перед самой катастрофой, три с лишним сотни лет назад. Тогда они предупредили всех о готовящихся событиях. Многие жители планеты смогли выйти в высшие миры, чтобы избежать смерти. Но были на планете и менее развитые души, которые, несмотря на общий прогресс, не смогли обрести достаточно опыта и осознанности, чтобы выйти в высшие миры. Такие души были вынуждены остаться на планете. По настоянию совета старцев, они ушли в горы, именуемые ныне страной гор. Те из них, кто не внял словам старцев, в большинстве своём погибли в результате катастрофы. Вы же — потомки тех, кто остался на планете.

Глава академии обернулся к сидящим за его спиной и, дабы не обделять их своим вниманием, продолжил вещать лицом к этой части аудитории.

— Эту историю знает каждый из вас с детства. Но к сожалению, сегодня не все понимают, что совет старцев и по сей день заботится о вас. Перед своим воплощением на этой планете я говорил с ними и знаю, сколько всего они делают, чтобы помочь каждому из вас. Для многих сейчас старцы — это приходящие раз в семьдесят лет посланцы, говорящие трудно понимаемые вещи и ничего более не дающие. На самом же деле только от вашего развития будет зависеть, вернётся ли планета Иргент к той жизни, которая была до метеоритного удара, или же будет разрушена окончательно со всеми её жителями. И всё, что может дать вам совет старцев — это понимание и осознание. Только от этих качеств будет зависеть то, как будет жить Иргент!

В словах председателя всё больше проскальзывали нотки торжественности, словно он постепенно вживался в чувства некоего единения с миром и понимания величия всего происходящего вокруг.

— Поэтому я, будучи посланником, живущим на Иргенте свою первую жизнь, приложил максимум усилий к тому, чтобы передать свой опыт прошлых воплощений жителям Иргента. Когда вы пройдёте курс базовой войсковой грамоты, я начну лично обучать вас многим вещам, которым до моего появления на планете не учили. Мне очень жаль что пока невозможно вновь ввести на планете всеобщее обучение, однако вы, передавая свои знания другим, сможете поспособствовать общему росту сознаний Иргента. Я надеюсь

на вашу мудрость и другие качества, способствующие скорому духовному росту. Только он способен остановить дальнейшие разрушения и дать вашей цивилизации путь наверх. Потому напутствую вас, как можно серьёзнее отнестись к обучению, извлекать мудрость из всего, чему вас учат здесь, учиться извлекать мудрость из всего, что приходит в вашу жизнь. Только вы сами способны изменить будущее планеты, а я — лишь проводник, указывающий в это будущее путь.

Завершив свою речь, глава академии поклонился детям. Встав в полный рост, дети ответили ему таким же поклоном. Уступив место в центре аудитории главе комиссии по распределению Войцху, глава академии сел в круг.

— Я приветствую вас, интересные личности. — полный мужичок небольшого роста в сером костюме обратился к детям, улыбаясь и немного гримасничая. — Меня зовут Войцх, я к вам с Гайи.

Словно дав залу обдумать своё неожиданное поведение, мужчина сделал паузу. У некоторых сидевших в зале появились улыбки на лице.

— Я вам хочу рассказать, как я выбрал нашу планету! — жестикулируя руками заключил мужчина. Тема для разговора была неожиданно странна. — Так вот, сидел я много жизней на своей Гайе, а потом думаю, не выбрать ли мне другую планетку?

Дети в зале повсеместно заулыбались, видя заразительную улыбку и юмор магистра.

— И решил я выбрать планету, которая похожа на мою. — Войцх начал расхаживать по кругу, чтобы вся аудитория со всех сторон могла его разглядеть. — И смотрю, значит, планета Иргент. Ничего так планета.

В разных концах зала послышались смешки.

— Зря смеёшься! — ткнул пальцем в одного из смеявшихся мужичок. — Действительно похожа.

Вряд ли кто-либо из зала знал об этой далёкой планете, поэтому очевидные выводы, которые так забавно делал магистр, были скорее проявлением его странного, явно не иргентовского, юмора.

— На Иргенте день длится шесть часов, на Гайе двенадцать, однако протяжённость у гайского часа примерно как у нашего получаса. — начал загибать пальцы академик. — Стало быть, день проходит примерно так же быстро. Это хорошо. Не люблю день.

Расхаживая по залу, мужчина пристально смотрел на сидящих, и делал им замечания, чего на Иргенте делать было не принято. Однако всё это происходило в смешной юмористичной форме.

— Вот ты! — ткнул пальцем в одного из зазевавшихся учеников магистр, — Ты видел когда-нибудь чтобы не было лета?

Зал засмеялся.

— Зря смеётесь! — теперь эта фраза звучала ещё забавнее, чем в прошлый раз. — На Гайе бывает четыре разных времени года. Четыре!

— У нас одно лето а там четыре? — раздался смешок сзади.

Хуже! — обернувшись, магистр состряпал на лице смешную гримасу отчаяния. — Там есть зимы, как на планетах, которые покрыты льдом.

— Как же там живут люди? — спросил сидящий на первом ряду парень.

— Зимой люди живут там примерно вот так, — Войцх встал на цыпочки и сжался, изображая трясущегося от холода человека, — брррррр...

Этим он наповал сразил весь зал. Мало кто из детей видел чтобы взрослые так

кривлялись. Дружный смех звучал отовсюду, а Подо и Алапар лишь улыбались, зная нравы председателя комиссии.

— На Иргенте триста сорок три дня в году, а на Гайе триста шестьдесят пять, из которых там, где я жил, почти половина приходилась на холодное время года. — начал загибать пальцы Войцх, но потом сразу же перестал, махнув рукой и изобразив недоумение от того, что пальцев не хватит на подсчёт всех обозначенных «пунктов».

— И куда я в итоге попал... — Войцх посмотрел на собравшихся в зале. — На планету, где круглый год тепло, где растут большие деревья с огромными плодами, где нет перенаселения и голода, и каждый человек может получить вдоволь всего.

На несколько секунд он замолчал, словно придумывая, чего бы ещё пошутить.

— Ах да, тут большую часть планеты триста лет назад метеориты разбили, но это же ничего, правда? — махнул он рукой, вызвав в зале очередную волну смеха. — Это всё мелочи.

— Так где лучше? Здесь или на Гайе? — задал серьёзный вопрос ученик, которому было на вид лет пятнадцать.

— На Гайе мяса больше. — покрутил по животу рукой «путешественник». — Там люди дают жизнь огромному числу животных, но потом они же её забирают ради производства еды. А здесь люди с уважением относятся к животному, и употребляют его тело в пищу только если оно умерло. И как тебе сказать, где лучше? Если тебе нравится вкус мяса, вам будет лучше на Гайе, если ты любишь животных, то здесь. Это личный выбор каждого.

— А какие преимущества у Гайи? — спросил тот же парень.

— Хм, преимущества... — мужчина почесал затылок. — Да пожалуй, только то, что там больше мяса, и кухня там изысканней и разнообразней. То, что у нас считают за еду, на Гайе скормили бы животным.

Войцх указал пальцем на свой большой живот и сказал с печалью:

— Тело поменял, а привычка много есть осталась.

После этой фразы он развёл руками, словно говоря «ничего не поделаешь». Зал снова начал смеяться.

— А ещё там транспорт есть, — развёл Войцх руки, пытаясь что-то изобразить, — машины, самолёты, короче, люди не ходят пешком.

— Это как у нас в эпоху машин? — послышался откуда-то из-за спины мужчины вопрос.

— Да, точно так же. — ответил он.

Снова начав расхаживать по кругу, Войцх почесал затылок, словно помогая таким образом себе думать.

— Да, судя по нашим перспективам, планета может умереть... — сделал на секунду серьёзное лицо мужчина, и тут же заулыбался, — Удачно я родился!

После слов про перспективы планеты в глазах учеников начал поблёскивать интерес и недоумение. У всех было принято позитивно смотреть на будущее Иргента.

— А знаете почему? — спросил Войцх зал и тут же сам ответил на свой вопрос: — потому, что мы не дадим этому произойти, и нам ещё будет чем позабавиться на этой планете! Духи, одержимые, ополченцы... Это всё забавно конечно...

При слове «забавно» магистр Подо скривил лицо. Он подумал: «Судя по реакции смеющегося зала, если не сталкиваться со всем этим всерьёз, то рассуждать так вполне забавно». Войцх продолжал:

— Но не забывайте о главном: о своём развитии. Если вы пойдёте в пещеры копать

уголь, не будете знать грамоты и письма, то и шансов возродить цивилизацию Иргента у вас будет столько, сколько извилин будет в вашей голове.

Магистр ненадолго призадумался и продолжил:

— Хотя, кто знает, что можно назвать развитием сейчас. Ребята на Гайе сейчас тоже что-то копают, добывают, лес рубят, по небу летают. А такие дураки, если честно. Хорошо что туманные духи в их галактику не заглядывали, планету бы захватили сразу. Отсюда вывод: не стремитесь восстановить тот уровень цивилизации, который был до катастрофы. От катастрофы он вас тогда не спас. Рассчитывайте только на себя, а не на прогресс. Впрочем, чего я вам говорю, какой ещё прогресс, заводы на нашей планете восстанавливать пока не научились.

В конце дня Форс один сидел в доме, который был аудиторией во время лекций и спальным залом для гостей по ночам. Мальчик молча смотрел в окно на проплывающие сверху облака. Он уже давно заметил, что здесь облаков значительно меньше, чем на его малой Родине, и туман не сгущается по утрам. Видимо это всё потому, что жёлтая долина дальше от океана и рядом с ней находятся пустоши. И хотя там стала уже восстанавливаться растительность, местность на пустошах до сих пор пестреет рыжевато-коричневой глинистой почвой, массой воронок-кратеров и оплавленными скалами после метеоритного удара. В общем, дожди сюда доходят реже, проливая живительную влагу на обжитую часть континента, возобновляя на время течение пересохших рек в жёлтой долине. Реки же на пустошах так и остаются глубокими оврагами, на дно которых изредка стекают небольшие ручейки воды.

— Стоит нарушить круговорот воды однажды, как он уже не восстановится многие столетия. — услышал внезапно Форс голос за спиной и испугался.

Обернувшись, мальчик увидел парня лет двадцати пяти, местного уборщика, пришедшего убираться в доме.

— Откуда ты знаешь, о чём я думал? — спросил Форс.

— Я всего лишь умею считывать мысли и настроения людей, — уборщик представился и поклонился, — Гамко, выпускник этого прекрасного заведения. Когда-то я обучался у «чёрных мундиров», так что считать о чём ты думаешь, я могу.

— А входить без единого звука тебя тоже в тайной страже научили?

— Нет, это мой талант, — посмеялся парень, — с детства любил пугать людей.

— Я Форс, ученик магистра Подо. — поклонился в ответ мальчик.

— Хм, начальное обучение, — Гамко подошёл и посмотрел в окно. — Надеюсь, скоро тоже будешь учиться уже на стража. В ополчении делать нечего.

— Почему это нечего? — перевёл Форс взгляд на улицу, где вдалеке бежал на пробежке отряд ополченцев.

— Потому что они лишь мясо для духов. — Серьёзно посмотрел в лицо Форса парень. — До сорока лет многие не доживают. А вот чтобы кто-то из тайной стражи погиб, — я ещё такого не слышал. Но и обучение там сложное, так что будь готов.

— А ты почему забросил службу? — спросил Форс.

— Я не забросил. Просто хочу заработать денег и купить себе в звёздном замке домик. Ты наверно ещё не в курсе, какие тут законы. Чем тяжелее труд, тем выше его оплата. Ибо как мотивировать человека, к примеру, копать в шахте, или убираться за другими людьми? Только дав ему много денег за его труды, никак иначе. Вот я и зарабатываю тут в перерывах между заданиями. Надеюсь, очень скоро накоплю на свой дом в столице. У нас теперь стали

продавать дома в Пруванке. Раньше только давали за особые заслуги. А теперь деньги начинают цениться всё больше и больше... В замке за них можно купить уже почти всё, что угодно.

— Значит, если человек хочет денег, ему дорога в уборщики или в шахту?

— Ну ещё можно строить, таскать тяжести, помогать по хозяйству... — Гамко напряг голову чтобы вспомнить. — На шахты дороги нет, здесь в шахтах в основном копают те, кто потом перепродаёт уголь самостоятельно. Зачастую его потом к горцам таскать приходится, местных кузнецов этим углём уже снабдили на годы вперёд.

— Понятно... — вздохнул Форс, подумав, что это всё явно не для него.

Взяв в руки тряпку, Гамко сказал:

— Ну что, друг, пора мне начинать уборку. Иди к себе в казарму.

И снова огонь осветил стены избушки. Клубы тёмного дыма поднимались вверх. Люк в крыше был открыт, и дым беспрепятственно поднимался в небо. В костре, разожжённом посреди комнаты, таяли одна за другой небольшие хвойные веточки. Вместе с ними, казалось, таяла его жизнь...

Элеоф, тридцатилетний маг, живущий в глухом лесу на дикой территории, всю жизнь посвятил своему ремеслу. Живущий на старых землях, не подверженных влиянию Атача, он с детства рассматривал окружающий мир как угрозу. И не зря. За ним много лет уже охотились стражи и тайный орден. Так же, как и за его дедом, старым магом Фисироцем, ставшем уже легендой Иргента. Некоторые считали, что Фисироц может практически всё, другие думали, что его не существует в принципе, третьи охотятся за ним до сих пор, не подозревая, что его уже нет в живых.

Почти полгода прошло с момента смерти господина Фисироца, могущественного человека, знавшего такие тайны, которые не нужно было знать непосвящённым и простому люду, умевшего, по слухам, превращаться во что угодно, хоть в неживой предмет, так же, по слухам, умеющего материализовать в своих руках что угодно и мгновенно перемещаться в любую точку Иргента.

Его внук Элеоф этим слухам мало верил, на все вопросы о подобных способностях дед всегда отвечал уклончиво, а демонстрировать их ему не приходилось. Хотя дед и говорил Элеофу, что когда-то многие, почти все на планете обладали подобными возможностями, но потом наступила эпоха машин, и люди заменили свои способности на возможности роботов и техники, а потом произошла катастрофа, ставшая для Иргента началом новой эры. Эту эру маг Фисироц называл всегда эрой выживания, употребляя фразы: «Я родился уже в эру выживания» и «Когда уже эта эра выживания закончится?». Окончания этой эры могущественный маг так и не дождался. И на самом деле у этого человека ни детей, ни внуков не было, как, в общем-то, и жены, однако это целая история.

Однажды Фисироц шёл в поле перед надвигающимся приближением Атача к Иргенту, он спешил укрыться на холмах и переждать в плаще-палатке его проход. И он увидел в поле потерявшегося мальчика лет пяти, который, по всей видимости, отстал от обоза эвакуирующихся беженцев или потерял родителей. Медлить было нельзя, и уже почти столетний старик, отличавшийся при том в свои годы крепким телосложением и чересчур молодо выглядевший, взял плачущего ребёнка с собой. Без него мальчик явно погиб бы.

Однако, пребывая с ним пару дней на холмах, Фисироц, никогда никого в своей жизни сильно не любивший, успел привязаться к малому. Ради него позже он сколотил в лесу домик и прекратил свои скитания, обосновавшись на дикой территории, подальше от посторонних глаз. В этом домике и прожил он свои последние годы, занимаясь саморазвитием через воспитание «внука». Впрочем, на Иргенте едва ли не четверть всех семей растит детей, оставшихся без родителей. Что неудивительно, ибо катаклизмы здесь происходят с пугающей регулярностью. Потому и считается тот, кто вырастил ребёнка, таким же полноценным родителем, как и тот, кто его родил.

В общем, Элеоф вырос практически нелюдимым человеком. Воспитанный на мощных знаниях и большой мудрости своего деда, он знал практически всё, и прекрасно умел получать информацию, входя в изменённые состояния сознания. Этому обучил его дед,

который передал за двадцать пять лет воспитания не всё, но очень многое из того, что готов был принять и впитать в себя Элеоф. Более того, старик воспитывал достойную замену на случай, если он сам не сможет завершить начатое дело, которое он считал делом всей своей жизни. А дело это — ещё одна отдельная история.

Фисироц надеялся, что расшифрует книгу, которую нашёл когда-то благодаря своим способностям. Ещё до встречи с Элеофом к магу пришло понимание того, что он упёрся в стену в своём развитии и не может двигаться дальше. Он уже знал и умел практически всё, чему обучают различные мудрецы и маги на Иргенте. Он даже вышел на уровень понимания того, как писать свою судьбу самостоятельно. Однако это не помогло ему — у него не было цели, достойной цели, ради которой можно двигаться дальше.

Через несколько лет жизни в лесу маг окончательно зашёл в тупик в своём развитии. Тогда он стал искать знания в других мирах, пребывая там во сне, и наткнулся на информацию об очень древней книге, которую он может найти и расшифровать, и знания, изложенные в ней, помогут ему обрести то недостающее звено, которое позволит ему выйти на новый уровень развития.

Три года ушло на поиски во снах места, где лежит эта книга. Ещё год Фисироц готовил своё тело. Он занимался различными практиками, которые позволяют телу выживать без еды и воды, получая подпитку напрямую от энергетических «линий мира». Потом Фисироц полгода шёл ночами через пустынную местность, выжженную метеоритным дождём и засыпанную пеплом. К утру он выкапывал себе очередную землянку и укрывался взятыми с собой досками от дневного палящего солнца, выжигающего всё вокруг. Во время дневного сна он часто выходил из тела и искал наиболее оптимальный путь на следующую ночь, а после заката вновь начинал брести по остывающей земле.

Так он дошёл до развалин огромного города эпохи машин. Здесь ещё оставались несколько стай животных и множество костей убитых ими людей. После катастрофы на развалины этого города стекались выжившие, пару сотен лет тут даже просуществовало поселение. Но стаи диких псов так же стекались сюда, и некогда выведенные человеком существа, его же и погубили. Зря люди прошлого сделали собак такими сильными и выносливыми.

Здесь эти псы, видящие в темноте и охотящиеся на всё, что движется, стали довольно серьёзным препятствием для мага. И хотя собаки всеядны, в последние годы стаи одичали настолько, что большинство псов были чистыми хищниками-падальщиками. Всё потому, что оставшись без пищи, они питались в основном своими умирающими соплеменниками. К тому же последний источник воды — старое городское водохранилище, — пересох и больше не давал живительной влаги.

Если бы Фисироц пришёл в город на полгода позже, он явно не встретил бы таких проблем, просто увидел бы рядом с костями людей множество свежих костей животных, умерших от жажды и голода. Но пока эти ослабевшие и голодные псы представляли большую угрозу для всего живого. Прячась от жары в уцелевших зданиях, они готовы были в любое время вылезти и растерзать любого ради утоления голода и жажды. Поэтому долго приходилось осторожничать. Три дня Фисироц проспал в землянке на окраине города, исследуя через сон жизнь этих животных. На обитаемых землях всех домашних животных истребили, поэтому изучать всё о собаках приходилось с нуля: повадки, поведение в стае, способы нападения и так далее. Вернувшись в реальность, маг продолжил изучение стай. Всё это было довольно интересным и опасным занятием.

Несмотря на все меры предосторожности однажды стая едва не растерзала мага. От клыков одного из псов у Фисироца навсегда остался шрам на левом плече. Два пса, которые не успели убежать, были убиты металлической арматурой, вывернутой из стены здания, а тому псу, который кинулся кусать мага за плечо, маг сломал сначала челюсти, разжав их так, что те вывернулись наизнанку (силы старику было не занимать), потом свернул шею, дабы прекратить мучения животного.

В итоге был найден универсальный рецепт — плоская металлическая балка из крыши одного из зданий. Она была обтёсана камнем до состояния достаточной остроты, чтобы резать плоть. Конец балки был смят камнем и обмотан верёвкой, рукоять получилась неплохая. Особенно много внимания было уделено заточке острия — оно получилось острым как скальпель хирурга. В итоге этим самодельным мечом маг убил ещё с десятков животных, после чего дикие стаи перестали набрасываться на него, напротив, стали сторониться. Многие собаки, едва завидев или почуяв старика с перебинтованным плечом и металлической балкой за поясом, спешили скрыться подальше. Это дало наконец возможность не опасаясь нападения со спины, заняться поиском книги.

Ночевать приходилось на чердаках и крышах зданий — там, куда явно никто не доберётся, пока тело спит. В одном из очередных снов магу очень захотелось есть. Фисироц на самом деле не знал до конца, сколько его тело может выдержать без еды и воды. Если ресурс тела уже подходит к концу, то ему суждено умереть здесь, в этом городе, став таки пищей для диких псов. Если тело выдержит ещё полгода скитаний, значит, судьба дарит ему шанс довести дело до конца. Но он знал: можно надеяться на судьбу, а самостоятельно нужно делать всё, чтобы помочь высшим силам, которые её пишат, оказать тебе поддержку. Поэтому Фисироц, выйдя из тела во сне, начал искать, есть ли в этом городе запасы еды. Он обнаружил под городом сеть туннелей, входы в которые почти везде были засыпаны пеплом. По этим туннелям в эпоху машин передвигались люди на больших металлических повозках, после катастрофы там некоторое время оставались выжившие. Однако гигантский слой пепла в четыре-пять метров засыпал все выходы и входы, в итоге выжившие остались умирать голодной смертью. Местами у людей даже просто кончался кислород.

Вход в эти туннели был один — старый кратер, оставшийся от метеорита, упавшего на город. Метеорит выбил в почве довольно глубокую воронку, в которую ветры намели уже пару десятков метров пепла, песка, грунта и мелких обломков. Сам вход находился на склоне кратера и тоже был присыпан песком так, что был едва заметен. Вокруг кратера в эпоху машин был город, находилось множество зданий. Теперь на много километров вокруг песчаная равнина, по которой никак невозможно сказать, что здесь когда-то была жизнь, и что здесь был пригород того самого города, развалины которого величественно возвышаются посреди пустоши.

Исследовав часть территории туннелей во сне, старый маг дошёл до ближайшей из станций, которая была уже полуразрушенной от времени, и на ней нашёл немного сохранившейся законсервированной еды. Днём он дошёл до туннеля, начал откапывать его. На второй день был прорыт узкий лаз, позволяющий попасть туда, куда ещё не ступала нога человека эры выживания. Ползти приходилось на ощупь через обломки бетонных конструкций. Потом идти на ощупь в большом туннеле в полной темноте. Дойдя до станции, Фисироц обыскал всё, но запасов пищи так и не нашёл.

Пришлось лечь спать в этом холоде, и во сне выходить из тела. Такой способ поиска был намного эффективнее: глаза наяву не видели того, что можно было воспринимать во сне

вне тела. Так была найдена еда, пролежавшая тут сотни лет в законсервированном виде. Тело во время сна едва не замёрзло в холодном подземелье, и после пробуждения кости ломило от холода. Проснувшись, маг на ощупь отыскал консервы и вернулся на свет. После суток в подземелье солнце кололо глаза. Пока маг дошёл до города с небольшим запасом еды, глаза привыкли к солнечному свету.

Часть консервов было уже невозможно есть вообще, и пришлось их выкинуть. Другая часть была испорчена и непригодна для еды. Эти банки Фисироц решил скормить собакам. Лишь несколько штук можно было съесть. Но этих запасов должно было хватить надолго — организм, привыкший жить без еды, насытится даже очень малой её дозой. Теперь за выживание можно было не беспокоиться.

Следующие тринадцать ночей ушли на изучение того, где же находится книга. Поиски привели его к зданию, которое некогда стояло в центре города, сейчас же, когда полгорода уничтожено метеоритом, этот дом находится почти на окраине. В подвале этого здания некогда находился музей. В этом музее до сих пор погребено огромное количество ценностей из разных древних эпох. Проблема в том, что здание засыпано пеплом по второй этаж и некогда в нём жили люди эры выживания. Грунт здесь везде утоптаный, плотный, копать можно очень и очень долго.

За те дни, которые проходили между поисками, Фисироц даже успел приручить нескольких собак, и прикармливал их тем из своих запасов, что уже невозможно было есть человеку. В шутку он думал про себя, что неплохо было бы заставить их копать, однако из этих полуживых, истощённых жаждой псов вряд ли получатся хорошие землекопы. В конце концов пришлось пойти на то, на что идти меньше всего хотелось — изучать путь через туннели под землёй. Обследование во сне показало, что именно так можно найти вход в музей. А поиски в бодрствовании дали понять: надежд откопать вход сверху нет и не будет. Последний шанс — пробираться через туннель.

Пара дней ушла на поиски верёвок, тканей, палок и всего прочего, что может пригодиться при создании факелов. Большой удачей была находка неглубоко под землёй грунта, пропитанного какой-то воспламеняющейся жидкостью. И хотя пришлось отбиваться от собак, защищавших эту территорию и считавших её своей, находка в итоге позволила пропитать ткани горючим, и таким образом сделать возможным создание факелов. Всего факелов было сделано три десятка. Таскать их к туннелю пришлось в два этапа. А в туннель они затаскивались через откопанный лаз ходок за десять туда-обратно. Затем, в туннеле, проволока и канаты позволили связать их в две охапки и повесить на себя. Тело при этом было обвязано старыми рваными тканями для утепления.

В туннеле так же можно было найти куски старой не истлевшей одежды и навязать их на себя. Двигаться надо было быстро — в туннеле и так было мало воздуха, если тут будет ещё и много дыма, то это весьма затруднит путь обратно. Но пройдя достаточно быстрым темпом пару станций, уже на третьей маг столкнулся с трудностью: вставшим посреди туннеля железным монстром, который перевозил здесь людей три сотни лет назад. Он оказался огромной длинны, и проход между ним и туннелем был столь узок, что пришлось оставить половину факелов лежать здесь и дожидаться возвращения. На всём пути такие машины попадались Фисироцу ещё дважды. Одна из них стояла прямо на станции с открытыми дверями, туда можно было зайти, и воочию увидеть, на чём передвигались люди эпохи машин. Человеческих костей на станции не было — видимо, отсюда все ушли в город или к другим станциям после метеоритного удара.

Четвёртой станцией была именно та самая, которая вела в заветное подземелье. Оказавшись рядом со входом в него, Фисироц обнаружил закрытые металлические двери. Пришлось вернуться в туннель, в то самое место, где своды осыпались то-ли от старости, то-ли после удара сверху, то-ли после прохода Атача. В этом проломе маг нашёл множество металлических конструкций. Закрепив факел на противоположной стене, он принялся выдирать железки из стены. Поддавались они с большим трудом, и к тому моменту, когда удалось вытащить одну из них, факел догорел, а окружающее пространство было пропитано едким дымом настолько, что невозможно было открыть глаза. Дышать было трудно, и с добытой железякой пришлось ползти на корточках, чтобы вдыхать не дым и гарь, а чуть более чистый воздух.

Ещё несколько часов ушло на то, чтобы сломать дверь. Делать это приходилось в полной темноте, лишь изредка зажигая факел, дабы посмотреть на проделанную работу. Кожа на руках, даже несмотря на то, что руки были замотаны в ткань, стиралась в кровь, однако после долгих стараний старый ржавый замок поддался.

Войдя в музей, Фисироц был поражён огромным количеством предметов в нём, как древних, так и эпохи машин. Что-то заросло паутиной, что-то уже истлело, многие предметы валялись прямо на полу, видимо, поваленные тряской после метеоритного удара.

Книг здесь было много. Ту самую, которая была нужна, среди всего этого разнообразия найти удалось не сразу. Найдя через час поисков именно её, старик наконец-то мог выйти из проклятого подземелья. Захватив в музее ещё несколько интересных артефактов, он отправился в обратный путь. Сил идти не оставалось уже к следующей станции. Однако на последнем дыхании Фисироц прошёл до самого конца туннеля и дополз до выхода. Как только тёплый ветер окутал его тело, Фисироц мгновенно заснул.

Наутро он проснулся с жуткой головной болью. Яро и Эва уже висели над горизонтом и их свет освещал голову старика. Телу уже было жарко и на жаре не хотелось двигаться. Пришлось снова лезть в туннель чтобы охладить своё тело. После, взяв в багровые от запечённой крови руки книгу, старый маг вылез на свет и побрёл прочь, сначала в город отдохнуть, а затем подальше, прочь от города.

Обратный путь занял два месяца. За это время тело восстановилось, однако старость уже давала о себе знать, и долгое странствие всё равно оставило отпечаток: с этого момента Фисироц больше не чувствовал себя молодым и периодически испытывал боли в коленях, пояснице, ломоту в костях и одышку. Был сшит из подручных материалов рюкзак для книги, сделана трость, помогавшая идти. После долгой разлуки Фисироца вновь встретил Элеоф, которому исполнилось тогда двадцать два года.

Вернувшись, Фисироц сразу приступил к расшифровке старинного издания. Он уделял ему много времени первые полгода, позже, наработав опыт в расшифровке посланий и исписав рукопись, по объёму равную тому книги, он сбавил темпы и успокоился. Часть из посланий, зашифрованных в книге, были раскрыты и благодаря Элеофу, которого дед так же начал учить искусству расшифровки. Впрочем, каких-либо знаний в этой области изначально ни у того, ни у другого не было. Весь свой опыт они обрели уже по ходу дела, расшифровав несколько страниц объёмного текста.

Ключом ко всему должна была стать объёмная буквенная матрица — трёхмерная структура в виде куба, в ячейках которого расположены символы. Символы — те самые буквы, которыми написана книга. Всего ячеек в матрице триста сорок три, столько же, сколько дней в году, они представляют из себя объёмную таблицу семь на семь, плюс ещё

семь слоёв в глубину. Каждая ячейка — символ, имеющий определённое значение. Символы можно читать как по диагоналям, так и по вертикалям, как вглубь объёмной матрицы, так и на каждой грани. Комбинации, образованные этими символами, составляют слова, которыми написана книга. Большинство слов семи буквенные, в соответствии со структурой матрицы. Реже встречаются отдельно стоящие символы, ещё реже — трёх- и пяти буквенные слова. Расставив все символы на свои места в матрице и поняв значение каждого символа, можно расшифровывать слова книги.

За все восемь лет, проведённые с книгой, Элеофу и Фисироцу удалось расшифровать до тридцати процентов текста, и то обрывочно, из разных глав. Общей картины не складывалось, так как расшифрована была только половина символов. К тому же, только пятьдесят две из трёхсот сорока трёх букв стояли точно на своих местах в объёмной таблице, ещё сто сорок восемь расположены были предположительно на свои места, но к сожалению, перестановка даже одного из них могла привести к изменению значения большей части расшифрованного текста. Так что головоломка оказалась весьма сложной для двух магов.

Однако даже та часть текста, которая была расшифрована, давала очень мощные знания о многих вещах. К сожалению, эти знания были обрывочны и не позволяли составить общую картину. Однако поиски позволили разобраться во многих вопросах мироустройства глубоко и качественно. Если бы им просто положили книгу с этим текстом и дали её прочитать, эффект был бы куда хуже: самостоятельный поиск при правильном подходе приводит к куда лучшим результатам, чем просто чтение. За время расшифровки маги успели пересмотреть все свои взгляды на жизнь, перевернуть с ног на голову мировоззрение и решить множество проблем. И это дало ключ к дальнейшему росту и развитию.

Вскоре смерть старика Фисироца стала большой потерей для Элеофа. Соорудив погребальный костёр, Элеоф проводил единственного родного человека в следующую жизнь и пожелал ему счастья. После смерти старика, Элеоф посчитал своим священным долгом расшифровать наконец эту книгу в благодарность за всё, что дал ему дед в течение жизни. Через полгода после смерти деда Элеоф расшифровал только пять процентов оставшегося текста. Пытаясь составлять матрицу в одиночку, он окончательно завёл в тупик всю работу: перепутав несколько букв в матрице, он получил совершенно другие значения слов. В этих значениях был заложен совершенно иной смысл. И хотя он подходил по контексту, Элеоф, обнаружив это, был сильно опечален: не может же быть у одного текста два смысла одновременно...

И снова огонь осветил стены избушки. Клубы тёмного дыма поднимались вверх. Люк в крыше был открыт и дым беспрепятственно поднимался в небо. В костре, разожжённом посреди комнаты, таяли одна за другой небольшие хвойные веточки. Вместе с ними, казалось, таяла и его жизнь. Всё, чего он достиг в течение прожитых дней, теперь упиралось в одну книгу. И эта книга, призванная вывести из тупиков лабиринта жизни старого мага Фисироца, ныне завела в тупик его внука Элеофа.

Ещё один день, убитый на расшифровку текста, был потрачен впустую. Рукописи деда больше не помогали. От бессилия что-либо понять к горлу подкатывала обида и злость. Ещё одна попытка прочитать текст страницы, который вроде бы ещё совсем недавно был понятен, увенчалась очередным разочарованием: теперь смысл текста был совершенно иным. Вера в то, что он действительно понимает суть книги, была потеряна навсегда. Элеофу теперь казалось, что всё, что они читали до этого — пустой мираж, если переставить символы местами, то смысл всего текста теряется. А есть ли уверенность в том, что те

пятьдесят символов стоят на своих местах? Ни грамма. Шансов на то, что всё именно так, практически нет. Понимая это, Элеоф начал осознавать, что восемь лет его жизни, восемь лет трудов, пошли насмарку.

Под вечер, когда маг вновь припомнил время, проведённое в попытках что-либо прочесть, злость и обида взяли своё. Элеоф вырвал и скомкал страницу, которую пытался расшифровать. Она полетела в костёр. Вслед за ней и вся остальная книга. В бессилии, маг заплакал. Через некоторое время, опомнившись, он бросился доставать горящую книгу. Однако её было уже не восстановить. Затоптав то, что оставалось от большого и тяжёлого тома, он обнаружил, что огонь съел большую часть текста, обуглив края всех страниц. До половины текста на каждой странице было утеряно. Пытаться читать оставшиеся обрывки уже не имело смысла. «И почему дед за восемь лет так и не сделал копии этой книги?» — подумалось Элеофу. Смешанный комок чувств отныне сопровождал его последующие дни. Здесь и грусть от потерь, и чувство вины за собственную глупость, и понимание того, что ныне его жизнь будто остановилась и с этим уже ничего не поделаешь.

Несколько месяцев ушло на попытки поиска нового смысла существования. Однако никаких социальных связей у мага не было. В любом селении его могли поджидать странники правосудия. В любом городе его могла схватить тайная стража. Его знания и опыт нужны были тем, кто до сих пор жаждет знать всё о способностях его деда. Однако понимая, что происходит на Иргенте, Элеоф прекрасно осознавал, что весь его опыт, попадись он этим людям, пойдёт на укрепление власти Иерархии.

Однако вызов жизнью был брошен: либо он в одиночку проживёт отшельником оставшиеся годы, спрячась от людей, либо выйдет в свет. Так как весь смысл жить одному сгорел вместе с книгой, названия которой маги так и не расшифровали, эта избушка посреди леса внезапно стала очень тесной для Элеофа. Каждый день, проведённый здесь, подавлял его, и молодой маг чувствовал, что здесь он начинает быстро стареть и словно приближает свою смерть.

Навыками скрываться от тайной стражи маг не обладал, в отличие от деда, который провёл жизнь в бегах и разработал для себя множество уловок, позволяющих обманывать видение этих специально обученных людей. Элеоф понимал, что выход в свет для него равен поимке. Но и жизнь отшельника ныне была для него просто медленной дорогой к смерти. И маг решил поставить на кон свою жизнь. Либо его знания и опыт перевесят и позволят выбраться из лап структур Иерархии, либо, увы, его опыт послужит делу разрушения планеты. Это будет последняя битва Элеофа, и маг обязан выиграть её.

Смысла в жизни, проведённой под защитой энергетического купола, поставленного Фисироцем от видящих над той местностью, где стояла избушка, уже не было. Нужно было сделать шаг за него, выйти в горы и города, научиться взаимодействовать с людьми, научиться отличать мага и видящего от простолюдина. Это теперь путь его развития, это теперь его жизнь. И Элеоф сделал шаг в эту новую жизнь, собрав необходимые вещи и выдвинувшись в путь.

Светила Эва и Яро клонились к горизонту. Скоро должно было настать тёмное время суток. Подходили к концу последние дни перед приближением Атача, и Форс уже собрал свой походный рюкзак, чтобы вскоре вместе со всеми двинуться в горы. Он сидел вместе с другими детьми на полигоне, в то время как ополченцы тренировали свою выносливость на полосе препятствий. Детям часто проводили подобные показы, ведь скоро и они начнут обучаться всему тому, чему учат ополченцев. Хотя ополчение — дело добровольное, и в любой момент каждый ученик центра может отказаться от этого пути и выбрать другой, однако большинство обучающихся остаётся в рядах борцов с туманными духами, ведь все понимают необходимость борьбы за будущее своей планеты и своей расы.

В это самое время в центр подготовки вернулся очередной отряд с пустошей. Перед приближением Атача на близлежащих пустошах проводятся рейды — зачистки местности, чтобы выявить примерное число одержимых и по возможности нейтрализовать как можно большее их количество.

Всегда после прохождения Атача рядом с Иргентом одержимых становится в разы больше. Так как население пустошей — в основном полудикие отшельники, по тем или иным причинам ушедшие от цивилизации, либо банды, время от времени появляющиеся на обитаемых землях, то одержимых среди них значительно больше, чем среди населения благополучных обитаемых территорий, где таковые постоянно контролируются.

На диких пустынных территориях вокруг обитаемых земель нет населённых пунктов, только стоянки небольших групп людей, ведущих кочевой образ жизни, либо землянки отшельников. Среди этих людей одержимость встречается значительно чаще ввиду отсутствия чёткого контроля со стороны ополчения, тайных стражей и прочих сил, надзирающих за порядком.

И вот очередной отряд, возвращающийся с пустошей, привёл с собой троих одержимых. Дети, конечно же, бросили своё занятие и сбегались к отряду — глазеть на полуголых дикарей в верёвках и кандалах явно интереснее, чем очередной раз смотреть тренировки ополченцев. Семёрка ополченцев вела под руки двоих людей с мешками на головах, руки которых за спиной были закованы в кандалы. Третий шёл сам, привязанный верёвкой к одному из ополченцев. Его руки были связаны спереди.

Один из ополченцев забежал в центральный купольный дом. Вышел он оттуда уже с двумя служителями тайной стражи и главой академии. Подойдя к ополченцам, «чёрный мундир» скомандовал:

— Преступника в землянку. А этих двоих с нами. Алапар, есть у нас сейчас пустые помещения?

Есть пустая аудитория. — глава академии указал пальцем на один из круглых домов. — Там сейчас никого не должно находиться.

— Клеф, бери пучеглазого. — скомандовал тайный страж напарнику, указав на одного из пленников и разминая костяшки пальцев. — а я возьму вот этого парнишку.

— Ну чего столпились? — Алапар обратился к окружившим ополченцев детям. — Вы ещё многократно будете видеть процесс изгнания, кто-то из вас даже будет учиться этому. А сейчас идите и занимайтесь своими делами. Всему своё время.

Вечер уже опускал свой мрак на планету. Из юрт выносились факелы и лампы, и

зажигаящие подходили ближе к трибунам, чтобы осветить их. Форс отошёл на противоположную сторону небольшого холмика и сел там в одиночестве под деревом.

Через некоторое время к нему подошли двое мальчишек и шёпотом предложили посмотреть на изгнание. Идти одним им было страшно, ведь им запретили приближаться к зданию, где стражи будут проводить изгнание. Однако в то же время было очень интересно. Форс и сам жутко любопытствовал поглядеть на это, однако он спросил, почему ребята хотят взять третьим именно его, а не кого-либо другого. В ответ он узнал, что он умный и придумает, как пробраться к зданию незамеченными. К тому же у Форса хорошие отношения с главой академии, и ребят будут меньше ругать, если обнаружат что с ними вместе Форс.

Форсу было приятно слышать столь лестные отзывы о себе от практически незнакомых учеников. Да и опыт проникновения за грани дозволенного у него был — в родном селении они с Синхой постоянно сбегали в леса через кордоны дозорных. Так что Форс решил провести ребят и пойти с ними.

Обойдя несколько зданий вокруг, подальше от хоженных троп, ребята оказались рядом с круглой аудиторией, в которой стражи с ополченцами заперли одержимых. Дозорным на входе стоял один ополченец, стало быть ему на глаза лучше не попадаться. Больше здание ни кем не охранялось. Окна были значительно выше уровня глаз, да и окнами это было трудно назвать — это были маленькие прорези-оконца, служащие для того, чтобы свет проникал внутрь днём и хоть как-то освещал аудиторию.

Форс пригнулся и незаметно подбежал к зданию первым, затем, махнув рукой, позвал за собой остальных ребят. Он быстро смекнул, что единственная возможность посмотреть на происходящее внутри действие — это забраться на чердак через вентиляционный люк в крыше. Рядом со зданием росло невысокое, по меркам Форса, дерево. Оно было всего лишь в три раза выше этого здания. По сравнению с гигантами диких земель это был карлик. По его веткам можно было довольно легко забраться на крышу.

Поэтому Форс попросил помочь ему, и ребята подставили руки чтобы он залез на дерево. Оказавшись на ближайшей толстой ветке, он протянул руку вниз, чтобы помочь забраться второму мальчишке. Затем вместе они втянули на ветку третьего. Форс полез вверх. Он нащупал ногами довольно прочную ветку, позволяющую легко оказаться на крыше, хоть крыша была на расстоянии трёх вытянутых рук от ствола дерева.

Как самый смелый член команды, Форс оказался на крыше первым. Некоторое время пришлось уговаривать второго мальчика переползти на крышу по ветке. В итоге он поборол свой страх, взялся за вышерастущую ветку и ступил на этот тонкий природный мостик, отделяющий его от твёрдой поверхности крыши. Медленно ступая, покачиваясь вместе с ветками, он таки дошёл и сделал шаг на крышу. Умудрившись довольно шумно спрыгнуть на неё, он затих. Вместе с ним замерли остальные мальчишки. Но похоже, что неаккуратность его осталась незамеченной, и Форсом был дан сигнал третьему мальчишке: «следуй за нами».

В итоге трое учеников оказались на покатой полукруглой крыше здания. К счастью, это был не купольный дом, а обычная аудитория с прямыми стенами, построенными кругом, на которых держалась выпуклая крыша. Аккуратно пройдясь по выступу стен, «команда» оказалась возле небольшой дверцы, которую можно открывать для проветривания. Через эту дверцу они проникли на чердак, отделённый балками и деревянными перегородками от нижней части дома.

На чердаке было грязно, здесь ютились птицы, которых нужно было не спугнуть, дабы не выдать себя. Потому ребята присели и замерли сразу же, как только оказались внутри. Каждый слышал стук своего сердца. Снизу, из комнаты, доносились голоса:

— Веский повод чтобы попрактиковаться. Ополченцы знали об этом?

— Вряд ли они представляли себе всю картину.

— Ну что ж, приступим к изгнанию.

Форс лёг на пыльный пол, медленно и аккуратно подполз к вентиляционному люку под потолком помещения, которое было под ними, по центру здания. Сквозь узкие щели люка он увидел внутреннее пространство помещения. Оно было освещено тусклым жёлтым сиянием факела. Форс стал вертеть головой, меняя угол обзора, чтобы исследовать всё пространство помещения внизу. Увлёкшись этим процессом, он не заметил, как к нему подползли двое учеников, повторив в точности его движения. Один из них лёг справа, другой слева. Дети смотрели сквозь узкую прорезь широкого люка, пытаясь увидеть картину происходящего внизу.

— Вон они! — негромко сказал парень, что был справа.

Тут же Форс прикрыл его рот ладонью и тихо прошептал на ухо:

— Тише ты! Из-за тебя нас могут услышать. — и, повернув голову к прорези, спросил: — Где ты их увидел?

Мальчик ткнул пальцем в сторону, где виднелись фигуры людей, освещаемых пламенем.

Форс повернулся ко второму мальчику, жестом показав, куда смотреть, и так же жестом приказал молчать. Все трое уставились на силуэты внизу, пытаясь разглядеть каждое действие, происходящее внутри здания.

Двое мужчин в чёрных мундирах и один ополченец в изодранных лохмотьях защитного цвета стояли вокруг лежащего на полу связанного пленного, который молчал и улыбался. Второй связанный пленник кряхтел неподалёку, привязанный к столбу, подпирающему потолок. Рот его был закрыт кляпом.

— Где мой напиток? — спросил один из мужчин в чёрном боевом облачении.

— Вот, держи. — протянул ему металлическую фляжку второй.

— Значит так, — первый поставил на пол песочные часы, — погружаюсь на четверть получаса. Если за это время не вытяну нужной информации, дай мне понюхать этой химической дряни, чтобы я пришёл в себя.

— Это ты после предыдущего случая перестраховываешься? — спросил ополченец.

— Да, и Клеф будет меня вести. А ты смотри и запоминай, как мы работаем. Твой опыт позволяет тебе через некоторое время попроситься к нам в тайную стражу.

— Хорошо, благодарю за оказанное доверие.

— Может быть, доверия бы и не было, если бы работали с одним. Твоя задача сейчас — контролировать второго, чтобы не мешал. Будет много шума от него — выруби его чем-нибудь тяжёлым по затылку, и завтра им займёмся.

— Хорошо. — ополченец присел на стул.

Страж перевернул песочные часы и произнёс:

— Ну, поехали!

Тут же он сел на пол, отпил пару глотков из фляжки и принял лежачее положение, оказавшись рядом со связанным пленником. Фляжку он протянул второму стражу, а тот, взяв флягу, повернул голову пленного так, чтобы эти двое на полу лежали лицом к лицу. На некоторое время воцарилось молчание. Веки лежащего на полу стража крепко сомкнулись.

Чуть погодя его тело вздрогнуло, он начал шевелиться.

— Что там? — спросил его ополченец.

Эпоха машин...

Эва и Яро сияли высоко над горизонтом. Светила освещали всё сверху, да так, что тени, отбрасываемые предметами, оставались прямо под ними, а не ползли в стороны. Полдень, ровно полдень. Лекс стоял перед многоэтажным зданием с зелёным куполом крыши. Там, под стеклом крыши, цвели растения, согреваемые светом двух светил. Они были очень высоко. Сколько же этажей было у этого здания? Лекс начал считать. Один, два, три... Восемь... Четырнадцать... Двадцать один этаж. Это вместе с первым, техническим. А на остальных жили люди. Четырнадцать... В голову запала именно эта цифра: «он там». Подойдя ко входу, Лекс увидел как стеклянные двери сами распахнулись перед ним, хотя рядом никого не было. На время он остановился от удивления. Продолжив путь, он вошёл внутрь.

Внешняя стена, сделанная полностью из стекла, осталась за спиной, оставив позади уличный зной. Внутри было не жарко и не холодно, видимо, тут поддерживалась оптимальная для жизни температура. Сделав с десяток шагов вперёд, он оказался на площадке, на которой справа, на расстоянии в два человеческих роста, стояли скамейки, слева, на расстоянии в две вытянутых руки стоял столик, за которым сидела полноватая женщина. Посередине между ними было открытое пространство, на полу был нарисован круг, в котором находилось изображение планеты тех лет, до метеоритного удара. По центру была четырёхконечная звезда с каким-то непонятным символом той эпохи, и надписи на давно забытом языке. Но больше всего Лекса заинтересовало изображение самой планеты, прекрасной, зелёной, со множеством точек-городов. Он стал рассматривать её.

— Ну и что, ты свой герб никогда не видел что ли? — полная женщина грубоватым тоном обратилась к Лексу.

— Видел... — задумчиво проговорил тот, и переключил внимание на здание.

Внутри канаты какого-то огромного механизма тянулись от площадки, на которой он стоял, до средних этажей здания, где на уровне внешних стен крепились к какой-то серой шпуковине из металла. Посмотрев вверх, Лекс увидел как параллельно друг другу ввысь тянутся две половины здания, похожие зеркально одна на другую. И каждый этаж тоже похож на остальные. Каждый этаж состоит из двух площадок — справа и слева, — одинаковых по строению, каждая площадка закрыта стеклянной стеной, посередине которой стоят стеклянные двери.

— Ты долго будешь мой дом рассматривать? Вроде в боевом костюме, а ведёшь себя как дурак. Тебя, солдатик, что, в армии по голове сильно били? — возмущалась женщина за столиком.

Лекс с удивлением посмотрел на неё. Он не знал, что ответить.

— Тебе чего надо-то?! — едва не крикнула женщина.

В уме Лекса родилась цифра сто восемь. Потом слова «сто восьмая квартира». Теперь Лекс понимал: «он» должен находиться в сто восьмой квартире.

— Мне нужно в сто восьмую квартиру... — проговорил медленно Лекс.

— Так бы сразу и сказал! — женщина взяла в руки какой-то небольшой пульт, лежавший на столе и проводом привязанный к полу, и сделала на нём несколько нажатий клавиш, продолжая бурчать себе под нос: — Стоишь тут, как камень, смотришь, смотришь...

После этих нажатий вся площадка, на которой стоял Лекс, внезапно тронулась и поползла вверх. Лекс слегка испугался и обернулся. Но увидев недоумение на лице женщины, Лекс решил не подавать вида того, что не знает, где он и что с ним.

Площадка медленно ехала вверх и вправо, канаты, тянувшиеся от неё к железной шпуквине, начали двигаться, какие-то опускались вниз, какие-то наоборот ползли вверх, к тому механизму, к которому крепились. Сам механизм тоже медленно перемещался выше. Лекс посмотрел, как этажи уходят вниз, сквозь стёкла стены полюбовался на город и сел на скамейку, стоящую спинкой к стеклянному ограждению площадки. Он пристально разглядывал крадущиеся мимо этажи.

Когда площадка подъехала к нужному этажу, стеклянные двери на этаже распахнулись. Лекс прошёл в полукруглое помещение, которое оказалось холлом. Посреди холла был санузел: несколько туалетов и душ, окружённые кругом из стен. Лекс узнал их по табличкам на дверях, такие обозначения на Иргенте рисуют на туалетах до сих пор. А дальше за ними полукругом шла стена, разделённая на равные сектора, которых было шесть. В каждом секторе была одна входная дверь в квартиру. Над каждой дверью были начертаны неизвестные Лексу символы. Оказавшись в холле, Лекс интуитивно понял, в какую дверь ему нужно входить. Это была предпоследняя дверь справа. Открыв её, он обнаружил за дверью небольшое помещение с четырьмя двухъярусными кроватями около стен и небольшим пространством посередине, шириной в человеческий рост, частично занятым стульями, невысокими полочками и какими-то коробками. В конце помещения было огромное окно, из которого открывался прекрасный вид на город, где зелень насаждений гармонично вписывалась в архитектуру округлых зданий, этажность которых была в основном меньше, чем у того здания, в котором Лекс находился.

В помещении было четыре человека. Одна молодая женщина с рыжими волосами, две женщины лет пятидесяти и старушка, сидящая в правом углу на стуле спиной к Лексу. Две женщины постарше что-то готовили у окна: кидали измельчённые овощи в какой-то прибор и нажимали кнопки на нём. Молодая женщина стояла ближе к Лексу и что-то перебирала в руках. Никто даже не посмотрел в сторону гостя.

— Это сто восьмая квартира? — спросил Лекс.

— Ты что, читать разучился? — закричала женщина, стоящая у окна, посмотрев на вошедшего.

Молодая рыжая тоже повернулась к нему:

— Сто восьмая в другом блоке.

— Извините. — сказал Лекс и закрыл комнату.

Выйдя из холла обратно на площадку, он обратился к женщине за столиком:

— Здесь нет сто восьмой.

Женщина стукнула себя по голове кулаком:

— Точно! Это же в другом блоке! — она опять нажала на клавиши аппарата — Этаж тот же, а блок второй! Табличку с номерами забыла дома.

После очередных нажатий площадка снова плавно сдвинулась с места. На этот раз она двигалась в горизонтальной плоскости, перемещаясь параллельно этажу. Лекс подошёл к стеклянному ограждению у края передвигающейся площадки. За ним была идеально прозрачная стеклянная стена.

«И как это стекло моют, что оно такое чистое?» — подумалось Лексу.

Он посмотрел на свой чёрный мундир, в котором пришёл сюда, и вспомнил, что его

тело где-то там лежит на пыльном полу, и на мундире наверняка должен остаться слой пыли. Проведя по спине ладонью, он действительно обнаружил пыль на пальцах. Наклонившись к прозрачному ограждению, Лекс обмазал стекло пылью. К его удивлению, ни одна песчинка пыли не прилипла к стеклу, всё, что размазывал он по стеклу, осыпалось вниз, ничуть не загрязнив ограждение. Даже развод от пальцев быстро растворялся и исчезал с этого материала.

Ничего не поняв, Лекс повторил свой эксперимент: стёр со спины ещё больший слой пыли и хорошенько обмазал стекло. Но результат оказался тем же: вся пыль тут же осыпалась вниз, разводы исчезли. Более того, стекло это явно было либо покрыто чем-то, либо вообще являлось другим материалом: ограждение казалось менее плотным, даже мягким для стекла, так же пальцы скользили по нему с большим сопротивлением, чем по привычному стеклу.

Увлёкшись изучением стекла, Лекс не заметил, как площадка остановилась, и как женщина за столиком удивлённо пялилась на него, сидящего на корточках возле ограждения. Обернувшись, он увидел вход в холл второго блока. Поднявшись на ноги, Лекс направился туда. Двери холла раздвинулись перед ним и за ними, казалось, веяло чем-то непонятным и мистическим. Он пропустил мимо ушей замечание женщины за столиком, что он «взрослый мужчина, а ведёт себя как ребёнок», его сознание полностью погрузилось в ощущения от пространства холла, взгляд неотрывно следил за той самой дверью.

Едва Лекс сошёл с площадки, женщина нажала на пульт и площадка поехала, видимо, подальше от странного гостя. Гость всё шагал вперёд, не обращая на неё внимания, наблюдая за дверью. Казалось, за этой дверью происходит какая-то пульсация, едва ли не искривляющая саму дверь. Пока Лекс шёл по направлению к двери, она начинала менять свои очертания, то выгибаясь наружу от этих странных пульсаций, то приходя в обычное своё состояние. Когда она выгибалась, из щелей вырывалось наружу непонятное серое свечение. Лекс понимал: это «он».

Не успел он подойти к двери, как она резко распахнулась прямо перед ним, едва не задев его, и тёплый поток воздуха ударил в лицо. На пороге стояла молодая девушка. Лекс видел её внешнюю оболочку и её внутреннюю суть. Внешне это была красавица лет пятнадцати, в белых одеждах, похожих на одежды для сна. Внутри это была серая масса, похожая на клубок змей. И сзади откуда-то из пространства в её тело входили чёрные щупальца, похожие на змей с чешуёй, за головой в воздухе висели подобные щупальца поменьше, глаза её внутренней сути светились ярко-серым сиянием.

— Следишь за мной? — спросила девушка ласковым голосом.

И тут же, как эхо, в голове Лекса пронеслось шипение её внутренней сути, повторяющее те же слова: «следишь за мной?».

Лекс понял: пора. Он подал знак: поднял руку вверх, вложив в это движение всю свою силу воли, все возможные ментальные усилия, какие только были. Последнее, что он помнил — это резкий запах, заставивший его проснуться.

Руки с обеих сторон растолкали Форса. Слева раздался шёпот:

— Хочешь поспать — иди в казарму.

Открыв глаза, мальчик обнаружил себя лежащим на пыльном чердаке возле «смотровой» вентиляционной щели. Тут он всё понял. Глаза его сделались больше, зрачки шире.

— Я всё видел! — прошептал форс.

— Что ты видел? — довольно громко донеслось справа.

— Тише ты! — слева над телом форса протянулась рука и толкнула в плечо мальчишку, лежащего справа.

Внизу уже велись какие-то бурные обсуждения, потому никто не слышал, что происходило на чердаке. А Форсу было уже всё равно. Он лежал, глядя в пол, и пытался осознать происходящее.

— Что с тобой? — спросил мальчишка слева. — Что ты видел?

— Я видел всё то же, что сейчас видел этот... В мундире. На полу.

— Серьёзно? Ты видел туманных духов? — опять чуть не заговорил в полный голос парень справа.

— Форс посмотрел на него, и задумался над тем, как можно объяснить всё то, что он видел сейчас. Его размышления прервал голос внизу, переходящий на повышенные тона:

— Ты не там! Ты здесь! Вернись!

Форс глянул в смотровую щель, и шепнул мальчику справа:

— Что-то вроде того. Давай досмотрим, потом расскажу.

Мальчишки продолжили наблюдать за происходящим в помещении. Ополченец держал за плечи извивающееся тело пленного. Один из стражей стоял над ним и держал руки сверху параллельно телу, второй общался с одержимым.

— Она провела меня туда. — жалостливым голосом говорил пленный, — Она показывает мне этот мир. Мне хорошо здесь.

— Её не существует, это иллюзия, которая держит тебя там. Вспомни, где ты родился. Ты родился не там, ты родился в другую эпоху. Это не твоя жизнь! — кричал ему мужчина в чёрном мундире.

— Зачем, зачем ты говоришь это мне?

— Хочешь я покажу тебе её истинное лицо? Хочешь? — страж схватил голову одержимого и прижал её крепко к полу, прислонившись лбом к его лбу. — Смотри!

В этот момент в голове Форса замелькали картины. Форс снова увидел ту странную девушку, сначала просто как человека, а потом вместе с непонятной серой массой внутри и за спиной. Форс понял: страж транслирует в сознание одержимого этот образ.

— Нет, нет! Это не правда! Не правда... — заплакал лежащий на полу человек. Он повторял эту фразу ещё несколько раз, и тело его дрожало и извивалось. — Не правда... Не правда...

Оторвав свою голову от головы пленного, страж встал в полный рост над ним и смотрел на него сверху. Второй страж сказал ему:

— Ну что, выгоним заразу?

— Выгоним! — произнёс первый и достал из кармана небольшой флакончик с жидкостью. Из другого кармана он достал небольшой кусок ткани, откупорил флакон и намочил тряпку. Присев на корточки перед одержимым, он поднёс тряпку к его носу. У того ещё продолжалась истерика.

— Неет, — повторял он, всхлипывая. Глаза его бессмысленно уставились в потолок и на секунду Форсу даже показалось, что пленник видит их через узкую щель.

— Сейчас ты избавишься от своей иллюзии. — произнёс страж. — Смотри на неё. Ты запомнил её настоящую?

— Это не она!

— Замечательно, если это не она, то что тогда в твоём сознании делает этот дух, облачённый в её тело?

— Не знаю! Это не она!

— Так выгони его. Скажи ей, чтобы она шла вон из твоего тела и из твоего разума!

На несколько секунд одержимый замолчал. Его тело перестало биться в конвульсиях. Он осмотрел всех вокруг и заплакал.

— Вон. — прошептал он едва слышно и добавил громче: — Вон!

— Она не уйдёт так. — второй тайный страж обратился к лежащему обычным голосом и вдруг перешёл на крик: — Смелее! Громче! Сильнее!

— Вон из моего тела! — попытался крикнуть рыдающий человек. — Воооон!

— Уже лучше. Давай! — не унимался страж. — Гони её отсюда!

— Уходи! Это не ты! Уходи... — завопил, как зверь, связанный — Оставь меня!

В итоге через некоторое время пленник успокоился. Обессиленное тело лежало на полу бездвижно. Из глаз текли слёзы.

— Как же это? Как же они так? Обманули...

— Всё, дух ушёл, можете развязывать. — скомандовал первый страж.

— Простите, простите меня. — бормотало обессиленное тело, пока ему развязывали руки. — Что я натворил...

— Где ты её нашёл? — спросил страж. — Удивил ты меня.

— Жизни. Я пересматривал прошлые жизни. У меня талант к ним. С детства...

— Ну всё понятно, — вмешался другой страж. — Тогда любил эту женщину, с нею была хорошая жизнь, вот тебя на этом и поймали.

— Как это? — в недоумении спросил ополченец.

— Пока его сознание летало по прошлым жизням, — начал объяснение стражник, — в его тело вселился дух. Дух обманул его и заставил жить иллюзией того, что он в другом мире, в той жизни. А тело носителя использовал, как ему вздумается.

— Носителя? — вопросительно посмотрел ополченец в глаза стража.

— Вот это тело. — ткнул страж ногой в лежащего на полу и дрожащего пленника, которого уже развязывал второй страж. — Мы называем одержимых носителями, потому что их тело становится некой одеждой для духа, которого они в себе носят.

Ополченец усмехнулся.

— Значит, пока хозяин тела летал в эпохе машин, носитель носился по пустошам с истошными криками, — смех вырвался из уст ополченца, — хвала старцам, хоть не убил никого.

— Нет, я не хотел, это случайно вышло... — тихо лепетал развязанный пленник.

— Хозяин тела и есть носитель — поправил второй страж, поднявшись и отряхнув руки — Вернее будет так: пока его сознание пребывало в иллюзии, он был носителем для духа. Причём довольно сильного духа. Такие и серьёзного мага обманут и будут водить за нос.

— А как там? — спросил ополченец у первого стража.

— Где это «Там»? — не понял он.

— Ну как где? В эпохе машин. Ты же был там, расскажи что ты видел?

— Не сейчас. У нас ещё второй носитель не обезврежен. — посмотрел страж на своего напарника. — Клеф, теперь твоя очередь погружаться. Основную работу я проделал, второй дух послабее будет. А я после этой... Красавицы... Второго погружения за ночь уже не выдержу.

Поняв, что он снова может подключиться к сознанию стража, Форс решил не дожидаться пока начнётся сеанс. Увиденного ему вполне хватило, и под впечатлением он тихонько поднялся на корточки и шепнул второму мальчику:

— Я пошёл. Мне хватит. Если хочешь, оставайся.

Однако мальчишки побоялись остаться одни, и решили уйти вместе с Форсом. Пока внизу оживлённо обсуждали план по дальнейшей работе с оставшимся пленным, мальчики под шумок уже вылезли с чердака и слезли по дереву с крыши. Отойдя подальше от здания, они стряхнули с себя слой пыли. Двое ребят живо обсуждали увиденное, но Форсу, побывавшему там, где оказалось сознание пленника, не удалось выдать из себя ни слова. Обессиленный, он пошёл спать.

В этом году Атач приблизится к планете Иргент трижды. Годом на планете считается один полный оборот вокруг светил. Месяцем считают период оборота Атача вокруг Иргента. За три года спутник проходит семь раз вокруг маленькой планеты, дважды в первый и третий, трижды во второй год этого цикла, причиняя очередные разрушения, вызывая тектонические сдвиги, извержения, цунами и прочие беды на необитаемых территориях.

Обитаемые земли же остаются нетронутыми потому, что надёжно защищены природой. Горный хребет на севере не даёт волнам подступить к селениям, так же их защищает от землетрясений мощный пласт тектонических плит, стоящий под ними. Часто после начала нового месяца, отсчитываемого с приходом Атача, наступает временное похолодание. Несколько дней мрака может окутывать часть обитаемых земель из-за масс пепла, выброшенного вверх извержениями мощных вулканов. Однако такое бывает не всегда и не затрагивает больших территорий — движение воздушных масс рассеивает пепел и его концентрация в воздухе остаётся невысокой.

Малоизученные, поросшие лесами, дикие земли были защищены с двух сторон горными массивами, поэтому на окраины диких земель стекались люди с океана и из некоторых горных селений. Одной из таких окраин была страна гор. Океан на время приближения Атача к Иргенту из тёплого друга превращался в безжалостного убийцу — цунами и ураганы многометровыми волнами проникали далеко вглубь пустошей и смывали всё на своём пути.

Дикие земли тоже оказались бы на грани затопления, если бы не огромный горный массив, практически необитаемый из-за постоянных обвалов, надёжным щитом вставший на пути убийственных волн. Именно этот горный массив стал одним из главных факторов того, что во время катастрофы цунами не накрыло ту территорию Иргента, которая ныне является обитаемой. Пустоши, что ближе к океану — следствие падения крупного метеорита в океан и гигантской волны, смывшей слой плодородных почв со всей этой территории. Так же эта местность тоже подверглась метеоритному удару. В итоге пыльные пустоши ныне — место формирования постоянных песчаных бурь.

Чтобы скрыться от этих бурь, люди с близлежащих земель поднимаются в горы на время прохода Атача рядом с планетой. А это четыре дня мрака и разрушений. И некоторое время после них планета восстанавливает равновесие. Кроме того, ещё дней десять до этих четырёх, а так же десять дней после, Атач серьёзно влияет на планету, вызывая огромные приливы и мелкие землетрясения.

Форсу впервые в жизни довелось кочевать подальше от разрушений. Его родное селение стоит на диких землях, где максимальный дискомфорт, который может принести с собой Атач — это сильные ветры, мрак и холод от пепла в небе. Однако дикие земли остаются незаселёнными из-за обилия лесов с деревьями такой толщины, что спилить их не представляется возможным, к тому же некоторые особо дикие места там кишат множеством опасных зверей. Редкие просветы посреди лесов, бывает, обрастают селениями, как тот холм, на котором вырос Форс. Впрочем, отдалённость и незаселённость этих земель, по мнению Форса, только к лучшему: многие выходцы с диких земель не любят большие скопления людей, Форс не стал исключением, и его идеальный мир — безлюдные заброшенные места, где можно сидеть в одиночестве, расслабившись, и отдыхать от окружающей суеты. В горах же всё будет наоборот: все селения будут переполнены и

свободного места чтобы побыть наедине с собой не будет. Хотя с другой стороны, в горы стекаются разные интересные люди с разных мест, благодаря им там можно познакомиться с традициями разных народов.

По пути в горы Арангал и Подо рассказывали ученикам про все ближайшие достопримечательности. Про близлежащее плато, с идеально ровной, как стол, поверхностью и такими же ровными стенами, которые выпиливали когда-то машины огромными дисками-пилами. Про долины, выкопанные этими машинами. Про то, как случилось так, что Атач из безобидного спутника превратился в убийцу и разрушителя: метеоритный удар был столь мощным, что оказавшееся на пути камней небесное тело изменило траекторию своего движения вокруг планеты, и теперь вращается по вытянутой орбите, нижняя точка которой проходит столь близко к Иргенту, что гравитация спутника производит на планете тектонические сдвиги, подъём океанов с огромными приливными волнами, извержения вулканов и разрушения.

Впрочем, если бы спутник не принял этот удар на себя, возможно, что удар пришёлся бы на Иргент, и тогда шансов сохранить планету у старцев было бы значительно меньше. Поэтому Атач некоторые народы почитают как защитника, другие же как разрушителя.

Мифология разных земель, бывает, говорит о нём противоположные вещи. А есть народы, в мифологии которых Атач олицетворён двуликим: в одной руке он держит щит, символизирующий защиту от метеоритного удара, другой же рукой замахивается дубиной, что символизирует разрушения и горе.

Новый день после прихода Атача выдался жарким. Горячий ветер с пустошей принёс волны пыли и песка, обжигающие кожу. Ветер высушивал мелкие растения. Выйдя из дома, Форс наткнулся на порыв горячего ветра и обнаружил, что всё небо заволкло тёмными тучами из пыли и пепла. Где-то на пустошах тёплые воздушные массы, поднимающиеся вверх, смешивались с тоннами пыли, потревоженной проходом Атача, и поднявшуюся пыль понесли воздушные потоки прямо на страну гор. Впереди должны были грянуть пять, а то и все десять дней мрака и холода.

Форс отправился на край скалы, откуда открывался прекрасный вид на горную гряду. Очередная трагедия планетарного масштаба, кои на Иргенте случаются регулярно, предстала перед его взором в полнейшей красе. Стоя на краю скалы перед обрывом, под которым на большом отдалении еле виднелось тёмное дно долины, Форс размышлял о том, как малы люди, и как беззащитны пред ликом стихии.

Посмотрев на небо, Форс в редких просветах между облаками наблюдал отблески поверхности Атача. Свет двух светил отражался от спутника Иргента и падал сверху на облака пыли, подсвечивая их странным бледным сиянием. Ещё никогда Форсу не удавалось столь близко наблюдать эту красоту. Помимо Форса на скале стояли ещё наблюдатели, пришедшие ранним утром полюбоваться на эту невероятную красоту, несущую с собой массу разрушений.

— Скоро здесь всё затянет тучами, и мы будем как в тумане. — услышал Форс голос за спиной. — Тогда все уйдут в свои палатки и хижины чтобы пересидеть эту пыльную бурю.

Обернувшись, Форс увидел за спиной человека среднего роста, с русыми волосами и светлыми, блестящими как огоньки, голубыми глазами. Тот улыбнулся Форсу и поспешил представиться:

— Элеоф. Пришёл вот, чтобы полюбоваться на всю эту красоту. Никогда не видел Атач так близко. — мужчина снова посмотрел на небо.

— А я Форс. Я тоже не видел. — сказал мальчик и тоже повернул голову вверх.

— А знаешь, что в получасе ходьбы отсюда есть вершина, — начал незнакомец, — и на эту вершину иногда приходят люди, чтобы увидеть Атач в полной красе. Там, на вершине, ты выше облаков, и можешь рассмотреть Атач полностью.

— Интересно! — Форс представил, как это классно, ведь он ни разу не был ещё так высоко в горах.

— Пойдём, я покажу тебе. — сказал незнакомец и направился по хоженной горной тропе слева от обрыва.

Форс последовал за ним. Мимо проходили люди, спешащие найти укрытие или место, где можно развернуть шатёр или палатку. Большинство из этих людей носили тканевые плащи с капюшонами — такая накидка позволяет защитить свою одежду от пыли и пепла, потому её повсеместно носят во время пыльных бурь. Однако Элеоф и Форс выделялись из толпы тем, что не имели такой накидки.

Выйдя по тропе к скалам, уходящим вверх, Элеоф сказал:

— Придётся карабкаться. Но недолго. Через полчас будем наверху.

Преодолев довольно значительное расстояние вверх по скалам, Элеоф с Форсом оказались на почти ровной площадке, заваленной плоскими кусками скал. Ещё на подходе к ней тучи рассеялись и Форс увидел огромный спутник Иргента, занимающий едва ли не полнеба.

— Ещё никогда не видел его так близко. — сказал Элеоф, садясь на камни.

Однако этого ему показалось мало, и он решил лечь и растянуться на одной из отколотых скал, лежащих под наклоном. Лёжа на скале было очень удобно смотреть вверх.

— Да, похоже, именно про это место, про эту скалу мне рассказывал дед. — продолжил мужчина. — А я тут, получается, впервые. Не зря пришёл. Ради такой красоты стоит идти в горы.

Мальчик расположился неподалёку на той же скале и так же лежал, подложив руки под голову и смотря в небо.

— А ты разве мог бы и не приходить сюда? — спросил Форс.

— Я с диких земель, поэтому мне не обязательно было таскать своё брненное тело в горы. Поэтому я здесь ещё не был. — заключил новый знакомый, и Форс обрадовался, что встретил земляка.

— Я тоже с диких земель! Знаешь селение на холме возле чёрной рощи?

— Конечно знаю! Правда, меня там никто не знает... Моего деда знали, он там бывал.

— А ты откуда?

— Из восточного леса.

— Но ведь там никто не живёт! — удивился Форс.

— Ну как тебе сказать... — повернулся к нему Элеоф и в голосе его проскользнули нотки печали. — Теперь да. Теперь, получается, никто уже не живёт...

— А раньше жили? — Форс вопросительно посмотрел в лицо Элеофу.

— По крайней мере мы с дедом жили. О нас, правда, мало кто знал. — Элеоф пристально посмотрел в глаза Форсу и попросил его: — И если тебя кто-нибудь будет спрашивать обо мне, не рассказывай им ничего, ладно? Со мной не был, меня не видел, ни о чём со мной не говорил. Хорошо?

— А могут спросить о тебе? — удивился Форс.

— Тебя могут. — сказал собеседник и снова повернул голову в небо. — Ты тут один из

немногих ещё свободных людей.

— В каком смысле, свободных? — не понял Форс.

— Не важно, мой друг. Когда-нибудь ты поймёшь, о чём я. Надеюсь, что поймёшь...

Форс повернул голову вверх и все его мысли занял образ близкого небесного тела, потому мальчик быстро забыл о недавнем разговоре. Великолепная картина, разворачивающаяся над головой, запала в память ярче всего, и теперь только она ассоциировалась с личностью Элеофа. Благодаря увиденному, Форс навсегда запомнил земляка-незнакомца.

Ещё долго двое на скале лежали и наблюдали за огромным небесным телом, приблизившемся к Иргенту настолько, что, казалось, можно было бы разглядеть дома и людей, если бы таковые жили на Атаче. Горная гряда на спутнике, испещрённая метеоритными кратерами, смотрелась посреди ясного неба как сияющее украшение, искрясь в свете уже ушедших за горизонт Эвы и Яро, местами отражая их лучи от белых скал. А если встать и посмотреть с горы, то можно увидеть, как сияние, идущее от спутника планеты стелется по тёмным пепельным облакам, плывущим вниз и уходящим во все стороны за горизонт. Редкие вершинки, торчащие посреди облачной мглы, переливаются в свете Атача разными цветами. Когда проходил очередной получас и цвет неба менялся, сияние Атача тоже становилось другим, подсвечивая изменившимся цветом всё вокруг. Потому туман и облака под вершиной то и дело плавно меняли свой цвет.

Атач приблизился к планете с тёмной её стороны, поэтому в первые сутки его приближения, его можно было наблюдать ночью. Во второй день он наблюдался уже утром и в первой половине дня. А вот третий день начался с затмения светил — Атач закрыл собой Эву и Яро, и на Иргент опустилась тьма. Только к вечеру с неба начали падать первые отблески света светил, и огромный светящийся полукруг Атача в полнеба отбрасывал их на планету.

После нескольких суток пребывания в стране гор, все гости, которых приняли с распростёртыми объятиями горцы, по правилам, обязаны вернуться на свои обжитые земли. По преданиям, старцы настаивали на этом. Они говорили, что если запустение приходит на обжитые земли, там начинают скапливаться энергии, благоприятные для туманных духов. Поэтому правило возвращаться в свои селения после ухода Атача остаётся неизменным.

И уже на третий день после того, как спутник прекратил своё разрушительное действие на планету и облака пепла стали оседать на почву Иргента, с гор, как по команде, потянулись вереницы странников с рюкзаками пожитков, возвращающихся восстанавливать жизнь на обитаемых землях. Одеты они были тепло: холод был вечным спутником пыльных туч, закрывающих собою светила. Но уже через пару дней климат должен был прийти в норму, к этому времени большинство путников должны дойти до своих селений.

После года обучения в академии Форс успешно сдал все экзамены и был принят на продвинутый курс обучения. Он нисколько не сомневался, что у него всё получится, ибо знания, которые давались в академии, были близки и понятны ему, словно всё это он уже знал в прошлых жизнях. Теперь ему хотелось двигаться дальше, изучать основы энергетических структур вселенной, учиться видеть то, чего не видят другие. И потому он с удовольствием принял приглашение на годовой курс боевой магии, который вели уже магистр Войцх, глава академии Алапар и член совета тайных стражей Лекс. Тот самый Лекс, видения которого Форс наблюдал когда-то во время изгнания. И возможно, к счастью для

Форса, пока никто об этом так и не узнал.

— Структура мира такова, что буквально всё, что мы видим: предметы, деревья, горы, планеты — всё это лишь энергии, которые мы структурируем в твёрдую материю силой своего сознания. — начал лекцию по устройству мироздания Лекс перед небольшим числом прошедших отбор учеников. — Магистр Подо рассказывал вам о мире, как о чём-то реальном, осязаемом. Но если вы хотите идти дальше и развиваться, то примите то, что я вам говорю. А я говорю вам, что мир есть всего лишь модель, твёрдые предметы на самом деле не являются таковыми. И вы все сами это увидите, научившись видеть линии мира.

— Но как же тогда мы ощущаем их плотность, если они не твёрдые? — спросил один из восьми сидящих в зале учеников.

— Наше тело, — объяснил Лекс, — такая же модель в восприятии, как и предметы. И этой модели заданы определённые параметры: плотность, способность чувствовать, осязать, слышать, ощущать и так далее. Её взаимодействие с окружающим миром построено на том, что ей, модели тела, прописаны примерно те же свойства, как и твёрдым предметам. Все параметры моделей прописаны в энергетических линиях мира.

— Но если тела нет, то что же тогда существует на самом деле? — перебил Лекса Форс, который, кажется, уже осознал модель мира, где всё окружающее лишь иллюзия, но его теперь беспокоил другой вопрос, который и был задан. — Что же тогда не иллюзорно?

— Замечательный вопрос задал этот парень! — заключил Лекс и спросил, обратившись к Форсу: — Как зовут тебя?

— Меня зовут Форс, я с диких земель.

— Ах, да, Форс... Припоминаю! Замечательно, Форс, что ты понимаешь о чём я. Многие сегодня настолько увязли в иллюзорном мире, что не могут допустить даже мысли о том, что их реальности не существует на самом деле. Ты же первым, заметь, первым произнёс это слово — «иллюзия»!

— Лекс потёр руки, предвкушая продуктивный диалог, и продолжил:

— Если мир вокруг — всего лишь модель, то единственное, что существует на самом деле — чистые энергии.

— А как это доказать? — раздался вопрос от другого ученика.

— Хороший вопрос. — Лекс посмотрел на ученика и улыбнулся. — Сейчас мы со всеми проведём практику, на которой ты сам всё увидишь.

Через некоторое время все ученики, пришедшие на курс, лежали на полу аудитории. Помимо Лекса в аудитории было ещё двое стражей. Они встали вокруг детей, направив друг на друга руки, словно замкнув невидимый энергетический треугольник. Лекс задал вопрос:

— Сколько лет самому старшему из учеников?

В ответ от одного из сидящих послышалось:

— Мне шестнадцать.

— Отлично. — Лекс начал объяснение практики. — Сейчас мы втроём откроем вашу память и вы вспомните всё, что было с вами раньше. Вспоминайте ощущения, эмоции и чувства того времени, о котором я буду говорить. Я начну отсчёт с шестнадцати лет. Те из вас, кто моложе, присоединятся на той цифре, которую я назову. Если вам тринадцать, начинайте практику с момента когда я скажу эту цифру.

Ученики лежали, максимально расслабившись, раскинув руки и ноги, распластав тело на полу. Трое стражей стояли и держали над ними энергетический купол. Лекс начал отсчёт:

— Тебе шестнадцать лет...

Над залом повисла звенящая тишина.

— Тебе пятнадцать — послышалось через некоторое время.

— Четырнадцать — произнёс учитель следующее число после долгой паузы.

На цифре «двенадцать» Форс, которому было двенадцать лет, начал словно погружаться куда-то. Его тело словно засасывало вихрем вниз, несмотря на чёткое ощущение пола под спиной.

— Одиннадцать.

Форс вспомнил себя, сидящим рядом с Синхой на холме. К горлу комом подкатила горечь расставания.

— Десять.

Перед глазами Форса замелькали картинки из «той» жизни в селении на холме. Родители, дом, Синха, лес... Всё это сопровождалось запахами и ощущениями из того времени.

Чем дальше уводил Лекс учеников во времени, тем больше возникало образов и чувств в теле Форса, всплывали даже давно забытые моменты. Видимо, сознание всё глубже погружалось в какие-то нерушимые пласты памяти, которые Форс до сих пор носит с собой, не задумываясь о них.

Время словно замедлялось ближе к точке отсчёта начала жизни: ум чётко понимал, что Лекс выдерживает одинаковые паузы между словами, однако за эти короткие промежутки сознание успевало воспроизвести всё больше и больше воспоминаний. Только к моменту неосознанной жизни — до трёх лет, все образы стали расплывчатыми и нечёткими, но зато больше включилось в работу тело — оно выдавало более глубокие ощущения и чувства, испытанные в те времена.

И вот Форс уже чувствует то, что он чувствовал в утробе матери. Лекс отсчитывал тем временем уже не годы, а месяцы, месяцы от рождения до зачатия. Тело Форса вспоминало тепло матери, её тревоги и радости того времени, вкус съеденной ею пищи... И вот отсчёт Лекса приблизился к «нулевой точке».

— А теперь углубись дальше и посмотри, что ты чувствовал, ощущал, видел до рождения! — скомандовал наставник.

Форс провалился в бесконечную лёгкость и радость. Его тело словно растворилось, а сознание металось в лучах согревающего белого сияния. Он не мог чётко осознать происходящее, но в этом состоянии он испытал огромную радость и счастье. Это состояние сопровождало его всё время пребывания «там», в мире ещё не родившихся душ. Хотя, по внутренним ощущениям, времени там не было вовсе. Его можно было растягивать, замедлять, ускорять, зацикливать... За мгновенье здесь, там можно было прожить сотни иргентовских лет.

— А теперь я даю установку: — донёсся до сознания Форса голос Лекса, — ты должен увидеть линии мира.

Форс начал искать что-то, доселе им не виденное и потому непонятное. Этот поиск был даже приятен, потому как в состоянии бесконечного счастья приятно любое действие. Однако пока Форс не мог уловить, что от него вообще хотят.

— Линии мира. — повторил Лекс. — Тебе нужно увидеть линии мира.

Дав себе установку увидеть эти непонятные «линии мира», Форс начал отходить от глубоких внутренних чувств и ощущений, и вглядываться в окружающее пространство. Через

голубовато-белую пелену света начали нечётко проступать прямые полосы ярко-белого свечения.

— Линии мира. — повторял где-то фоном голос учителя. — Ты видишь линии мира.

В сознании наконец начала прорисовываться целая сеть линий, пронизывающих пространство. Они не были прямыми, а словно плавно огибали непонятный рельеф вокруг, хотя плотных тел в этом пространстве не было. Они шли по всем направлениям, пересекались друг с другом, пронизывали пространство словно сеть паутины. И у этих линий была какая-то своя, неясная неподготовленному сознанию, но осязаемая геометрия, они словно подчинялись каким-то законам, всё в них было не случайно. Это зрелище было потрясающе, масштабы его впечатляли. На всём видимом пространстве, куда ни посмотри, переливалась сеть из белых полос, они пронизывали всё, мир словно был соткан из них.

Сознание Форса столь глубоко погрузилось в эту картину, что он уже не слышал команд Лекса, который ещё некоторое время повторял свою фразу про линии мира. Неизвестно, сколько времени Форс пробыл в этом состоянии. Сознание погрузилось в него, словно в сон, и наблюдало эту бесконечно красивую картину. Разбудил Форса лёгкий щелчок по носу. Открыв глаза, мальчик увидел над собой одного из тайных стражей.

— Ну вот и хватит — произнёс он. — Хорошенького понемногу.

Осмотревшись, Форс увидел вокруг себя лежащих учеников. Кто-то из них ещё лежал с закрытыми глазами, кого-то уже будили стражники. Вот Лекс наклонился над одним учеником и легонько щёлкнул по носу. Тот открыл глаза.

— Сколько я пролежал так? — спросил Форс и попытался сесть, однако тут же был остановлен: руки тайного стража прижали Форса к полу.

— Подожди. Рановато ещё вставать — произнёс страж.

И тут же Форс понял, почему: его тело было как будто обесточено. Не было сил пошевелиться. Отлежавшись, он выслушал ещё одну небольшую лекцию от Лекса:

— Итак, друзья, у большинства из вас получилось увидеть линии мира. У кого не получилось — не расстраивайтесь! Далеко не всем удаётся увидеть их с первого раза.

Лекс медленно расхаживал между лежащими на полу учениками и объяснял им:

— Ваше тело ещё не готово к глубокому погружению в энергетические структуры линий мира. Как вы сами видите, это очень энергозатратно и требует больших изменений в теле. Во время обучения вы научитесь повышать энергоёмкость своего тела, напитывать его внешними источниками энергии чтобы лучше видеть в этом состоянии. А источников масса. Эва и Яро сами по себе это колоссальные энергетические сгустки. Их энергиями можно зарядить тело. Атач и Пануст тоже могут напитать вас своими энергиями. Но самый близкий и надёжный источник — это конечно же энергия самой планеты. В первую очередь мы научимся работать на энергии Иргента.

— А почему во время практики ты обращался к нам в единственном числе? — спросил один из учеников.

— Я говорил вам «ты», как будто разговариваю с каждым индивидуально потому, — отвечал Лекс — что в этом состоянии сознание настолько погружается в воспоминания, что забывает о существовании других людей вокруг. И если бы я говорил вам «вы», обращаясь сразу ко всем, это сбивало бы сознание, настроенное на свои личные переживания и свой личный опыт. Потому считайте, что всё, что я говорю во время подобных практик, адресовано лично каждому из вас. Будто больше нет никого вокруг.

Форс лежал и испытывал глубокое ощущение расслабления. В этой практике он ощутил

могущественную радость и счастье и до сих пор пребывал в этом состоянии, хотя оно постепенно слабело и угасало. Ему хотелось вечно лежать и наслаждаться этим. Было настолько хорошо, что даже холодный пол не вызывал дискомфорта.

Однако через некоторое время всем ученикам помогли подняться и отправили их спать в казармы, объяснив, что сейчас очень полезно отдохнуть и поспать.

Придя к себе в казарму, Форс обнаружил всех своих товарищей уже спящими. Он легко провалился в сон и сны его были приятными и лёгкими. А на следующий день тело словно стало невесомым и летало, за спиной будто бы расправлялись крылья.

Форс с нетерпением ждал следующего погружения, но следующая практика была назначена через несколько дней, дабы не перегружать тела учеников, ещё не готовые к таким нагрузкам. Однако уже на следующий вечер расстилая постель Форс обнаружил под одеялом записку следующего содержания: «попытайся сегодня перед сном увидеть линии мира».

— «Интересно, он всем это написал, или только некоторым» — подумал Форс на Лекса, ибо кому ещё знать, когда им стоит начинать практики. — «Весёленькая методика обучения получается. При помощи записок!»

И в этот вечер Форс снова попытался войти в то самое состояние, которое он испытывал тогда. Про себя он начал отсчитывать годы своей жизни назад, в прошлое, пока не оказался в том самом пространстве, где видел линии мира.

Словно лёгкий воздушный змей он стал носиться вдоль линий и изучать их строение. Дабы понять их суть, он приближался к ним на такое расстояние, что его сознание буквально сливалось с ними. И в этот момент в сознании начинали всплывать различные образы. Устав просматривать картинки, никак к нему не относящиеся и не несущие полезной информации, он настроился найти те линии, которые относятся к его жизни. На удивление, он нашёл только одну линию, относящуюся к нему. И эта линия уже проходила как бы сквозь его сознание. Точка наблюдения, из которой смотрел на тот мир Форс, уже была глубоко погружена в эту линию. Более того, любые попытки «вылететь» сознанием за её пределы не увенчивались успехом: линия плавно и грациозно отклонялась в ту сторону, в которую направлялось сознание Форса.

Поняв, что эта линия — это некий спектр, диапазон возможностей его личности, Форс начал исследовать её, углубляясь. Так как он находился в точке времени до своего рождения, он увидел, почувствовал, ощутил, углубившись вперёд, свою жизнь в утробе матери. Двигаясь дальше, он «перемотал» вперёд свою жизнь до момента рождения и ещё на несколько недель после рождения.

Немного отойдя от этих ярких чувств и ощущений, он подумал: «Да чего я там не видел? Интересней было бы посмотреть, что было в прошлых жизнях». С этой новой мыслью он начал двигаться по «своей» линии назад, погружаясь в момент, в котором он пребывал до своего выхода в это светлое и лёгкое пространство.

Тут он ощутил боль. Правое плечо. Его правое плечо пронзило что-то острое, и судя по всему, прошло насквозь. Он увидел воронку небольшого размера, свежую, совершенно непохожую на метеоритный кратер. До сознания дошла мысль о том, что это — воронка от взрыва. В ней лежали двое убитых. Их тела были изранены. Из спины одного из них торчал обрубок дерева. Через пару мгновений тело Форса упало на них в эту же воронку.

Форс начал просматривать случившееся, перемещаясь назад по линии. Он увидел, как в деревянное здание рядом попадает массивный круглый металлический шар, летящий с

огромной скоростью. Половина стены разбивается вдребезги, от удара куски досок разлетаются вокруг. Один из таких осколков вонзается в спину бегущему неподалёку Форсу.

Присмотревшись к себе, Форс увидел тело мужчины лет сорока — пятидесяти, мускулистое, скорее высокого, чем среднего, роста, с широкими плечами. Типичный воин недавнего времени. Увидев свою смерть, ему захотелось посмотреть на картину боя. Пройдя по линии ещё немного назад, он увидел этого мужчину стоящим на холме и наблюдающим за приближением какого-то войска.

Огромная тёмная туча воинов, передвигающаяся на каких-то животных, появилась на горизонте. Форс не очень хорошо разбирался в биологии, потому разобрать, что это были за животные, он так и не смог. Эти животные неслись с большой скоростью и приближались к позициям Форса. И вот внезапно на горизонте вспыхнуло пламя. Оно резко ударило в глаза всем, кто смотрел в его сторону. Постепенно из земли вырвался огромный жёлтый шар, слепящий и растущий с большой скоростью. Этот шар просто выжигал последние ряды наступающего войска. Обезумевшие животные ускорили свой бег, стали метаться из стороны в сторону, сбивать друг друга и падать, увлекая за собой сидящих на них верхом воинов.

Через несколько мгновений шар раздулся до огромных размеров и его свет был столь силён, что невозможно было что-либо разглядеть. В этот момент Форс и все воины рядом с ним спрятались в укрытия. Переждав пик светимости, они высунулись посмотреть на уже угасающий огненный шар, который, уменьшаясь в размерах, плавно поднимался вверх, растягиваясь вширь. За спиной наступающей армады двигалась стена ярко-красного пламени, что была высотой в несколько раз больше человеческого роста.

В этот момент над горизонтом показалось множество издали казавшихся небольшими летящих предметов. Эти штуки оставляли в небе дымные следы, тянущиеся далеко за горизонт. Те из них, которые пролетали сквозь огненный шар, терялись в нём, а немногие вылетевшие за его пределы менялись — либо их дымный след менял свой цвет с белого на тёмный, и они взрывались в воздухе, либо они просто падали на наступающее войско.

Недавно вспыхнувший шар уже был больше похож на дерево, «крона» которого поднималась вверх и облака перед ней расступались. А с поверхности планеты к ней поднимался широкий «ствол». Вся эта конструкция постепенно превращалась из ярко-жёлтой в багрово-красную и темнела. Через несколько мгновений на горизонте появился ещё целый ряд полос от дымных следов странных объектов. Потом ещё и ещё... Вот уже, казалось, всё небо было усеяно приближающимися объектами, оставляющими длинный белый дымный след за собою. Проходя сквозь потускневший огненный шар, эти объекты уже продолжали свой полёт, как ни в чём не бывало.

Завидев летящие в небе предметы мужчина, которым в прошлой жизни был Форс, дал команду отступить всем находящимся рядом воинам. Отступление превратилось в бегство: все просто кинулись бежать подальше от своих позиций. Форс уже не видел что происходило на горизонте, когда под ногами задрожала земля и вокруг замелькали вспышки взрывов. Один из таких взрывов впереди оставил после себя воронку, в которую позже упало убитое тело мужчины. Другим взрывом ранило нескольких воинов, бегущих впереди. Кто-то из них упал в ту самую воронку... Ещё одна вспышка взрыва, далеко позади, выплюнула из себя множество металлических шариков разного диаметра. Один из таких шаров через мгновение врезался в стену дома, отколов ту самую злополучную деревяшку, которая пронзила тело мужчины.

И всё это происходило на протяжении довольно короткого времени. Просмотреть что-

либо ещё, погрузившись глубже, у Форса просто не осталось сил. Выйдя из этой реальности в свой мир, он подумал: «как же люди просматривают свои прошлые жизни полностью, если у меня сил хватило только на несколько мгновений до своей смерти?». С этой мыслью он, обессиленный, тут же погрузился в сон.

Силы, чтобы осознать масштабы увиденного и удивиться появились только наутро. Такое количество воинов не укладывалось в сознании Форса, он видел подобное массовое скопление людей разве что в горах при проходе Атача. Он даже зарисовал увиденное им «дерево» и летящие в небе «стрелы», оставляющие дымный след. Получилось довольно красиво. Любой человек нашёл бы эту картину достаточно привлекательной, не понимая, насколько ужасна она в реальности.

Когда он стал расспрашивать на занятии Алапара по поводу увиденного, тот строжайше запретил ему самостоятельно погружаться и просматривать линии мира и прошлые жизни самостоятельно, сказав что это очень опасно для неподготовленного сознания и нужно делать это на первых этапах только под контролем ведающих людей. В итоге Форс решил не распространяться о новой «методике обучения с записками» Лекса, видя, что у того могут быть проблемы с главой академии, который, судя по всему, не приветствует такие методы.

Через год после её появления в ордене, в результате упорных тренировок тело девочки стало без труда различать энергии, которые ощущались в окружающих людях. Глаза её тоже уже видели цвета, так, как её учили. В итоге она узнала, что серый цвет для неё — одержимость, ярко-красный — энергия, выделяемая при больших физических нагрузках, а чёрный — ярость. Она уже отработала приёмы рукопашного боя, тактики ухода от ударов и распознавания намерения противника. Поборов двух сильных странниц, она завоевала титул самой быстроразвивающейся последовательницы в ордене.

Сама Элеонора, великая воительница, наводящая страх на одержимых, наградила её — видя большие успехи Грасы, она назначила её действующей странницей правосудия. Так ученица тайного ордена странниц правосудия, Граса Вторая, всего за год обучения прошла инициацию в действительную странницу правосудия — стала отличным примером для остальных и побила предыдущий рекорд — Пайса Первая прошла все испытания за полтора года обучения в ордене.

Остальные девушки тайком поговаривали, что с Грасой что-то не то, что вне человеческих возможностей делать такие вещи. Однако они только побаивались Грасу и тайком завидовали ей. Потому она была изгоем в их обществе. Часто ей приходилось страдать в одиночестве, видя что коллеги её не принимают. Однако мысли о том, что вскоре она приступит к выполнению сначала разведывательных, а потом и настоящих боевых заданий бодрили её и придавали уверенности.

Теперь, после инициации, юная девушка должна была стать лазутчиком и собирать информацию об одержимых в тех краях и селениях, куда её направят для этого. Долгое время Граса училась телепатически связываться с другими девушками из ордена и с Элеонорой. Если с другими девушками ордена её отношения были натянутыми и телепатический контакт не удавалось наладить, то с Элеонорой, для которой она уже стала любимицей, всегда была чёткая телепатическая связь.

— Дети мои, нас всех объединяет одно — Элеонора начала свою речь на следующий день после церемонии. — Стремление к освобождению родной планеты от туманной заразы.

В этот день ещё двое учениц научились видеть энергии и это было поводом для небольшого праздника и торжественной речи в честь события.

— В наших силах изменить мир к лучшему. Сегодня мы боремся с самой развитой, самой тайной и незаметной частью серой угрозы. Боремся с заражёнными, чей уровень развития выше всех остальных. Это не глупые одержимые, которые нападают на людей с голыми руками, это заражённые маги и бывшие борцы с духами, которые ныне оказались подвластны захватчикам. Эти люди среди нас, они никак не выдают своего присутствия и становятся разносчиками заразы, вселяя в людей духов.

Церемония проходила за большим столом в пещерном зале бывшей каменоломни, где ныне расположился штаб ордена. От людских глаз странниц скрывали несколько метров пород, входы в шахты были давно засыпаны, а секретный лаз находился выше в горах и был незаметен, так что никто не подозревал о том, что в старых каменоломнях до сих пор кипит жизнь. Каменные залы, прорубленные под горой в эпоху машин, были отличным местом для скрытного пребывания.

Поговаривают, что все простолюдины, некогда знавшие об этих шахтах, куда-то исчезли

один за другим, и теперь никто кроме членов ордена не может найти путь в эти пещеры.

— Будьте всегда осторожны с такими людьми. — продолжала Элеонора. — Они являются рассадниками туманных духов, которые на порядок выше в своём развитии, чем большинство духов на планете. Не вступайте с этими людьми в контакт, не давайте им войти в доверие. Первый признак того, что на вас оказывается воздействие, это сомнения. Когда на вас воздействует такой дух, то он порождает в вас сомнения, дабы сбить вас с истинного пути. Он будет убеждать вас, что всё, что вы делаете — зло, он будет бороться за свою жизнь, пытаясь убедить ваше сознание в том, что его носитель не одержим или что вы сами одержимы и введены в заблуждение. Мы с вами учимся видению. Но эти одержимые опаснее всех остальных, так как они тоже видящие.

Под потолком проплывали серые сгустки энергии. Это были туманные духи, которых поймали и приручили в ордене. Наглядные пособия для изучения поведения духов, к тому же способные выполнять нехитрые приказания. На их примере ученицы ордена изучали, как тело реагирует на подселение и изгнание духа, какие перемены в энергетике и в сознании происходят, какие методы борьбы наиболее эффективны. По словам Элеоноры, эти старые каменоломни стали «кузницей новых методик борьбы» с невидимой серой угрозой.

— Но верхом возможностей таких духов и самой большой их угрозой для нас является то, — лицо Элеоноры стало ещё серьёзней, на нём появились даже нотки суровости, — что они способны прятаться от нас, покидая тело носителя. Это как если бы мы изгнали духа, а он вернулся снова в самый опасный для нас момент и нанёс нам удар в спину.

— Но ведь дух не может снова вернуться в человека без его согласия? — удивилась за столом одна из девушек, пережёвывая ягодный пирог.

— Именно! Дух не вернётся без согласия носителя. — Элеонора поднесла руку к голове и указала на свой висок. — Стало быть, люди, одержимые духами такого уровня целенаправленно отдают своё тело и сознание туманным силам.

— Но зачем?

— По разным причинам. Кто-то зависим от духов, многим исказили сознание настолько, что они боятся остаться свободными, для них это равноценно смерти. Кто-то хочет пользоваться силами, которые может дать ему дух, и таким образом возвыситься над другими людьми. Сильные маги попадают на этом. А на самом деле дух начинает контролировать человека, у человека возникает серьёзная зависимость от этих способностей. И такой человек начинает вносить деструктивные элементы в жизнь всего общества.

Гресе завидовали не без причин. И боялись её тоже вовсе неспроста. Все члены ордена думали, что сами высшие силы отметили её. И на то были свои причины. Если внимательный взгляд наблюдателя скользил по телу девочки, то он всегда обнаруживал одну особенность, благодаря которой Греса обрела такое отношение к себе. На левой ладони девочки уже всю чернело появившееся за этот год родимое пятно. Тёмно-коричневое, в лучах светил переливающееся иссиня-чёрным цветом, оно закрывало едва ли не половину ладони.

В комнате тускло горела свеча, и в её свете двое людей, одетых в чёрное, шёпотом беседовали о чём-то. Рядом с ними стоял большой деревянный ящик, на котором лежали ценности из редких металлов. Напротив стояла доска на ножках, используемая местными токарями как стол для выточенных предметов. На столе стоял металлический таз с водой. На

дне таза желтела металлическая фигурка в форме какого-то древнего животного, то-ли мифического, то-ли реально существовавшего. Комната была довольно тесной: она была плотно заставлена мебелью. По всему было видно: это обжитое место какого-то мастера, который по какой-то причине не появился здесь этой ночью.

Двое в комнате смотрели на груды металла и махали руками, объясняя что-то друг другу. Потом один из них взял лежащий под ногами мешок и расправил его, второй же приготовился складывать в него ценности, как в воде послышался всплеск. Это небольшой пузырёк воздуха вырвался на поверхность. Двое в чёрном повернулись в сторону таза и на несколько секунд замерли. Однако, не увидев опасности, они уже собирались продолжить своё дело.

Между тем вода стала подниматься в верх, словно на водной глади стал расти холмик. В тусклом свете свечи это было едва заметно. Но именно из этого холмика на них смотрел сейчас он, тот самый человек, который решил сыграть с ними весёлую злую шутку. Смотрел он не своими глазами, а глазами существа, которое ему удалось приручить. Это существо медленно поднималось из воды и принимало всё более и более чёткие очертания.

Едва заметив это боковым зрением, почувствовавший на себе чей-то взгляд, один из воришек инстинктивно схватил тяжёлую металлическую болванку и метнул её точно в «тело» поднимающегося из воды силуэта. Однако болванка прошла сквозь толщу воды, не причинив никакого вреда силуэту, только громко ударившись о стену здания и упав на пол. Мешок был брошен под ноги. Оба человека в чёрном замерли, приготовив кулаки. Однако в тусклом свете свечи перед ними явился вовсе не человек, из воды, словно переместившись по воздуху, вылетело и встало на пол мохнатыми ногами неведомое существо. Оно возникло прямо из воздуха и уплотнилось до физического тела буквально за несколько мгновений.

У существа было покрытое неплотной шерстью тело, небольшие рога, хвост, когтистые лапы. Лицо существа было с вытянутой мордой, полностью покрыто волосами, однако черты его, тем не менее, были похожи на человеческие.

Воришки, забравшиеся в дом, опешили от увиденного. Никогда ещё они не видели подобного. Через несколько мгновений они, едва сдерживаясь от крика, выбегали из злополучного здания. Когда они пробежали по тропе, идущей вниз по склону, растворяясь в темноте, на них со спины пристально смотрел спрятавшийся в кустах маг. Именно так, руками двоих воришек, он пробрался в защищённое хранилище одного из местных мастеров, в потайных комнатах которого было много интересного.

Собрав в мешок несколько тяжёленьких заготовок из чистого металла и небольшую кучку металлических изделий, которые нужны были ему не столько для обогащения, сколько для работы с энергиями, Элеоф аккуратно сложил оставшиеся предметы на место в коробку, навёл в помещении порядок, будто бы никого здесь и не было, и выдвинулся в горы.

Пройдя через холмы, к утру он уже был в предгорьях. Но желание поспать всё-таки взяло верх, и под ближайшим кустом выше уровня тумана была разложена палатка. Всё это время за ним, на расстоянии в четыре человеческих роста, может чуть больше, то отдаляясь, то приближаясь, следовало то самое прирученное им существо. Следовало, не уплотнившись до физического тела, поэтому его энергетическую оболочку видел лишь один Элеоф.

Никто не знал подобных существ доселе, поэтому даже названия у этого вида не было. Маг дал ему имя: Истр. Истр любил играть и пугать людей для него было всего лишь заманчивой игрой. Истр любил показывать то, что он делает, и то, как устроен его мир, потому часто даже сам просил телепатически войти в его сознание и посмотреть на мир его

глазами. Элеоф, в свою очередь, давал Истру иногда войти в своё сознание и посмотреть на мир глазами человека. Относительна мира Истра, мир человека был скучен: никаких тебе ярких всполохов энергий, никакого веселья, серость и однообразность материи.

Ближе к ночи, когда Элеоф расставил палатку, Истр ушёл куда-то в сторону лесов.

— «Ну и замечательно» — подумал Элеоф — «Когда нужен будешь мне для дела, найду тебя. Главное, чтобы посреди сна не разбудил.»

А ведь бывало и так, что Элеоф просыпался от телепатического воздействия Истра. Где-то на другом конце планеты этот тонкоматериальный шутник мог найти красивый источник энергии и долбиться в сознание мага чтобы показать — протранслировать его образ. И ведь не скажешь ему: «уйди, я сплю, мне сейчас не до тебя». И вообще не скажешь ничего — слов-то существо не понимает. Но эта ночь была темна и спокойна, и Элеоф провалился в сон.

На утро нового дня он проснулся с ощущением явного дурного предчувствия. Так как он знал, какие меры предосторожности стоит предпринимать, он сразу же вышел из палатки и осмотрелся вокруг, но никого не обнаружил. Успокоившись, он собрал все вещи, свернул палатку и продолжил путь в горы. Выйдя на ближайшую вершину, он рассчитывал зарисовать себе карту местности, по которой можно ориентироваться.

Здесь, в стране гор, он искал тот мощный источник энергии, о котором много раз говорил ему дед. Впрочем, это путешествие было весьма опасным — приходилось перемещаться на глазах у людей. Были ли среди них агенты тайной стражи или странницы правосудия — неизвестно. Но в любом случае нужно было найти источник силы чтобы этой энергией трансформировать своё тело, усилив способности видеть энергии и различать энергетику окружающих людей. А заодно надо было напитать этой силой металлические заготовки, так хитро украденные у мастера, чтобы они сами стали источниками энергии, на случай, если вдруг срочно нужно будет мобилизовать свои силы для видения или магического воздействия.

Поднявшись на вершину, маг зарисовал небольшой набросок карты, сверил по сторонам света своё местонахождение и был готов спускаться вниз, как пролетающая мимо хищная птица дала ему знак: пронесла в лапах прямо перед ним пойманную змею. Осмотревшись ещё раз, он принял решение шагать к своей цели быстрее, чтобы, достигнув её, ни о чём более не беспокоиться.

К середине дня Элеоф уже был близок к цели. Он остановился в селении напротив горы, которая, судя по описаниям деда, была той самой горой, на которой нужно было искать источник силы. Село уже опустело после ухода Атача, оставшиеся люди из страны городов постепенно забирали свои вещи и уходили. Маг вспомнил, как недавно встречал приход Атача в горах, впервые в жизни, вместе с парнем по имени Форс, который тоже был с диких земель.

Элеоф попросился остановиться на день в одном из домов и ему любезно предоставили комнату в обмен на металлическую подвеску с красивыми узорами, благополучно захваченную из дома мастера.

Полюбовавшись из окна прекрасными видами, он решил пойти выменять у сельчан еду. Нужно было дождаться вечера, чтобы, выйдя из тела во сне, обследовать гору и найти сам источник. Одной ночи должно было хватить.

Гуляя по селу, Элеоф искал взглядом, где на крышах домов, подоконниках или во дворах зеленели съедобные плоды. Однако через некоторое время он набрёл на импровизированный

рыночек, оставшийся после ухода людей: люди, приходящие сюда переждать проход Атача, приносили горцам многое, в том числе и продукты. И сейчас всё это распродают здесь.

Проходя по рынку, Элеоф зацепился взглядом с глазами молодой девушки, проходящей мимо. Голубые глаза мага встретились с ярко-красными глазами девушки. Она прошла мимо, вызвав у него в сердце те самые чувства, которые он испытывал с утра — дурное предчувствие и чувство тревоги. Он обернулся. Она нет. На выходе с рынка девушка пошла вниз по тропе и закрыла глаза. Чувство тревоги не отступало от Элеофа. Маг занялся своими делами на рынке. Через некоторое время его образ уже транслировался в сознание Элеоноры...

Естественно, Форсу хотелось побольше разузнать о том, что же он видел в прошлой жизни. Однако, как оказалось, Клеф и его группа ушли на задание, и их не будет вплоть до самого начала практик. Распространяться учителям о том, что он лез в свои прошлые жизни самостоятельно, как уже убедился мальчик, не стоит. Остаётся только найти кого-либо, кто разбирается в этом, но при том никому не расскажет.

Может быть никто бы так и не ответил на вопросы мальчика, если бы совершенно случайно он не наткнулся на Гамко, убирающегося в казарме.

— Гамко, привет! — подошёл к нему Форс.

— Привет, Форс! — улыбнулся Гамко, но тут же добавил: — Видишь, я занят. Проходи, не задерживайся.

— Слушай, у меня есть к тебе один вопрос.

— Хорошо, подожди меня на заднем дворе, через четверть получаса я закончу уборку.

Ожидание было недолгим, но томительным. Сидя на скамье на заднем дворе за аудиторией, Форс думал, что же ответит ему парень. И вот Гамко вышел из аудитории. Протянув сидящему на скамье какую-то бумагу, он присел рядом. Текст на бумаге гласил:

«Присуждаю Гамко, как самому молодому агенту тайной стражи, выплатить единоразовый гонорар в шестьдесят пять тысяч монет за проявленные успехи в обучении и заслуги на службе. Хранитель тайных знаний, глава совета стражей, Мифиоп Приодф.»

— Деньги просто сами ко мне притягиваются. — Похвастался Гамко, когда Форс дочитал бумагу.

— «Кто о чём, а Гамко опять о деньгах» — подумал Форс.

— А зачем тебе... — начал задавать вопрос Форс, но, вспомнив прошлый разговор с Гамко, сам же а него и ответил: — А, ты же хочешь себе домик в городе.

— Да, хочу свой домик в Пруванке. Был бы как все — пошёл бы в лес, напилил дров да построил себе что-нибудь в ближайшем селе. Но знаешь, я думаю, что с ростом нашей цивилизации деньги будут цениться всё больше. И дома в столице тоже. Хочу чтобы мой род в будущем жил и развивался в своём доме.

Форс подумал, что тоже не отказался бы от собственного дома, однако палатка или юрта удобнее, с ними можно кочевать и исследовать мир, вместо того, чтобы сидеть на одном месте. Гамко продолжал:

— Мне прадед рассказывал, что в эпоху машин деньги были у всех и на деньги можно было купить практически любые предметы. Это значит, что чем выше растёт индустрия, тем ближе цивилизация подходит к денежному обмену вместо натурального. Вот и мы сейчас будем дальше развиваться, так что вкладывать в деньги сейчас выгодно. Они будут цениться всё больше, на них всё больше вещей можно будет купить. А не ходить выменивать, да ещё и

искать, что понравится торговцу, а то каждый может сказать «не поменяю, мне ваш товар не нравится!». А деньги — это универсальное платёжное средство. Когда-нибудь оно станет цениться везде и жить как ты, без денег, будет уже не модно. Так что мой тебе совет: собирай потихоньку деньги. Будущее за ними.

Форс посмотрел на то, как Гамко с горящими глазами рассказывает о деньгах, и подметил:

— Тебе бы какую-нибудь науку про деньги придумать. И преподавать хотя бы здесь. А то многие не понимают, зачем им вообще нужны деньги.

— Ну да, я и сам задумываюсь хотя бы над тем, чтобы начать людям простые вещи объяснять.

— А эти шестьдесят тысяч монет из присуждения, их хватит чтобы купит домик?

— Шестьдесят пять. Пока ещё нет, но вместе с тем, что я здесь заработал, моя мечта исполнится, надеюсь, скоро.

— Поздравляю — Улыбнулся Форс, порадовавшись за товарища. Вспомнив его историю про прошлое, Форс спросил: — А что, твой прадед до сих пор жив?

— Нет, уже ушёл в следующую жизнь, но ещё недавно был жив и рассказывал мне много историй.

— Жизни... Точно! Я же хотел тебе кое-что рассказать.

— Да, рассказывай. — Гамко забрал своё присуждение и аккуратно, любуясь им, положил листочек в рюкзак.

— Я видел в своей прошлой жизни... Как бы тебе это описать... В общем, была война...

— А давай-ка протранслируй. — сказал Гамко и закрыл рюкзак. — вас уже учили телепатическому общению?

— Ещё нет, но кажется я понимаю, о чём ты. — пробормотал Форс, вспоминая свои видения на чердаке во время изгнания. — Как это сделать?

— Смотри. — протянул Гамко руку вперёд, взяв другой рукой руку Форса и поставив ладонь к ладони рядом. — Ты погружаешься в тот образ, который хочешь транслировать, погружаешься всеми своими мыслями и чувствами, прокручиваешь его в голове и представляешь, что все картинки этого образа через руку передаются мне. Я же пытаюсь считать твой образ.

— Хм, ну давай... — сказал Форс, слабо веря в то, что у него получится.

Тем не менее, начав просматривать те события заново, он хорошо погрузился в них. На это раз картина разворачивалась от самого начала и до конца в линейном времени. Сначала появилось войско на горизонте. Потом вспышка и огненный шар. Потом дымные следы в небе. Потом он бежал и погиб от осколка деревянной стены. Открыв глаза, Форс увидел, что Гамко с закрытыми глазами досматривает что-то, поворачивая голову во все стороны. Вскоре он тоже открыл глаза.

— Ну что я могу тебе сказать... — Гамко потёр руки. — Сколько раз ты просматривал прошлые жизни?

— Один. — ответил Форс, улыбаясь. — Это первый.

— Тогда тебе наверно повезло. Не знаю, на какой ты жил планете, и в какую жизнь тебя переместили, но то что ты видел — довольно интересно. Яркая была жизнь.

— Что за животные там были?

— Ну судя по всему это кони...

— Кони?

— Да, те животные на которых мчалось наступающее войско. Это были кони. Раньше на таких передвигались и у нас на Иргенте.

— Понятно. Что дальше?

— Ну и те «стрелы» в небе — это тоже известная вещь. Ракеты.

— Ракеты?

— Да, ракеты. Со времён эпохи машин на складах и в бункерах осталось множество ракет. Это очень мощное и страшное оружие. Мы его использовали чтобы сбивать подлетающие метеориты, однако метеориты оказались быстрее и это оружие было против них малоэффективным. На сегодня для Иргента нет такой угрозы, против которой ракеты можно применить. Да и забыли уже люди, что с ними делать.

— Что ещё можешь сказать по той жизни?

— Скорее всего ты умер в бою. Есть планеты, где люди воюют друг с другом. И ты тоже воевал. В общем-то, все детали сна понятны, только вот этот большой «гриб» размером с город и выше гор... Я бы списал его на твою неопытность. Скорее всего, в реальности ничего такого не было, просто твоё сознание додумало эту картину. Такое бывает, если ты ещё неопытен и мало погружался в прошлые жизни. Сознание само додумывает картины, которых в реальности не существовало. Со временем и с практикой это пройдёт.

Форс остался вполне удовлетворён таким ответом. В этот же день он нашёл магистра Подо и расспросил обо всём, что тот знает про ракеты и про коней. Про последних Подо рассказал куда больше, к тому же, как оказалось, он уже демонстрировал ученикам подкову. Подо даже послал Форса к своему другу Дихцу, у которого дома свой импровизированный музей. От предков ему достались вожжи, сёдла, попона и множество подков. Форс просмотрел и древние картинки про лошадей, узнал что после метеоритного удара их активно использовали как средство передвижения и перевозки грузов, пока не стали массово происходить случаи одержимости животных и от такого метода не пришлось отказаться.

В итоге вырисовывалась приблизительная картина смерти Форса в том воплощении, которое он видел. Мальчик думал, что, возможно, в следующих погружениях узнает о себе больше.

И следующее погружение Форса в «линии мира» прошло куда более эффективно, чем у остальных учеников. Через несколько занятий он уже умел достаточно точно считывать с них информацию и даже помогал другим, считывая приходящие к ним образы. Успехи мальчика весьма радовали комиссию и тайную стражу. Все видели в нём большой потенциал.

Апцебс — существо, похожее на человекоподобную рептилию с хвостом. Ходит Апцебс как по-человечьи, на двух ногах, так и на четырёх лапах, причём второй вариант предпочтительнее ввиду удобства. И руки и ноги у него трёхпалые. Крупные тёмно-зелёные чешуйки покрывают тело. Мозг у апцебса настолько развит, что в эпоху машин этих животных специально разводили и обучали для того, чтобы те стояли за простейшими станками вместо людей и выполняли нехитрые операции.

Спектр применения апцебсов в ушедшей цивилизации был весьма широк: это и спасение утопающих, благо, ящеры прекрасно плавали, и различные простые работы на производстве и в сельском хозяйстве. Эти животные прекрасно обучались, способны были даже перенимать человеческий язык и выражать свои мысли простыми фразами.

Единственным неудобством при выращивании апцебсов было то, что в детстве эти ящеры очень подвижны и слабо обучаемы. Между тем именно в детстве у них закладываются основные социальные навыки, навыки коммуникации с людьми и друг с другом. Поэтому в детстве апцебсов держали в жёстких рамках, не давали собираться вместе и играть, выгуливали на коротком поводке, постоянно тренировали и оставляли жить в отдельных камерах. В общем, никакого детства.

Поэтому после метеоритного удара люди с удивлением обнаружили, что выращенные в огромных количествах апцебсы, одичав, превращаются из послушных рабов в диких разбойников: родившиеся на свободе ящеры начинают добывать пищу любыми доступными способами, вплоть до воровства на рынках и среди больших скоплений людей, где юрких животных не так-то просто отследить и поймать.

Ходить на двух ногах одичавшие представители вида предпочитают довольно редко — передвигаться на четырёх лапах физиология позволяет им быстрее и легче. Возможно даже, что хождение их «предков» на двух ногах — прихоть двуногих, которые обучали этому с детства. Скорее всего для того, чтобы было легче контролировать апцебсов, ибо при такой ходьбе они не имели никаких преимуществ перед людьми, а в беге на двух ногах так вообще серьёзно уступали человеку.

Эти ящеры, несмотря на свой рост в половину человеческого, и похожее на него по строению тело, имеют довольно интересное телосложение. Ползком они могут проникать даже в весьма узкие щели.

Так что залезать в дома к людям по ночам эти животные точно так же не брезговали. Бывало, что целое семейство из мамы и трёх-пяти мелких ящерок за ночь успевало тихо вынести из дома большую часть запасов продовольствия, а заодно и прихватить ценные и не очень металлические предметы (тяга к ним всегда отличала этот вид).

И приходилось людям в некоторых селениях терпеть, плотно закрывать окна на ночь, затыкать все большие щели и прятать подальше, а чаще всего — повыше, так как по стенам этот вид лазит хуже других, продукты. А из-за того, что апцебсы очень организованные и разумные ящеры, они часто сбивались в стаи, которые скорее были похожи на банды, и пока кто-то отвлекал людей, другие занимались воровством.

Люди пытались отлавливать и приручать ящеров, но это не привело к каким-либо значительным успехам. Познавшие свободу апцебсы уже не поддавались дрессировке, и всё время норовили сбежать. Всё, что оставалось — ставить ловушки, вылавливать ящеров и

отправлять их в специальные резервации. Мужские особи отдельно от женских, ибо они и так неплохо размножились за время, прошедшее с момента падения старой цивилизации. Когда-то в городе даже был большой питомник для ящеров, куда свозили их с окрестных деревень. И если из деревенских загонов четвероногие вредители нередко сбегали, причём зачастую, коллективно, то из питомника ещё никому не удавалось бежать — он был создан ещё во времена эпохи машин, и предназначался как раз для содержания апцебсов.

Теперь ящеров там было столь много, что приходилось в одну камеру загонять с десятков при нормативе в два апцебса. Прокормить их было сложно, особенно учитывая, что в первые годы после метеоритного удара люди сами голодали и природа ещё только восстанавливалась. Живут апцебсы двести лет, при этом растут гораздо быстрее людей: за пять лет тело ящеров полностью формируется. А учитывая их всеядность и живучесть, после метеоритного удара размножились они с невероятной скоростью, и было их много.

Поэтому ящеры, массово отлавливаемые и помещаемые в питомник или в загоны, голодали и умирали, из мяса умерших ящеров люди делали различные блюда, чтобы прокормиться самим. Позже, когда их число сократилось, а экология восстановилась, их мясо стали пускать на корм им же самим, частично отдавая на пропитание людям. Ещё позже их популяция сократилась настолько, что некоторые селения были в силах прокормить оставшихся апцебсов.

Многие деревенские жалели своих апцебсов и не отдавали их в город, зная условия содержания в питомнике. Однако когда наступали голодные времена, всё равно либо приходилось отдавать ящеров в город, где их ещё и не всегда принимали (питомник и так был забит до отказа), либо апцебсы голодали и умирали, и в деревнях ели мясо этих ящеров чтобы прокормиться.

Типичная картина для голодающей деревни того времени: два сарая, битком набитых апцебсами на краю деревни, наспех сколоченные из досок, один для самцов, другой для самок. Ввиду невозможности прокормить их, голодающие сельчане стараются ходить подальше от этих сараев, ибо там постоянно слышен писк голодных ящеров и даже нечленораздельная речь некоторых старых особей, которых учили говорить ещё в эпоху машин: «Дааааай, дааай, да-ай...». Однако давать было нечего, и люди делали единственное, чем могли тогда помочь — забирали тела умерших апцебсов, часть мяса варили для себя, а оставшееся — для ещё живых особей.

В конечном итоге всё решилось когда пошёл слух об одержимости не только людей, но и животных. Пришлось пустить под нож всё это хозяйство во избежании массовых заражений. Духи, в отличие от болезней, могут заражать людей так же, как и ящеров. Потому цивилизации апцебсов на планете Иргент неминуемо пришёл конец. Кроме, конечно, тех редких экземпляров, которым удалось бежать.

В отличие от домашних животных, диких апцебсов отдавали на убой в первую очередь: не так жалко, да и не особо хочется, чтобы стаи одержимых ящеров не только воровали еду, но и нападали на людей. Да и в целом домашних ящеров жалели меньше, чем млекопитающих: динозавры хоть и выносливы, но в голодное время готовы скорее стать хладнокровными убийцами, чем умереть от голода. Потому выжить в то время удалось лишь немногим апцебсам, и эти редкие выжившие обычно таили большую злобу на людей.

Одной из таких выживших была ящерица-апцебс, жившая в селении в стране гор. Ящерке удалось бежать из деревенского питомника, когда специальные отряды пришли сжигать его. Они долго убеждали сельчан в необходимости этих мер и в конце концов

расправились со всеми её друзьями и семьёй. И даже друзья из людей, некогда кормившие её, отвернулись от ящеров и не стали их защищать.

Скитания ящерицы по стране гор продолжались больше сотни лет до тех пор, пока однажды на неё, спящую на камне, не натолкнулся Элеоф. Ящерка пригрелась в свете светил на склоне горы и не заметила, как к ней подошёл маг. Проснувшись и увидев перед собой человека, она тут же поспешила скрыться — старый инстинкт выживания сработал мгновенно. Но Элеоф был готов к такому повороту событий и бросился за ящером — он-то знал, что если вдруг этот апцебс окажется долгожителем, у него можно будет выпытать что-нибудь интересное. Однако Элеоф даже не предполагал, насколько интересной окажется погоня. Пробежав совсем немного по склону горы, ящерица исчезла на ровном месте. Дойдя до этого места, Элеоф не обнаружил там ничего необычного. Однако видение энергий показало ему, что в этом месте присутствует странная аномалия. Сделав запрос в информационное поле планеты, Элеоф получил ответ о явлении, которое было чем-то новым и ещё неизвестным для мага.

Информация, которая к нему пришла, указывала на то, что в этом, и во многих других местах планеты существуют разрывы пространства — так называемые каверны. Это некие раны Иргента, пространственные разломы, в большинстве случаев ведущие к геологическим разломам под землёй. Разломы земной коры, как и разломы пространства над ними являются следствием разрыва энергетического пласта линий мира в этой области. Такие же разрывы бывают в энергетических полях не только планет, но и любого другого живого организма, будь то человек или животное. Эти разломы ведут к образованию разрывов в тканях и органах, а так же тонких телах человека или животного. И точно так же организм планеты может страдать от каверн: порванные линии мира в какой-либо области формируют геологический разрыв, а на поверхности, на «тонком» теле планеты образуется некий портал — аномалия, которая недоступна человеку, однако те же апцебсы видят эти пространственные разрывы и прекрасно по ним перемещаются.

Ранее Элеоф практически не видел апцебсов. Он знал о них только по рассказам деда. А теперь ему предстояло скопировать энергетическую структуру этого существа и во сне, выйдя из тела, попытаться посмотреть на мир его глазами. Благо, Элеоф успел довольно подробно разглядеть спящего апцебса как глазами, так и энергетическим видением. Он знал, что у него всё получится.

В этих диких местах людей практически никогда не было. Элеоф забрёл сюда, скрываясь от странниц правосудия. Уже год прошёл с того момента, как на базаре в горном селении он столкнулся взглядом с юной странницей — лазутчицей, которая сразу же передала всю информацию о нём на самый верх, Элеоноре. С тех пор его уже дважды выслеживали и пытались убить, но магу удавалось бежать. И пока в его руках не оказалось оружия столь мощного, что позволит противостоять ордену, он старался вести свою «партизанскую войну» с девушками, скрываясь в лесах.

Напитавшись энергией на мощном месте силы, Элеоф стал гораздо могущественнее, чем раньше. Его видение улучшилось, его чутьё окрепло и вело его уже гораздо более интересными путями. Один из таких путей завёл его в этот лес. Интуиция привела его к камню, на котором спал ящер. И теперь ему предстояло разбить палатку на этом склоне и во сне увидеть, что представляют из себя каверны.

Выйдя во сне из тела, Элеоф лёг на камень так же, как недавно лежал на нём ящер. Он впитывал остатки энергии ящера, оставшейся на камне, и его тело в этом сне становилось

таким же, как тело ящера. Элеоф полностью слил эти тела воедино и сам стал во сне апцебсом. Затем он взглянул на мир глазами этих ящеров. Тут он понял, почему человечество практически не видит их. Дело в том, что видение и чувствительность ящеров были на порядок лучше человеческого. И сейчас, будучи ящером, он почувствовал бы приближение человека задолго до того, как был бы им обнаружен.

Посмотрев на склон, где исчезла ящерица, Элеоф глазами апцебса увидел на поляне широкий восходящий поток энергии. Это был не просто поток какой-то плотности и цвета, это выглядело, как будто посреди поляны открылся кусок совершенно другого пространства. Это были тёмные, не освещённые камни какой-то пещеры. И Элеоф пополз к ним чтобы исследовать это пространство во сне.

Движения давались ему тяжело: управлять таким телом, как у ящера, было для человека очень непривычно. Он попытался встать на две ноги, но не смог оторваться от земли. Поэтому он полз, поочерёдно передвигая лапы, ибо управлять всеми ими одновременно не представлялось возможным.

Войдя в пространственный разрыв, он не почувствовал ничего особенного. Ему просто казалось, что он входит в пещеру. Оказавшись там, он обнаружил, что апцебсы прекрасно видят в темноте. Своим ночным зрением он осмотрел длинный туннель пещеры-разлома и двинулся по нему.

Пока он полз сквозь этот длинный коридор под каменными сводами, его сознание лучше адаптировалось к телу ящера, и он стал управлять им увереннее. По крайней мере передвигаться неспешным шагом на четырёх лапах он уже мог, не задевая брюхом за камни. Пройдя пещерный туннель, почти в конце он почувствовал чей-то взгляд на себе. Ящерицы, как оказалось, прекрасно чувствуют приближение других существ. Возможно, это и разбудило тогда спящего на камне апцебса.

И Элеоф понял, что это ещё не конец пещеры, туннель-разлом сворачивает направо, а там, из-за угла, кто-то смотрит на него. Этот взгляд был скорее испуганным, чем уверенным, потому Элеоф не стал опасаться чего-либо, и шагал дальше. Существо, которое смотрело на него из-за угла, исчезло за камнями, а он дошёл до поворота и увидел за ним, что тоннель расширяется и в конце разлома есть довольно широкая пещера с высокими сводами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Пройдя в эту пещеру, он опять почувствовал на себе взгляд, на этот раз, нескольких существ. Неподалёку от него из-за камня выглядывал Апцебс. Где-то вдалеке за камнем побольше прятались ещё двое. Сделав шаг к камню, Элеоф понял, что апцебсы ещё и прекрасно видят тонкие тела людей, занимающихся путешествиями во снах: из-за камня сразу же метнулась подальше напуганная ящерица. Она спряталась за большим камнем вместе с двумя другими ящерами. За камнем началась возня.

Подойдя к большому камню, он услышал, как за ним мечутся ящеры, пытающиеся спрятаться куда-либо. Они попеременно выглядывали, чтобы посмотреть на Элеофа. Две из них были стары и больны, и уже практически не могли передвигаться, третья же, хотя и боялась, но пыталась защитить их от непонятной, никогда прежде не виденной ею, угрозы.

Поняв, это, Элеоф в теле апцебса решил не приближаться к камню. Вместо этого он осмотрелся и запомнил все места, где есть вода. За камнем было одно из таких мест. В голове Элеофа уже созрел прекрасный план по поимке ловкого ящера.

Задумав, чтобы напуганные апцебсы ещё долго не выходили из-за этого камня, Элеоф трансформировал своё тело в тело человека. Прикинув, что так ящеры, скорее всего,

напугаются ещё больше, маг не ошибся: одна из них уже пыталась куда-то убежать, мечась кругами в узком пространстве в конце пещеры, то прячась за камень, то выбегая, и снова прячась. Однако ящер, превратившийся на глазах апцебсов в человека, просто растворился в пространстве: Элеоф вернулся в реальность, выйдя из управляемого сна. И тут же начал осуществлять свой план.

Достав верёвки из рюкзака, маг связал из них несколько петель. Вспомнив, как выглядело пространство этой скалы из пространственного разлома со стороны пещеры, он прикидывал, под каким углом нужно встать к разлому, чтобы ящеры, выходя наружу, не увидели его.

Потом он сел на поляне рядом с разломом и приступил к непосредственному осуществлению своего плана.

В пещере из-за грунтовых вод было достаточно влажно. Эта влага скапливалась на сводах пещеры в виде конденсата и стекала вниз, образуя небольшие лужицы. Одна из таких лужиц и стала для внимательного взгляда Элеофа ключом к успешной «охоте». Напуганные апцебсы только-только начали приходить в себя, как из лужи начал расти, возвышаясь над камнями, непонятный водяной горбик. Ящеры тут же почувствовали на себе взгляд непонятного и ещё более странного существа. Пока холмик рос, они уже ринулись от него подальше, спрятавшись за другими камнями. Когда из воды появился Истр и двинулся в сторону ящеров, все три апцебса бросились наутёк, даже забыв, что кто-то из них вообще не мог передвигаться.

Убегая от преследователя, одна из старых и больных ящериц просто не смогла двигаться дальше и застыла на месте. Другая бежала, передвигаясь с небольшой скоростью и частыми остановками. И третья, самая здоровая, бежала, то и дело оглядываясь на двоих оставшихся. Что-то внутри постоянно тянуло её вернуться и защитить их, однако страх перед непонятным существом постоянно перевешивал и заставлял бежать подальше.

Выбегая на поверхность из пространственного разлома, ящерица очередной раз остановилась чтобы оглянуться назад. В этот момент стоящий рядом Элеоф тут же кинулся на неё и прижал к земле весом своего тела. Ящерица стала вырываться, но маг успел накинуть одну из верёвок с петлёй на голову и протянуть петлю через одну из лап, слегка затянув петлю. Вырвавшаяся ящерица пробежала совсем немного, и тут же натянутая верёвка, привязанный к телу мага, остановила её.

Элеоф встал, подошёл к мечущейся по поляне ящерице, притягивая её к себе канатом, и сел рядом. Из пространственного разлома выбежал второй апцебс, и, завидев пойманного собрата, бросился в другую сторону. Затем из разлома показался радостный Истр, и тут же подбежал к Элеофу чтобы транслировать ему мысль из разряда: «Я так давно не видел таких существ! Я очень рад, что я снова их увидел!».

Тут же пойманная ящерица вырвалась и побежала куда глаза глядят. Страшного человека ещё можно было терпеть, но когда к тебе приближается невиданное нечто, бежать нужно не оглядываясь. Ящерица так сильно рвалась подальше от Элеофа, что натянула верёвку, обвязанную магом вокруг тела в районе поясницы, так сильно, что Элеоф не устоял на ногах и упал на каменный склон, однако обошлось без серьёзных царапин.

Истр был рад и хотел поближе посмотреть на апцебса. Элеофу пришлось мысленно послать его следовать за любой другой ящерицей, только не за его добычей. Истр радостно сообщил, что такие разломы, как этот, он уже видел и активно использовал для перемещений по планете, однако очень давно не встречал там никого, кто обладал

плотными телами. Отправив эту мысль Элеофу, существо радостно побежало по поляне, едва ли не прыгая от счастья, чтобы посмотреть поближе на другую ящерицу, которая, испугавшись до полусмерти, уже успела убежать очень далеко. Однако для Истра это не проблема — догонит и найдёт где угодно.

В итоге со своей добычей Элеоф был вынужден проследовать в свой дом на дикие земли. Связав ящерицу и поместив в свой рюкзак, он спрятал содержимое рюкзака среди камней, чтобы позже за ним вернуться, и последовал по северным склонам страны гор прямо к родным лесам. Путь занял сутки. Оставив ящерицу в доме, Элеоф плотно заколотил все возможные входы и выходы, а к двери с обеих сторон приделал засовы. Со временем он сделал ящерице отдельную клетку в доме. Кормил и поил её так, как она никогда не ела, и постоянно ухаживал за ней.

Изучая энергетическую структуру апцебсов, Элеоф не без помощи Истра нашёл ещё несколько пространственных разломов, размером больше того, где уже побывал, но не заселённых никем. Исследовав их во снах, он пришёл к выводу, что есть целая сеть разломов под поверхностью Иргента, и через пространственные разломы можно перемещаться на дальние расстояния под поверхностью планеты. Минус был только в том, что эти разломы вели в какое-либо конкретное место, и оно могло оказаться далеко от обитаемых земель. Да и нужно было учиться перемещаться по ним в физическом теле.

Ящерица элеофа вполне поддавалась дрессировке, перенимала повадки и речь хозяина. Элеоф начал обучать её говорить.

Через некоторое время общения, самка апцебса стала совсем ручной, почти перестала бояться. Когда она обучилась первым словам, она начала задавать и свои первые вопросы. «Вот дурак,» — думал про себя Элеоф, — «мой дед меня вырастил, а я теперь вот выращиваю ящерицу».

Однажды вечером маг разжёл костёр и хотел уже отправить ящерицу в свою клетку, опасаясь что животное может обжечься если не о пламя, то о раскалённые камни костровища, но вместо того, чтобы капризничать, ящерица залезла ему на руки и, положив лапы на плечо, повисла на нём. Маг сел, взял апцебса на руки и начал было что-то говорить про «огонь» и «опасно», но ящерица прервала его, произнеся:

— Тя зу.

Маг не сразу понял, какие слова она пытается выговорить и задумался.

— Тя зю? — ещё упорнее произнесла она, указав лапой на мага, и Элеоф всё понял.

— Э-ле-оф. — произнёс он, поднося руку к своей груди.

— Мя зю? — спросила ящерица, попытавшись изобразить тот же жест: приложив лапу к своей груди.

— Нууу... Ты ящерка... — задумался маг, поняв что пора уже давать имя новому другу.

— Утяцка?

— Я-щер-ка — медленно произнёс Элеоф, обводя пальцами в воздухе её тело.

— Яцка. — произнесла ящерица.

— Точно, будешь Яцка! — догадался маг. — Даже думать особо не надо.

— Яцка. — повторила довольная ящерица, ткнув себя лапой. Затем указала на Элеофа. — Эео.

— Э-ле-оф.

— Эео. — Повторила она. — Яцка.

Хоть такой язык и являлся весьма слабым способом общения, но через некоторое время

маг научился получать с его помощью информацию о настроении и желаниях ящериц. И точно так же передавать ей примитивные команды вроде «Уя» — гулять, или «Юща» — кушать. Он рассчитывал на большее, и надеялся, что интеллект апцебсов сложнее, и со временем ящерица будет говорить совершеннее.

В то же время сам маг пытался понять, как энергетическая структура тонких тел ящеров позволяет им перемещаться в пространстве через каверны. Разгадав эту загадку, он мог бы попытаться и сам пройти сквозь пространственный разлом в физическом теле.

Поиски во сне привели его в пещеру, заселённую целой стаей апцебсов в несколько десятков особей. Это был огромный разлом, где можно было бы уместить если не город, то три-четыре небольших селения точно. Снова напугав там всех ящеров и заставив часть из них бежать на поверхность, маг нашёл в пещере огромный валун, глубоко уходящий в землю и возвышающийся на половину человеческого роста. Встав на камень он был крайне удивлён: тонкое тело мага сразу же взлетело высоко под свод пещеры, прибитое к сводам мощным потоком энергии. Мгновенно проснувшись от испуга, Элеоф понял: ключ к разгадке где-то рядом.

Походив немного, чтобы снять стресс, маг запросил информацию об этой энергии. Оказалось, такое большое скопление ящеров в этой пещере было потому, что энергетика там очень благоприятно влияет на жизнь этого вида. А центр излучения — тот самый камень, он является мощным источником энергий, близких по спектру к энергиям ящеров.

Через некоторое время маг снова вошёл в состояние управляемого сна и направился напрямиком в увиденную пещеру. Подойдя к камню, он напился этими энергиями. «Жаль, что я не могу отколоть и унести с собой кусок этого камня» — подумалось магу. Тем не менее, возвращаясь из сна, Элеоф попытался перенести в тело всю энергию, набранную рядом с этим источником.

Проснувшись, маг тут же увидел первые результаты: ящерица, обычно всё время лежавшая тихо в углу своей клетки, внезапно начала метаться по ней. Открыв клетку, Элеоф выпустил её в дом. Ящерка стала бегать возле него, подниматься на задние лапы, обнюхивать его тело, тереться об одежду своими чешуйками. Она буквально впитывала в себя ту энергию, которой он напился у камня.

Видимо, тело мага всё-таки могло переносить эти энергии, хотя и с большим трудом. Поначалу от них болела голова, ломало все кости и сильно тошнило. Однако это было небольшой платой за возможность попасть в разлом в физическом теле.

И вот, выбрав ближайший к нему разлом, маг отправился в путь. Апцебсу он оставил побольше еды и сделал специальную поилку, позволяющую не расплескать воду: в небольшой бочонок был налит запас воды, которого должно было хватить на несколько дней, вода вытекала по трубке в миску, прибитую к полу, а в миске уровень воды был выше уровня погружения трубки, поэтому вода не вытекала.

Выйдя через горный хребет на востоке к пустошам, маг через два дня пути нашёл тот пространственный разлом, который ему нужен. Дождавшись ночи и разбив палатку в непосредственной близости от него, Элеоф вышел в управляемый сон и снова оказался в тонком теле у того самого камня. Приняв от него столько энергии, сколько он только мог в себя впитать, маг вышел из сна и перенёс эту энергию в своё тело. Выйдя из палатки, он посмотрел зрением ящеров на каверну, постарался максимально сосредоточиться и пошёл в сторону разлома.

Когда он встал в потоке энергии каверны, с ним ничего не произошло. «Фокус не

сработал» — подумал маг. Сделав запрос, Элеоф получил информацию, из которой следовало, что для того, чтобы применить эту энергию для перемещения, нужно трансформировать её, преобразовав структуру ближе к структуре энергий апцебсов. Вспомнив, как он напивался энергией ящеров, маг смог наложить структуру той энергии на структуру энергетики камня. Как только это произошло, сам того не ожидая, он мгновенно оказался под сводом пещеры. Оглянувшись, он увидел пустошь, свою палатку, горы вдали... А впереди вместо бескрайней пустыни возникли тёмные своды большого разлома в земной коре.

Шагнув туда, Элеоф почувствовал, как одежда спадает с него и остаётся позади. Пройдя пространственный разлом и оказавшись в пещере, он стоял там совершенно голый, а одежда лежала позади него. Вернувшись, он понял свою ошибку: нужно было напитать силой камня и трансформировать энергии не только тела, но и всех предметов, находящихся на нём: саму одежду, предметы в карманах и так далее.

Одеваясь, он хотел было повторить попытку, но столб энергии вместе с картиной пространства пещеры начал медленно гаснуть, растворяться, вместе с этим заболела голова и тело тоже начало болеть. Поняв, что следующего погружения в разлом тело уже не выдержит, маг лёг спать.

Проснувшись в своей палатке посреди дня от жары и жажды, он понял, что настолько ослаб, что проспал утро. Вся вода уже нагрелась от светил и была тёплая. Тошнило. Пить и есть было невозможно. Что-либо делать тоже. Оставив палатку он пошёл в сторону гор к неприметному полуразвалившемуся деревянному сараю, который встретился на пути сюда. «Надеюсь, мою палатку никто не украдёт» — думал маг, который был уже не в силах тащить что-либо на себе.

Проведя там, в тени крыши остаток дня, магу удалось таки заснуть через несколько часов мучений. Проснулся он уже ночью, когда в безоблачном небе свет Атача и Пануста освещал бескрайние просторы пустошей.

Вернувшись, маг сразу же нашёл место разлома: по счастью, никто не ходил днём по этой раскалённой пустыне и палатка стояла на месте. Внутри палатки ещё было тепло и очень хотелось спать. Однако Элеоф понимал: оставаться здесь дольше нельзя, нужно сделать всё именно сейчас.

Отправившись во сне к камню, маг снова напился уже знакомой энергией. Для пущей убедительности, вернувшись в тело, он напился энергиями не только одежду, но и палку, которую прихватил с собой из сарая на всякий случай. Преобразовав всю эту энергию в то, что он для себя назвал «сутью ящера», маг снова увидел разлом и пространство за ним. Пройдя внутрь, Элеоф обнаружил, что одежда на нём, палка рядом с ним. Однако из кармана выпала металлическая болванка, напитанная энергией места силы на склоне горы. Элеоф носил её с собой как талисман, и заодно как надёжный источник энергии.

— «Логично» — подумал маг — «Эта штука такая мощная, что преобразовать её энергии не получится».

Сделав два шага вперёд, Элеоф ощупал своды пещеры. Всё настоящее, плотное. Посмотрев, что дальше очень темно и не особо комфортно, маг развернулся, вышел из каверны, подобрал свой талисман и быстро стал сворачивать палатку и собирать вещи. «Скоро тело снова накроет, надо собирать вещи и уходить» — оправдывал он короткую продолжительность своего визита. — «Задача выполнена, теперь я знаю, что это возможно.»

Дойти удалось только до того самого сарая, где обессиленный маг проспал оставшуюся

ночь и весь следующий день, чтобы на закате выдвинуться к себе домой.

— Я понимаю твоё стремление поскорее направить его к нам, но всё же настоятельно рекомендую поговорить об этом с Ницером.

— Но нам же нужны сейчас новые бойцы, действующее ополчение и стража не справляются. Посмотри, сколько одержимых было после последнего прохода Атача.

— Я ещё раз говорю тебе, поговори на эту тему с Ницером. Да, нам нужны грамотные и подготовленные кадры, но степень подготовки в нашем случае сможет оценить, пожалуй, только он. Если определит, что вы его чему-то недоучили, будете доучивать.

— Хорошо. Я уверен, что Ницер одобрит мою идею. Подготовка данного кандидата на высоком уровне.

Уже почти четырнадцатилетнему Форсу удалось пройти курс основной боевой подготовки, курс продвинутой боевой подготовки, стать действующим кандидатом в ряды ополчения и претендовать на запись в тайную стражу. В качестве последнего экзамена курс энерговидения и бесконтактного боя парень сдал на отлично. За годы обучения он получил серьёзную базу знаний, которая теперь должна была быть закреплена на практике. А практического боевого опыта Форс, конечно же, ещё не имел.

Однако Клеф, пытаясь провести его кандидатуру в ряды действующей тайной стражи, добивался одобрения этого решения, опираясь на способности и знания парня. И был направлен к Ницеру — странной личности, живущей на отшибе, рядом с огромным котлованом древнего карьера. Ницер был худощавым мужчиной пятидесяти шести лет, однако уже выглядел столетним стариком.

Никто не знал, что так сильно подкосило его здоровье. Возможно, периодическая одержимость, которой добровольно отдавался этот странный маг чтобы изучить возможности человеческого тела и глубже познать психологию противника. Возможно, стремление к совершенству, под которым Ницер понимал всеобъемлющее бесстрашие и чистоту помыслов и шёл ради этого на самые хитрые и жестокие по отношению к себе самому вещи.

Ницер говорил, что перед заражением способен устоять только человек, у которого нет страхов, нет желаний, и при этом есть полное принятие своей судьбы и возможной смерти. Несмотря на то, что почти никто не понимал этой странной концепции «старика», к нему прислушивался и совет стражей и совет академии, так как тот уже неоднократно демонстрировал свою способность избавлять от подселения даже самых опасных и мощных духов.

Поговаривали так же, что позволяя духам подселиться в своё тело, он запоминает все их повадки, общается с ними, едва ли не знает их поимённо. Поговаривали, что даже духи уважают и боятся этого мага. Но никто толком не знал, чем он занимается в своей лачуге вдали от всех. Однако когда стража бессильна, она зовёт на помощь этого странного мага с очевидно дурным характером и бесконечной тягой к самым жёстким способам получения информации и опыта. Несмотря на всю свою жёсткость, ему прощали и списывали всё, пол совета стражей желали ему долгих лет и здоровья, ибо он уже десятки раз спасал совершенно безнадёжных одержимых и даже несколько раз вытаскивал духов из одержимых стражей, о чём, как и полагается, молчал, ибо в глазах общественности стражник должен быть сверхчеловеком, которого невозможно заразить, а то, что при работе с одержимыми и

он может пропустить удар и заразиться, простолюдинам лучше не знать вовсе.

Вот и теперь совет стражей не знал, брать ли им в свои ряды столь молодого кандидата, или же обучать его далее, давая его психике подготовиться и окрепнуть. За советом они направили Клефа к Ницеру.

Спускаясь по тропе вниз, к лачужке Ницера, Клеф, как обычно, предчувствовал нехорошее:

— «Опять Ницер придумает что-нибудь жёсткое. Ещё напугает Форса до смерти, проклятый экспериментатор» — думалось ему.

Ницер жил в хижине на краю обрыва рядом с большой ямой в земле — древним карьером. Его небольшая хижина была, в отличие от большинства домов на планете, не круглой или купольной, а квадратной. Наспех сколоченный деревянный каркас был обшит металлическими листами странной волнистой формы — такая форма была отштампована на заводе в эпоху машин и позволяла относительно тонким листам сохранять жёсткость и не прогибаться, даже если на них навалится всем весом человек. Эти листы Ницер нашёл тут же — это были обломки старого роторного экскаватора, которым копался карьер. Саму машину уже давно растащили на железки, на дне карьера почти ничего не осталось, разве что гусеничные траки лежали где-то глубоко под слоем наметённых ветрами со склонов песчинок почвы.

Подойдя к ржавой хижине, Клеф легонько постучался в дверь. Через некоторое время он услышал, как сонный маг встаёт с кровати и тут же открывает дверь — эта хижина была столь мала, что внутри помещалась только кровать, небольшой шкафчик и стул. Дверной проём распахнулся наружу, в нём появилось заспанное лицо Ницера. Впалые щёки и натянутая на череп кожа выдавали в нём скорее уставшего от жизни старика, чем мужчину средних лет.

Щурясь от света светил, скрытых за дождевыми тучами, он спросил:

— Чего тебе?

— Меня к тебе совет стражей послал. — отвечал Клеф.

— Опять кто-то заразился? — раздражённо произнёс маг, который был явно не рад тому, что его разбудили.

— Нет, хотят чтобы ты оценил одного из наших кандидатов. Парня зовут Форс, ему тринадцать лет и он уже почти готов к вступлению в наши ряды.

Подумав немного, маг ответил:

— Приходи через час с мальчишкой. Посмотрю на него.

И тут же дверь хижины захлопулась.

Через час Клеф уже стоял на краю обрыва вместе с Форсом. Осмотрев внимательно парня, Ницер спросил:

— Знаешь, почему я живу вдаль от всех селений, в этой всеми забытой дыре?

— Какой дыре? — не понял Форс.

— Да вот этой. — махнул рукой Ницер на карьер. — А всё потому, что если б я жил рядом с вами, вы бы все уже ходили одержимые.

И лицо пятидесятишестилетнего старика искривилось в странной улыбке, он засмеялся.

— Я опасный человек и от меня лучше держаться подальше. Если я вдруг начну нести невнятную чушь, лучше беги. Понял меня?!

— Понял... — опешил Форс.

— Вы уже показывали ему девушку? — спросил Ницер, обращаясь к Клефу.

— Ницер, не стоит, пока ты её не освободишь. Это же...

— Никаких «же». Вы боевого мага готовите или сопляка, который уже в страже а духов выше второго ранга не видел?

— Ты же понимаешь, что это зрелище даже не для всех действующих стражей! — прикрикнул Клеф, про себя произнеся — «Так я и думал».

— Понимаю! Но я же не заставляю тебя с ней работать при мальчишке. Просто покажи ему, какие бывают подселенцы.

Форс смотрел на происходящее, не до конца понимая, о чём идёт речь.

— Ладно, я это сделаю, но только в твоём присутствии! — обратился Клеф на повышенных тонах к Ницеру.

Ницер скривил лицо в своей улыбке и засмеялся глубоким гортанным смехом, но тут же закашлялся и сказал:

— Аааа, боишься... — развернувшись лицом к своей хижине он пошёл в сторону двери. — Что бы вы без меня делали?

Пока маг переодевался, Форс поведал Клефу о странных записках, которые он периодически находил у себя в вещах или в комнате:

— Смотри — достал Форс из кармана небольшую свёрнутую бумажку, — Раньше я думал, может быть, это Лекс их пишет, но однажды я нашёл такую записку когда Лекс был на задании, а я спал в комнате, в которую никто не мог зайти.

— Да, это почерк явно не его. — Клеф рассматривал кусочек бумаги. — И о чём эти записки?

— В этих записках обычно какие-то советы. Причём, если я им следую, у меня всё получается. Кто может их писать?

— Не знаю. — напряг память Клеф, но так и не вспомнил никого, кто был переведён из лагеря в гарнизон вместе с Форсом и к тому же мог иметь доступ к комнате. — Может ваш комендант так развлекается?

— Говорю же, такие записки появлялись и до моего перевода сюда.

— Да, странно всё это. — Клеф прочитал слова дважды вслух и сделал вывод: — Как будто этого человека учили грамоте сотню лет назад. У нас на Иргенте уже очень давно не пишут так.

— Вот и я о том же! — согласился Форс. — И что вообще это значит: «Не верь ему»?

— Не знаю. — снова вчитался в буквы на листочке Клеф, очередной раз поражаясь старинной стилистике написания. — Может, сегодня ты встретишь человека, которому не стоит верить?

— А может уже встретил? — прошептал Форс, повернув голову в сторону хижины мага.

— Честно говоря, я и сам ему до конца не доверяю. — прокомментировал мысль Форса Клеф. — Он очень, очень странная личность. Ладно, если тебе это поможет, будь с ним просто осторожнее.

Переобувшись и накинув другую одежду, «старый» маг вышел из хижины. Пока он переодевался, Клеф уверял Форса, что всё будет нормально.

— А что вы вообще хотите сделать? — спросил Форс.

— Мы покажем тебе одну одержимую. — старался не говорить лишнего Клеф.

— Да что я, одержимых не видел чтоли?

— Это не совсем обычная одержимая. — снова был краток страж.

— Да слушай ты его больше! — вышел Ницер из своей хижины. — Такого ты ещё не

видел. Это настоящий ужас, не меньше. Я уже полмесяца бьюсь над тем, как изгнать из неё духа, но дух, увы, ничему не поддаётся.

— Это что-то необычное? — спросил Форс.

— Обычное, да не обычное. — заключил «старик», приглашая жестом всех последовать по тропе вверх. Сам же он пошёл сзади, продолжая комментировать:

— Я обнаружил её совершенно случайно. Она была возлюбленной одного из командиров тайной стражи, высокопоставленного и довольно уважаемого человека. Так вот, мало того что она сама была носителем, очень хитро маскировавшимся под свободного человека, она ещё успела заразить большое количество стражей. И опять же, никто ничего не подозревал. Если бы я этого случайно не обнаружил, существование стражи было бы под сомнением.

— Неужели даже всё то, чему нас учили, нам не поможет если духи на порядок сильнее? — спросил Форс.

— Мы слишком много о себе думаем. — засмеялся Ницер. — Мы, люди, всего лишь пылинки на пути духов.

— Это сугубо личное мнение этого мага, Форс. — вмешался впереди идущий Клеф, обернувшись на Форса. — Я считаю, что человек в силах что-либо менять.

— Я видел таких духов, которые могут сделать с любым из нас всё, что угодно — смеялся, ковыляя сзади, состарившийся маг. — И наше счастье, что ведя войну с духами, мы редко на таких натываемся.

— Так почему же остальные слабее? Ведь покорить нашу планету было бы легче, если бы было много таких, как ты говоришь, способных на всё? — задал резонный вопрос Форс.

— Видимо, они ведут себя как и полагается настоящим стратегам. Где-то есть планеты, где сознания развиты значительно выше наших, туда и направляют таких мощных духов. А нас оставляют на забаву мелким туманным духам. И вообще, сам-то как думаешь, существа, способные создать для нашего сознания иллюзию полноценного мира сильнее или слабее нас? Люди пока не научились конструировать себе миры. — отвечал Ницер.

Через полчаса трое уже стояли перед входом в хорошо укрепленный бункер в земле. Бункер был явно древним, вход в него когда-то был большим, ныне он засыпан слоем почвы почти до самого верха, вверху остался только небольшой лаз, пройти в который невозможно, не согнувшись. Лаз закрыт массивным металлическим люком круглой формы, вырезанным из куска металла.

Клеф постучал по люку несколько раз. Тут же люк открыл парень в форме ополчения.

— Часовой, тайная стража, я Клеф, из группы Лекса.

— Почему без мундира?

— Я из центра обучения, по спонтанно возникшему делу. Вот мой медальон — протянул металлический жетон страж.

— Эти тоже с тобой? — посмотрел парень на мага и Форса.

— Эти со мной, если угодно, могу просить у командира гарнизона их впустить.

— Сейчас позову командира. — вежливо ответил часовой и закрыл люк.

Через некоторое время за люком снова послышался лязг отпирающихся засовов, круглая металлическая дверь отворилась. Наружу вышел мужчина в чёрном мундире, щурясь от света. Он пристально посмотрел на Клефа и произнёс:

— Клеф, ты что ли? Не узнал тебя без мундира. Давно не виделись! — мужчина расставил руки и подошёл к Клефу.

— Приветствую, и я рад тебя видеть — Клеф обнял его и улыбнулся.

— Что в бункере делать собираешься? — добродушно спросил тот.

— Да вот хотим посмотреть на нашу новую подопечную. — указал Клеф на Ницера.

— Аааа, старик, опять будешь пытаться... Ну удачи! — рассмеялся мужчина. Посмотрев на Форса, он спросил: — А это что за мальчишка?

— Он с нами. Отличник боевой подготовки. Пусть посмотрит, что и такое бывает.

— Вы что, свихнулись? — лицо мужчины сразу стало серьёзным.

— Эй, ты тут не умничай! — вмешался в разговор Ницер. — Это моя идея.

— Не жалко парня?

— А тебе не жалко было своих подчинённых бросать на поле боя, чтобы я потом духов из них вытаскивал?

— Ну ты мне теперь всю жизнь это припоминать будешь? — обиделся страж. — Между прочим, я тогда не мог ничего сделать. Вон, Клеф подтвердит!

— Вот не учили тебя в тринадцать лет так, как я учу. Вот и не мог ты ничего поделывать! — подошёл маг к стражу и постучал кулаком по чёрной броне его мундира. — Вот и ходишь ты теперь, как дерево в железках, а поделывать ничего не можешь.

— Ладно, всё! Я не лезу в твои методы обучения, а ты не лезешь в мою жизнь, договорились? — посмотрел мужчина на мага, и, повернувшись ко входу, пригласил всех следовать за ним: — Пойдёмте.

Согнувшись, они вошли в узкий проход. Часовой сзади не закрывал дверь — ждал пока они отойдут подальше, так как внутри не было источников света. Труба, по которой они шли, как объяснил Форсу Клеф, была когда-то вентиляционной шахтой, а вход находится ниже уровня грунта. Именно поэтому труба такая узкая — она не предназначена для передвижения людей. В одном месте пришлось даже сесть и съехать небольшое расстояние по ней, как на детской горке. Дальше начинался туннель с пробитыми сверху отверстиями для освещения, и по нему уже можно было передвигаться во весь рост.

Где-то позади часовой захлопнул металлическую дверь и четверо вошедших шли молча, шаги их эхом отзывались в этих катакомбах.

— А что здесь было до метеоритного удара? — поинтересовался Форс.

— Военный бункер. — прокомментировал Ницер. — Можешь себе представить, что в эпоху машин люди убивали друг друга тысячами?

Форса, шедшего позади, передёрнуло от этих слов.

— Что?! — воскликнул он непроизвольно.

— А вот как думаешь, почему мундиры, оставшиеся с тех времён, такие плотные? Да потому, что они рассчитаны на защиту от пули!

— Нет, я не верю! — сказал Форс. — Как может цивилизация, которая достигла таких высот развития, быть такой... Такой... Убивать друг друга?

— Ну на самом деле мы не знаем, с кем вела войну та цивилизация. — еле слышно проговорил идущий впереди командир. — Может они и не убивали друг друга.

— Какие же вы наивные ребята! — не унимался Ницер. — У тебя ж в бункере ракеты, оружие того времени...

— Ракеты? — услышал Форс знакомое слово.

— А ты, наверно, думаешь, как все, что они этим оружием метеориты сбивали?

— Это нормальное применение подобного оружия. — отвечал тот, — Да и мундиры наши ведь могут защищать от осколков мелких астероидов.

— Покажите мне ракеты! — крикнул сзади Форс.

— Мы не для этого сюда пришли! — Ницер хотел продолжить спор. Он снова наступал на командира: — У нас на сегодня разрушенная планета и куча оружия на ней, а ты думаешь, что всему виной метеориты. Вот припомни мои слова, мы ещё раскопаем оружие той эпохи, которое нацелено на уничтожение людей.

— Вот когда раскопаем, тогда и поговорим. — кратко прервал диалог тот. — Мы пришли.

Идущие остановились возле массивной металлической двери. Командир достал ключи и открыл дверь. Ницер зашёл в камеру первый, позвав за собой остальных. Командир остался за дверью, заперев её с той стороны.

— Если что, кричите! — сказал он.

— Если что, беги подальше. — посмеялся Ницер.

В широкой просторной камере, на полу которой могло бы свободно разместиться десятка два людей, стоял письменный стол и стул рядом с ним. На стуле сидела девушка с чёрными волосами и красивыми красными глазами. Она была просто чудесна. Форс, затаив дыхание, рассматривал черты её лица. Таких красавиц на Иргенте надо ещё поискать.

Все трое подошли к ней. Огромные потолки камеры, в два, а то и три человеческих роста, не позволяли добраться до решётки, которая была справа под самым потолком. Из этой решётки бил свет, и луч его падал на письменный стол, за которым сидела девушка. На столе лежали рисунки, целые стопки рисунков. Присмотревшись к ним, Форс понял, что такой красоты он ещё не видел. Рисунки были просто великолепны. Если бы раньше Форс не видел этого, он даже предположить бы не смог, что человек может нарисовать такое. В руках у девушки было перо, которым она выводила очередной свой шедевр.

— Ну здравствуй, Гаппа! — обратился к девушке Клеф.

— Вы принесли чернила? — спросила ласковым тоном девушка, не отрываясь от рисунка.

— Прости, забыли. — ответил Клеф.

— Тогда зачем пришли? — посерьёзнела девушка, продолжая рисовать.

— Проведать тебя решили. Узнать, всё ли в порядке. — Клеф тоже старался говорить с ней ласково, как с ребёнком.

— Я же просила меня не беспокоить.

— Прости, мы просто решили, вдруг тебе...

— Так, ну хватит! — перебил Ницер — «Прости, забыли», «Проведать тебя решили». Ты «чёрный мундир» или трёхлетний ребёнок, Клеф?

— Этот противный дед опять с вами... — вздохнула девушка и оторвала взгляд от рисунка, посмотрев на вошедших. Увидев Форса, она добавила: — А тебя я раньше не видела. Как тебя зовут?

— Меня зовут Форс.

— Очень рада. — улыбнулась девушка. — Меня зовут Гаппа.

Ницер начал брать в руки и рассматривать её рисунки. Их на столе девушки скопилось уже целая пачка. Вероятно, чернила и бумага лежали где-то под изрисованными листами, раскиданными по столу.

— А ты тоже скоро станешь стражником? — спросила Гаппа.

— Да, я учусь в академии, надеюсь, скоро стану. — ответил Форс.

— Ну и зря. — улыбнулась девушка. — Ничего интересного в их жизни нет. Только и

умеют, что мучить людей в своих пыточных камерах.

— Да были бы люди... — проговорил Ницер. — А то ведь одержимые. Да ещё, к тому же, не признаются в этом!

— Я не одержимая. — скромно сказала девушка. И тут же грубо кинула Ницеру: — В отличие от тебя, старый дурак. Скоро совсем загноёшься!

— Ах так! — спокойно проговорил Ницер, посмотрев на девушку. Повернув голову, он обратился к Клефу: — Я могу считать это оскорблением?

— Можешь, Ницер. — ответил тот.

Между тем Форс, рассматривающий рисунки, заметил, что большинство из них это абстрактные изображения природы и каких-то существ, а некоторые — весьма странные, на них изображены черепа, кости, умершие люди. Они тоже были прекрасны, но их красота была в то же время и пугающей.

— Почему ты рисуешь такие картины? — указал Форс на одну из них. — Ведь ты могла бы прекрасно рисовать природу, у тебя это так здорово получается!

— Понимаешь, Форс, это моя суть, — сказала девушка, — я просто выражаю себя на этих картинах.

Гаппа начала указывать на картины пальцем и комментировать их:

— Вот тут я весела. Вот это я грущу. Вот здесь я добрая. А здесь, — взяла она в руки тёмный рисунок с черепом, — здесь я зла. У меня есть разные рисунки, где я в депрессии, где я готова всех убить, где я плачу...

— В общем, художница была бы замечательная. — прервал Ницер. — Если б не поддерживала наших врагов.

— Я не верю, что она заражена. — сказал Форс, рассматривая её рисунки. — Одержимые себя так не ведут.

— Ха, ну и попробуй докажи это им. — засмеялась девушка. — Уже полмесяца меня здесь держат. А я домой хочу. К родителям!

— Да что ты говоришь, красота ты наша. А ничего что ты стольким стражам подслела духов?

Девушка засмеялась, но при этом видно было, что она разочарована и едва не плачет.

— Вы все заражены. Я только открыла вам глаза на это.

— Смеёшься? Смейся, смейся. — Ницер взял в руки рисунок, который только что рисовала девушка. Он был уже почти нарисован, осталось дорисовать совсем немного. Ницер развернулся к Форсу и, показав рисунок, спросил: — Красиво, правда?

— Да, очень. — проговорил Форс, восхищаясь.

— Ой, уже не очень. — произнёс Ницер, разорвав рисунок пополам.

— Нет! — закричала девушка, протягивая руки к рисунку, однако Ницер отошёл от стола и девушка не смогла дотянуться до его рук.

— Что ты делаешь? — удивился Форс.

— Я? — спросил спокойно Ницер. — Я всего лишь показываю тебе её настоящую суть.

— Закрыли меня здесь, издеваетесь, — кричала девушка, — теперь ещё и рисунки мои рвёте! Не надо! Это всё, что у меня осталось.

Она попыталась встать, однако ноги её не держали, и она тут же упала обратно на стул. В итоге, в бессилии что-либо сделать она сложила руки на стол и заплакала.

— Она что, не может ходить? — спросил Форс, однако его вопрос остался без ответа.

— С тобой я уже разговаривал, Гаппа. Позволь мне поговорить с тобой настоящей. —

говорил Ницер.

— Не отбирайте рисунки... Это всё, что у меня осталось. — плакала, лёжа на столе, девушка. — Позвольте мне рисовать!

— Что происходит? — недоумевал Форс. Ему было жалко смотреть на девушку.

— Плачешь? — усмехался Ницер. — Мне кажется, что ты забыла, кто ты на самом деле!

Подняв со стола свои заплаканные глаза, Гаппа посмотрела с ненавистью на Ницера.

— Воот, уже лучше. — с издёвкой произнёс тот, подойдя ближе и упёршись руками в стол. При этом он демонстративно наступил на одну из половинок порванного рисунка, упавших на пол, и сказал, глянув вниз и растирая его ногой по полу: — Ой, печаль-то какая. Рисунок уже не восстановить.

— Это ваши души уже не восстановить! — закричала девушка, глядя на Ницера. — Будьте вы прокляты! Будьте вы все прокляты!

В этот момент всё пространство в камере начало словно потряхивать, вокруг, словно пылинки, начали мелькать непонятные белые искры, а картина окружающих стен стала местами словно искривляться, тут же возвращаясь в привычное своё состояние.

Девушка отвернулась от вошедших и заплакала. Но это продолжалось недолго. Через некоторое время её голова резко повернулась к Ницеру, так резко, что Форс, смотрящий на это, испугался и отшатнулся назад. Девушка смотрела на мага не моргающим взглядом и в глазах её читалась ненависть. Листочки рисунков, лежащие на столе, сами собой поднялись вверх, так же, как и волосы девушки. И тут у Форса внутри проявился сильный страх. В животе всё сжалось, будто извне кто-то ударил ниже солнечного сплетения.

Форс оцепенел и стоял молча, наблюдая, как пространство вокруг меняет свой вид, пока не почувствовал, как кто-то взял его за плечо и потащил назад. Последнее, что он увидел — спину Ницера, пристально смотрящего в глаза девушки.

Очнулся Форс уже в коридоре-туннеле. От ударов по щекам. Открыв глаза, он увидел Ницера и Клефа, сидящих над его лежащим на полу телом.

— Отлично, проснулся. — хихикал Ницер. — Ну что, Форс, отключился ты, не выдержало тело.

— Я займусь с ним телесно-энергетическими практиками. Индивидуально. Подготовим. — отвечал ему Клеф.

— Ну всё, с меня хватит таких экспериментов! — послышался откуда-то сзади голос командира гарнизона. — Вы мне ещё мальчишку убейте здесь!

— Не беспокойся. — пробормотал Ницер. — Быстрее она вас угробит, чем мы здесь кого-либо.

— Ты меня так не пугай, — отозвался командир, — мне к ней ещё чернила сегодня занести надо.

— Занесёшь, не бойся. — сказал, вставая, Ницер. — Только не зли её, и всё.

— Ну всё, поднимайся. — потянул Форса вверх Клеф.

Поднявшись на ноги, Форс ещё некоторое время не мог говорить. Он шёл по туннелю и просто слушал, о чём говорят Клеф с Ницером.

— Телесные практики, это конечно хорошо, — говорил Ницер, — они здорово помогают, когда сознание чисто. Когда тело боится, а голова делает. Тогда приходится сознанию преодолевать сопротивление тела, и если тело не готово, то это даётся с большим трудом.

— Да, но телесные практики и сознание меняют. — отвечал Клеф.

— Меняют, но не настолько, насколько можно поменять его в непосредственной близости с духами.

— Опять ты о своих жёстких методах?

— Не существует никаких других методов, друг мой. Либо ты учишься этому на реальных примерах, либо приобретаешь этот опыт на поле боя.

Разговор продолжился, когда троица распрощалась с командиром гарнизона и вышла за двери бункера. Тёплый ветер подул им в лица и они ощутили контраст между холодным подземельем и жаркой поверхностью.

— Что ты порекомендуешь в таком случае? — пошёл в сторону карьера Клеф.

— Я порекомендую Форсу сделать выбор. Если он готов работать с тем, что он видел сегодня, — сказал Ницер, махнув рукой на вход в бункер, — пусть приходит ко мне. Если раздумает, пусть лучше возвращается в своё селение.

Гордой походкой она вошла в горное селение. Девушка в длинном коричневом плаще-палатке, с небольшим, но под завязку забитым рюкзаком за спиной, с гордым и уверенным взглядом. Уже второй год Граса Первая — хранительница традиций тайного ордена странниц правосудия. Она прошла все этапы подготовки и в свои одиннадцать лет стала действующим агентом ордена странниц.

Теперь она умела намного больше, чем обычные люди, эти знания были дарованы ей орденом, и эти знания, и эта сила должны были послужить оружием, которое приблизит цивилизацию Иргента к победе. В войне с туманными духами важную роль играют «матки» — духи-рассадники подселенцев, захватывающие сознания существ, которые могут стать хорошими распространителями туманной заразы. Такие духи обычно захватывают сознания довольно известных и значимых личностей со множеством социальных связей, либо умелых магов, которые незаметно, но эффективно делают своё дело: заражают других людей. И если в первом случае распознать очаг заражения довольно просто, проследив цепочку до него, то во втором случае борцы с духами имеют дело с хорошо подготовленным и знающим своё дело противником.

Вот и сейчас Граса знала, что здесь, недалеко, либо в этом селении, либо в окрестных, бродит он, один из легендарных тёмных магов Иргента, на поиски которого у ордена уже ушло много лет. Граса была готова к встрече с ним, но, зная его скрытность, понимала, что найти его будет сложно.

Выбрав один из больших и красивых домов, который больше всего ей приглянулся, она решила остановиться в нём. Войдя внутрь, она обнаружила там мать и троих детей — одного лет пяти, и двоих помладше — около года.

— Здравствуй, девочка. Зачем пришла? — спросила мать.

Ничего не сказав, Граса вытащила из кармана жетон и показала его женщине. Поняв, что имеет дело со служительницей порядка, женщина спросила:

— Чем могу помочь?

— Накорми меня. — сказала Граса, садясь за стол.

— Хорошо, у меня как раз еда на крыше ещё не остыла! — с улыбкой произнесла женщина, поднимаясь по лестнице на крышу, где на раскалённых металлических листах грелась под светом свечей еда для детей.

А тем временем неподалёку отсюда, в посёлке чуть ниже на склоне, была на задании её напарница Ална. Она тоже искала мага, который прятался где-то в этой местности. Красноглазая Ална была на три года старше Грасы, в ордене она была уже шесть лет — на четыре года дольше, однако Грасу считали более талантливой ученицей в ордене.

Граса уже начинала есть, когда внезапно в её сознание врезались образы, передаваемые Алной. Граса увидела зелёный горный склон, на котором стояла девушка. Вместе с этим образом Граса считала и «красный сигнал» — просьбу о помощи, посланную в виде красного камня, стоящего в катакомбах, на образе которого отрабатывались приёмы телепатической трансляции.

Граса поняла, что ей срочно нужно идти на помощь. Она молча встала из-за стола и покинула дом. На краю посёлка она зашла в хижину, и, попросив посторожить вещи, бросила там рюкзак и плащ, в котором было уже жарко передвигаться днём.

Ална стояла в сером плаще на склоне-поляне, её взор был устремлён вдаль, на соседнюю гору. Она чувствовала, что рядом кто-то находился, и потому старалась не подавать вида, что знает о его присутствии. Всё, что могла, она уже сделала. Послав телепатически сигнал всем, кто был по близости и Элеоноре, она надеялась, что на этот раз ловушка захлопнется, и пока маг следит за ней, придут те, кто выследит его.

Однако совершенно неожиданно для неё, далеко за спиной Алны послышался насмешливый мужской голос:

— Ну чего ждёшь, лови меня!

Обернувшись, Ална увидела человека в чёрном плаще и с чёрной маской на лице. «Хитёр же он» — подумала девушка. — «Думает, что в маске не узнаем».

— О чём ты? — изобразила она недоумение на лице, подумав про себя: «надо тянуть время».

— Да так, о том, что доблестные странницы уже давно меня ищут. И ты в их числе. Уже успела послать сигнал? — говорил мужчина в чёрном, медленно двигаясь вокруг стоящей неподвижно девушки на расстоянии три-четыре человеческих роста.

— Какие странницы? Я правда не знаю, о чём ты.

В этот момент девушка почувствовала, как сзади, за спиной, кто-то пробежал. Она резко обернулась, но никого не увидела. Снова посмотрев на мужчину, она обнаружила, как он смотрит вдаль, вытянув руку, словно указывает кому-то. Демонстративно махнув рукой, он снова посмотрел на неё.

— Да, как видишь, я здесь не один. Я пришёл, чтобы предупредить тебя.

Страх уже давно начинал подкатывать к горлу девушки, однако теперь он охватил область от головы до сердца, в горле стоял ком, который, казалось, вот-вот и не позволит крикнуть. Она понимала: ждать больше нельзя. «Надо что-то делать» — пронеслось в голове Алны.

— Я скажу, что тебе делать. — сказал мужчина, словно прочитав её мысли. — Скоро здесь будет пекло. Беги.

Мужчина снял с лица маску и девушка увидела красивое лицо с густой бородой, искрящиеся голубые глаза, в которых читалась уверенность и ясность. Это лицо смотрело за спину девушки, постепенно на нём появлялась гримаса тревоги и страха.

— Всё, медлить нельзя! — крикнул мужчина. — Если хочешь жить — беги!

С этими словами маг развернулся и убежал по тропе, рядом с которой произрастал не очень древний лес.

Девушка почувствовала, что позади неё кто-то стоит. Обернувшись, она увидела нечто, висящее в пространстве на вытянутую руку от неё, бесформенное, слегка плотное. Не успев испугаться, она протянула к нему руку, чтобы потрогать, но как только существо в ответ тоже протянуло свою, девушка вскрикнула и бросилась бежать. Она попыталась выбежать на тропу, ведущую к селению, но существо, висевшее в воздухе, двигалось рядом с ней и преградило ей путь туда. Оставалась два пути: наплевать на тропы и бежать, куда глаза глядят, или же броситься по тропе, по которой убежал маг.

В первом случае можно заплутать или же выбежать к обрыву, во втором — наткнуться на мага, который может устроить ловушку. Мгновенно оценив обстановку и решив, что падать с обрыва менее завидная перспектива, нежели схлестнуться в рукопашной с магом, девушка побежала по тропе.

Тропа петляла между деревьев и вела вверх в гору. То и дело на пути попадались

большими камнями отдельные растущие из почвы отвесные скалы. Девушка бежала, оглядываясь назад, то и дело чувствуя спиной присутствие кого-то незримого.

В конце концов, пробегая мимо одной из больших скал, выше человеческого роста, она услышала, как над ней кто-то оттолкнулся от камней и летит в воздухе прямо на неё. Не успев обернуться, странница ощутила удар чем-то тяжёлым по затылку. Потом было падение на тропу, и чьи-то ловкие руки подхватили тело в полёте, не дав ему удариться о камни. Затем кто-то взял её на руки. Однако разглядеть его девушка уже не смогла. Её глаза закрывались и сознание погружалось во тьму...

Прибыв на то самое место, образ которого транслировала недавно Ална, Граса не обнаружила там никаких следов девушки. Пройдясь чуть дальше по тропе, Граса нашла на ней упавший медальон, принадлежащий Алне.

— «Просто так он не мог вылететь из закрытого кармана.» — думала Граса, — «Кто-то специально подбросил его здесь. Возможно, пытаясь запутать следы.»

После подоспели ещё две странницы. Обследование места привело к выводам: маг, которого так опасались девушки, действительно очень опасен. Он даже смог похитить одну из представительниц ордена.

— Теперь к поискам этого человека должны подключатся все силы ордена и тайная стража. — отчитывалась перед Элеонорой Граса. — Странницам стоит ходить на задания группами по два-три человека. Держаться недалеко друг от друга, чтобы в случае нападения иметь возможность дать отпор. В случае опасности применять крайние меры.

— Полностью согласна с Грасой. — Элеонора, судя по мимике, была встревожена последними новостями. — Я сегодня же свяжусь с моими друзьями из тайной стражи, они подключатся к нашим поискам.

Женщина мяла руки и явно волновалась, глядя то в пол, то по сторонам. Она продолжила слегка дрожащим голосом:

— И таким образом, этот маг, имени которого мы не знаем, однако точно знаем о его связях с Фисироцем, является вторым человеком после Фисироца, к которому я разрешаю применять крайние меры. Если не сможете его поймать — убейте!

Встав с кресла, Элеонора подошла к выстроившимся в ряд странницам. Осмотрев тех, кто был на задании, она спросила:

— Почему вы так и не смогли определить, где они?

— Мы не понимаем, — начала оправдываться одна из них.

— Там всё было, как будто она в пещере. — тут же перебила вторая.

— Но нет, это не пещера, — вмешалась Граса. — Это слишком глубоко под поверхностью, словно разлом в коре планеты.

— Только как они туда попали, мы не понимаем. Там по логике должны быть входы, но видение говорит, что входов туда нету.

— Что ж, видение не может обманывать, — Элеонора была явно опечалена. — Если бы одна ошиблась, а тут сразу трое... Не может быть...

Повернувшись, она пошла к креслу, но тут же остановилась, и начала кругами расхаживать по залу.

— Опасен, очень опасен. — повторяла она еле слышно. — С каких это пор ты стал для нас недосягаем?...

С того момента, как Элеоф впервые оказался за гранью привычного мира в

пространственном разломе, он долгое время туда не возвращался. Человеческое тело оказалось настолько не готово к подобным перемещениям, что они явно грозили поначалу тяжёлыми последствиями в виде головных болей и полного упадка сил.

Полностью адаптировать тело к новым энергиям, которые позволяют проникнуть в пространственный разлом, не удавалось. Однако удалось хоть немного снять последствия их воздействия, применяя довольно интересные камни с далёких гор на пустошах. Камень назывался хавелин, и помимо всего прочего, он обладал неярким синим свечением. Зарядив россыпь хавелина от металлической болванки, которая была, в свою очередь, заряжена энергией мощного источника на месте силы, Элеоф получил таким образом комбинацию энергий, способную восстанавливать энергетические каналы после такого сильного удара, как перемещение тела сквозь пространственный разлом.

В конечном итоге маг получил относительно действенный рецепт для восстановления физического тела: после перемещения лежать на россыпи заряженного хавелина, по возможности так же обложить камнями тело.

Ещё дважды шагнув в разлом и обратно, он опробовал этот метод на себе и пришёл к выводу, что энергетика восстанавливается, а вот тело вполне может серьёзно пострадать. Однако пока действенных способов восстановления тела не придумано, перемещаться через каверны придётся так, как есть. И созревший план в голове Элеофа будет реализован уже в скором времени.

Она проснулась от ужасной головной боли. Открыв глаза, она обнаружила себя в полной мгле. Попытавшись переключиться с прямого зрения на энерговидение, она поняла, что тело неспособно на это. Голова болела, кости ломило, включить свои способности было нереально, она снова стала обычным человеком.

Попытавшись ощупать окружающее пространство, она обнаружила, что плотно завёрнута в одеяло. Вытащив из под одеяла руку, девушка почувствовала холод окружающего пространства. Рука отправилась обратно. Тело съёжилось, представив, что вот-вот нужно будет вылезти из под тёплого одеяла и двинуться на ощупывание местности.

Через некоторое время девушка услышала в полной тишине чьё-то дыхание. Поняв, что она в ловушке, она оставила попытки выбраться.

— Чего тебе надо от меня? — спросила она и услышала в окружающем пространстве сильное эхо.

— Говори тише. — послышался издали усиливаемый эхом шёпот.

— Я сейчас вообще закричу! — ещё громче сказала она, подперев тело локтями и приподнявшись.

— Как тебя зовут? — спросил голос.

— Вот ещё! Так я тебе и... — на этой фразе девушка закашлялась.

— Здесь очень холодно. Залезай обратно под одеяло. — сказал голос после того, как кашель утих.

Оказавшись снова под одеялом, девушка обнаружила, что её тёплый плащ на ней отсутствует.

— Ты украл мою одежду! — прошептала она без сил.

— Твой плащ лежит под тобой. Я подстелил его, потому что на камнях жёстко.

Нащупав рукою плащ, Ална обнаружила под собою сухую солому.

— Кто ты?

— Тот, кого вы дважды пытались убить. — мужчина в темноте повысил голос. — И ловите много лет, и будете ловить всю свою недолгую жизнь.

Продумав в голове идею о том, что нужно что-то предпринимать, Ална попробовала связаться телепатически с девушками из ордена. Однако все энергетические каналы были перебиты, тонкие тела были даже в худшем состоянии, чем физическое тело.

— Я не буду ничего тебе говорить — прошептала девушка. — Я просто сама сейчас умру.

Тут она услышала эхо приближающихся шагов. В темноте что-то светилось.

— Не бойся. — шёпотом сказал приближающийся человек. — Это восстановит твои силы.

Ална была не в силах сопротивляться и лежала неподвижно. Она увидела, как в темноте появилось светящееся нечто. Оно опустилось прямо ей на голову, и Ална почувствовала подушечку из каких-то плотных тканей, внутри которой сиял синий свет. По ощущениям подушечка была довольно тяжёлой и давила на голову. Но это давление не усиливало боль, а напротив, расслабляло голову и тело. Боль постепенно начала уходить, пока незнакомец, присев рядом, наливал что-то в какую-то ёмкость.

Вскоре он протянул стакан с горячей настойкой из трав и сказал ей:

— Выпей.

— Ещё чего! Отрвайти меня решил? — отозвалась Ална.

Мужчина демонстративно наклонился возле её уха и выпил содержимое стакана. Запах, донёсшийся до носа, был запахом привычных горных травяных настоек. Мужчина вытащил её руку из под одеяла и вложил в неё маленький кувшин с настойкой.

— Здесь очень холодно. Чтобы сохранить тепло, пей.

— Ты меня надолго здесь запер? — возмущённо проговорила Ална, отхлёбывая настойку.

— Не запер. — из уст незнакомца вырвался смешок. — Замуровал.

— Отпусти меня! — попыталась договориться девушка. — Я никому не расскажу об этом месте.

— Ну конечно, не расскажешь! — засмеялся маг. — Сразу же своим транслируешь, как только выйдешь наружу. С одной оговоркой. Если выйдешь.

— Я тебе покажу «если»! — начала угрожать девушка. — Если хоть один волос упадёт с моей головы, то в ближайшее время здесь будут странницы, и ты ответишь...

Прервать гневную тираду заставил сильный смех мужчины, отзывающийся эхом, от которого начинало звенеть в ушах.

— Тише ты! У меня голова болит! — умоляюще произнесла она.

— Уже, девочка, уже. — шёпотом с усмешкой произнёс мужчина. — Они уже здесь.

Поняв, что её пытаются дурить, девушка не произнесла ни слова. Мужчина забрал светящуюся подушечку и она скрылась где-то во мраке его карманов.

— Значит, думаешь, за тобой придут? — мужчина встал и пошёл вдаль. — У тебя кувшин, грейся, когда поймёшь, что никто за тобой не придёт и отсюда не выбраться, дай мне знать.

— «Да чтоб ты провалился» — подумала Ална.

Через некоторое время вокруг стало тихо. Подождав немного, она услышала, как мужчина заснул. Приготовившись вылезти и попытаться нанести ему удар, Ална тихо стаскивала с себя одеяло. Передвигаться в темноте, конечно, не было завидной

перспективой, однако делать что-то нужно было. Через некоторое время Ална услышала, как мужчина встаёт, и замерла. Постояв несколько мгновений, он сделал несколько шагов. Затем всё стихло. Причём стихло насовсем.

— «Не мог же он замереть и беззвучно стоять в одной позе?» — подумала она.

— Эй! Кто ты? Что ты делаешь? — вопрошала девушка.

Ответа не было. В этом странном замкнутом пространстве теперь находилась только она.

— «Значит, выход там!» — решила девушка.

Голова болела уже меньше, сил в теле не было вообще, жутко хотелось спать. Но, поборов в себе сонливость и разбитость, Ална скинула с себя одеяло. Отовсюду повеяло холодом. Тело было вынуждено мобилизоваться. Вытащив из под себя плащ, Ална надела его и встала. Она двинулась туда, где только что «исчез» мужчина. Ощупывая пространство вокруг руками и ногами, она дошла по скользким камням до каменной стены. Ощупав её, никаких признаков выхода странница не нашла.

Ещё четверть часа, проведённая в поисках выхода, и вот уже всё пространство пещеры было изучено руками вдоль и поперёк. Никаких ходов, лазеек и прочих дыр выявлено не было. Одеяло, в которое укуталась Ална чтобы не замёрзнуть, остыло, серьёзно замёрзли руки. Головою девушка несколько раз ударялась о своды пещеры.

Устав от всего этого и валясь с ног, Ална нащупала кучу сена, на которой она проснулась. Теперь она понимала, почему сена здесь так много. Только так можно было согреться и не терять тепло в холодной пещере. Отпив уже чуть тёплой настойки из кувшина, странница сняла с себя плащ. Расстелив свой плащ, она укуталась в тёплое одеяло и тут же уснула.

Проснувшись, девушка чувствовала себя лучше. Она телепатически связалась со странницами, послав им образы всего, что успела запомнить. Тут она оценила полностью хитрость своего противника. В школе тайного ордена странниц учат телепатическому обмену образами. Если образа нет, послать что-либо весьма сложно. В этой же пещере кромешная тьма, и каких-либо образов относительно неё просто не возникает. Ална поняла, что не может дать ни единой зацепки своим спутникам.

Приняв от них телепатически образы местности, на которой её ищут, она поняла, что находится где-то под землёй. Где тут выход, было совершенно неясно. «Поскорее бы меня нашли» — подумала она.

Прождав ещё некоторое время, она поняла, что может замёрзнуть в этой пещере. Она начала растирать своё тело, похолодевшие пальцы ног и рук.

— «Нет, так не может долго продолжаться» — думала она. — «Должен же быть какой-то выход!»

Отчаявшись согреться, Ална решила связаться с самим мужчиной. Припомнив, как тот снял маску с лица, она поняла, зачем он сделал это — чтобы легче было настроиться на образ лица и передать информацию именно ему. Возможно, для этого он и сделал тогда гримасу страха — яркие образы легче запоминаются.

«Достучаться» до мужчины оказалось несложно. Как только телепатическая связь возникла, она попыталась транслировать ему хоть что-то.

— «Мне холодно, выведи меня отсюда наконец!» — подумала она в это время.

И тут же в голове её возникла будто бы её, но странная мысль:

— «Подожди, я скоро приду».

Попытавшись понять, придумала она себе это сама или нет, Ална задала вопрос, повторив его вслух:

— Это ты со мной общаешься?

— «Ну а кто же ещё?» — внезапно возникли сами собой слова в сознании девушки.

Тут же она подумала: «Ничего себе, как мой разум со мной развлекается». Но через мгновение последовал «ответ»: «Не знал, что вы в ордене такие дуры. Чему вас там только учат?».

Подумать такого Ална не могла. Она считала школу ордена самой продвинутой на Иргенте. До конца осознав, что её мысли читают, она всеми силами попыталась прервать телепатическую связь. «Подумать только! Какой-то маг-отшельник умеет больше, чем мы в ордене!» Ещё раз прислушавшись к тишине, словно проверяя, не читает ли кто-то её мысли, она начала осознавать, что имеет дело с куда более развитым и опасным субъектом, чем могла себе представить.

— Только не надо меня упрекать в негуманности — послышался шёпот словно возникшего из неоткуда мужчины. — Я видел, в каких условиях странницы содержат своих пленников. Твоё заточение здесь весьма гуманно, потому как мало чем уступает заточению в катакомбах.

— Откуда тебе известно про катакомбы?!

— Мне всё про вас известно. — ответил мужчина. — Говори тише. Лучше шёпотом.

Подойдя к Алне, мужчина передал ей тёплый кувшин с настойкой. Ална отхлебнула и сплюнула.

— Не волнуйся, это горные травы. Они острые на вкус, зато очень хорошо согревают. Пей, согреешься.

— Почему я должна тебе верить? — спросила девушка.

— Потому что у тебя нет выбора. — ответил он. — Без меня тебе отсюда не выбраться.

— Что тебе нужно от меня?

— Ты должна принести мне один предмет. Если точнее, хрустальный шар. Я покажу тебе куда идти телепатически, когда ты окажешься в катакомбах, и ты вынесешь его мне. Только и всего.

— Что находится в этом шаре?

— Ничего. Сам по себе он просто интересный артефакт. Он мне нужен для коллекции. — усмехнулся маг. — Да, пока вы пыжитесь, чтобы меня поймать, я спокойно коллекционирую нужные мне вещи. Теперь вот и вас решил обокрасть.

— И что тебе дадут все эти штуки? Власть над миром? — попыталась пародировать его усмешку Ална.

— Нет, что ты, мне она не нужна и даром. Мне интересны другие вещи. — мужчина помолчал и предугадывая логичный вопрос, продолжил: — Способности, например. Чем больше у тебя даров, тем больше ты можешь на этой планете. Дары решают всё.

Ална молчала и понимала, что по сравнению с этим субъектом она — скорее бездарность. Впрочем, доверия этому опасному типу у неё не было ни капли. Между тем он продолжал свою речь:

— Вот ты, например. У тебя есть серьёзный дар. Ты рождена, чтобы дарить жизнь. При этом почему-то ты учишься её отнимать.

— Дарить?!

— Я к тому, что ты прекрасная девушка. — после недолгой паузы ответил маг.

— Ну да, замечательный дар, родиться женщиной! — с ухмылкой сказала Ална.

— Я к чему всё это говорю? — шептал голос в темноте. — Таким как ты нужно детей воспитывать, а не людей убивать.

Рука мага коснулась легонько её щеки, и она инстинктивно схватила руку, слегка испугавшись. Но тут же опустила, опешив от осознания того, что маг ещё и видит во тьме, раз смог так легко и точно прикоснуться к щеке.

— Тебя учили только убивать. Я не беру все ваши штучки с видением и телепатией, это детский сад, вас ничему по факту не учат, потому что вы лишь расходный материал.

— Да что ты знаешь об ордене?! — в сердце девушки проснулась обида.

— Я знаю всё! — тут же возбуждённо перебил мужчина. — Я видел, как тебя инициировали, я видел, как ты получала поздравление, когда Элеонора подарила тебе серебряную птицу, которая сейчас лежит у тебя на постели в катакомбах! Я видел...

— Как? — удивлённо прошептала девушка, не в силах проронить больше ни слова.

— Я расскажу тебе как. Я покажу тебе настоящую жизнь, я научу тебя всему, что знаю. Уходи из ордена и становись моей ученицей.

— Ты в своём уме? — удивилась девушка. — Почему я должна бросить всех своих подруг и стать прислужницей дикаря-отшельника, пусть даже шибко развитого? А дары, которые открыл во мне орден? Я стану обычным человеком без них! А свобода? За мной же все будут охотиться! А личная жизнь? Или прикажешь мне быть твоей навеки?

В тиши пещеры воцарилось молчание. Словно взвесив все аргументы девушки, маг вздохнул и сказал:

— Ладно, тогда просто достань мне шар.

— С чего ты вообще взял, что выйдя на свободу я не обману тебя, а принесу тебе шар?

— Не мне, красавица. Не мне. Ты оставишь шар в условленном месте. Я появлюсь там на секунду, а потом исчезну, словно меня там и не было.

Девушка засмеялась, и раскатистое эхо её звонкого смеха прокатилось по пещере.

— Рассказывай, сказочник... — посерьёзнела она, поняв, что готова даже поверить в невозможное рядом с ним.

— А принесёшь ты его мне по одной причине. Если ты этого не сделаешь, ты тотчас окажешься здесь. — соврал, не подав виду, Элеоф. — И будешь здесь мёрзнуть уже под холодным одеялом и без кувшина. Пока не согласишься на все мои условия.

— Ты сумасшедший? — спросила она.

— Сейчас я покажу тебе, какой я занятный псих. — посмеялся мужчина, вставая. — Поднимайся. Представление начинается.

Почему я должна тебе ве... — начала она, но руки мужчины аккуратно подхватили её и потянули вверх.

Мгновенно в её сознании промелькнула вспышка ярости и раздражение от вторжения в личное пространство, однако словно почувствовавший всё это маг тут же начал успокаивать её, прошептав на ухо:

— Тише, тише. Тсссс! Не позволяй ему овладеть твоим сознанием.

— Кому это, «ему»? — испугалась девушка.

— Тому, кто тебя контролирует. И всех вас. Если ты захочешь узнать о себе всё, то я с удовольствием расскажу тебе, что с тобой происходит на самом деле. — говорил маг, поднимая девушку на ноги.

«Да что я, сама себя не знаю что ли?» — думала она, раздражаясь ещё больше. Но

раздражение сменил страх: «А вдруг он знает что-то страшное, чего не знаю я о себе?». Тут же на него прикрикнула логика: «Он пытается обмануть и запутать тебя, не позволяй делать этого с собой!».

После того, как давнему другу — разуму, внушили что все одержимые такого уровня прекрасно владеют убеждением, Ална старалась меньше верить тем, кого орден подозревал в одержимости.

Закутав её в одеяло, маг вёл девушку, объясняя ей, где нужно пригнуться, а где поднять ногу выше. Дойдя до определённого места, он снял с неё одеяло со словами:

— Мне нужно сесть и настроиться. Не вздумай меня убивать. Без меня ты отсюда не выйдешь.

Удивившись тому, каким спокойным тоном он это говорит, девушке подумалось, что даже смерти он не боится. И вообще, таких интересных людей она в своей жизни не встречала. Не был бы он одержим... Мысли девушки прервал мерный храп застывшего где-то мужчины.

— И это всё? — от удивления слетели с уст Алны слова.

Однако девушка решила ещё немного подождать, и совсем скоро маг вернулся в сознание. И девушка почувствовала, что от него веет какой-то мощной, пробирающей до костей энергией.

Он укутал её в одеяло и подвёл ещё на несколько шагов дальше, произнеся:

— Не забудь выпить ещё согревающей настойки. Тепла от неё должно хватить часа на три. Укутайся в одеяло и спи.

— А ты?

— У меня дела. А перед сном ты должна подумать над моим предложением. И чтобы мои слова не казались тебе бредом, я покажу выход.

Мужчина прислонил Алну к стене, взял её руки в свои и отошёл от неё, вытянув руки до предела. Она шагнула вперёд, но он сказал:

— Нет, отойди назад, руки должны быть вытянуты.

Она повиновалась. И тут случилось то, чего она не могла себе представить даже в страшном сне. Он шагнул к ней, крепко сжав её руки, но чем ближе он приближался, тем менее плотными становились его кисти. Через мгновение только холодок прошёл по телу Алны, перед которой только что растворился, пройдя сквозь неё, живой человек.

Оставшись наедине с собой, она нащупала свою лежанку, ударившись головой о свод теперь только один раз, закуталась в одеяло и стала думать. Глотнув настойки из кувшина, девушка наконец смогла поверить в произошедшее. По телу разливалось тепло напитка, под одеялом даже становилось жарко, однако Ална понимала, что лучше сохранять тепло и не раскрываться.

С одной стороны она боялась этого мужчину, с другой страх перед ним перевешивало странное чувство приятия, даже восхищения перед его способностями. Да и он сам, несмотря ни на что, был очень притягателен и красив. «Жаль, что туманные духи забирают таких, ведь они могли бы принести столько пользы!» — подумала она наконец. Однако сознание уже тяжело справлялось с щемящим чувством в груди. Тело хотело узнать поближе этого человека, несмотря на все страхи сознания. Хотелось обнять его и почувствовать ближе, если сердце не закроется от страха. Впрочем, Ална старалась не думать об этом. Но спать не хотелось, и пришлось прогнать в голове все варианты развития её жизни, даже представить, что она становится скитальцем и путешествует вместе с ним, обучаясь от него

всему, чему только возможно. Тут же разум отгонял подалее эти мысли, но они возникали снова. Поделаться с этим она уже ничего не могла.

Через несколько минут она погрузилась в глубокий сон.

Чьи-то руки мягко сжали её плечи. Мгновенно сработал инстинкт самосохранения и она схватила одну из них, вздрогнув.

— Тише, это я.

— Ну да, кто ещё может сюда пробраться... — зевнула Ална. — Сколько я проспала?

— Да немного. Мне сейчас важно другое. У тебя было время подумать. Что ты решила?

— Знаешь, мне кажется, у меня нет выбора. — улыбнулась себе в темноте девушка. —

Ты же всё равно не выпустишь меня отсюда, пока не добьёшься своего?

— Верно мыслишь.

— Так и будешь носить мне кувшины с горячими напитками? — усмехнулась девушка.

— Придётся носить ещё и горшочки с едой, а то погибнешь с голоду. — шутливым тоном произнёс незнакомец.

Девушка засмеялась и перевернулась на бок, подтянув к груди свои ноги и свернувшись клубком.

— Можешь считать, что ты мой раб! — протянула она руку к его ноге, стоящей рядом на камнях. — Отныне и навечно ты будешь кормить меня!

— Отлично, всегда мечтал кормить слепую красавицу. — усмехнулся, на этот раз, он.

— Почему слепую?

— Потому, что глаза человека, живущего в полной темноте много дней, постепенно перестают видеть. Чем дольше человек пробудет в таких условиях, тем серьёзнее ухудшается зрение, пока совсем не пропадёт.

— Правда?

— Правда. Так что принимай решение быстрее. Я не хочу чтобы ты хуже видела из-за меня.

— Слушай, а меня не накажут за то, что я украду для тебя этот шар? — устало спросила Ална. — Вдруг меня выкинут из ордена и я не смогу дальше жить?

— Во-первых, я буду указывать тебе, куда идти, и никто тебя не заметит. — жёстким тоном ответил маг. — Во-вторых, с каких это пор ты не представляешь себе жизнь без ордена?!

— Ты не понимаешь. Орден это хорошо. У меня там все подруги. Все мои способности дал мне орден и я не смогу жить без них. Зачем жить, если ты обычный человек? Ты же понимаешь меня?

Было слышно, как маг присел на камнях рядом, вздохнул, и начал свою речь:

— Ты даже не представляешь себе, что ты на самом деле можешь. Да, ваши способности сейчас завязаны на энергии, которыми управляет орден. Но на самом же деле в твоих силах очень и очень многое. Орден манипулирует тобой, заставляя верить, что твои личные силы — это дары, подаренные свыше наставниками ордена. На самом же деле, вот увидишь, очень многое из того, что ты можешь, ты сможешь сделать и не будучи странницей правосудия. А те дары, которые реально завязаны на энергии, подконтрольные ордену, тебе не нужны. Это дары смерти и разрушения.

— Смерть и разрушение сеют такие, как ты! — едва не закричала Ална, и эхо её голоса долго летало под сводами пещеры.

— Тогда почему убивать учат тебя, а я лишь...

— А ты лишь бьёшь девушек по затылку так, чтобы они теряли сознание!? — возмущённо прошептала девушка. — Хороший герой нашёлся!

Поняв, что теряет с ней контакт, Элеоф сказал:

— Ладно. Не хочешь знать о мире всё, просто принеси мне шар. И я забуду про тебя.

— Я не хочу знать ничего от таких как ты! Ты лжец и обманщик.

— Истину всегда можно проверить на практике. Вот я, например, могу пройти через любые стены. Но я не собираюсь тебя в этом убеждать. Я просто могу тебе это продемонстрировать, что, собственно, и сделал.

— Не знаю, откуда у тебя все эти способности, но ты очень странный. — сказала Ална, про себя подумав: — «Удивительный.»

— Я тебя больше не побеспокою. Только принеси мне то, что я прошу. Не заставляй меня применять к тебе серьёзные меры.

— Раз уж тебе так дорог этот шарик, — сказала, поднимаясь, девушка, — я принесу тебе его, так уж и быть. Только научи меня делать так же!

— Ты про исчезновение? Ты же понимаешь, я не могу дать тебе этих знаний. Если они окажутся у тебя, ими вскоре завладеет и орден. Пока что вы для меня всего лишь безобидные дети, с которыми я могу делать что угодно. Но я не хочу чтобы вы завладели какими-либо знаниями, которые сделают вас опаснее. А свободы ты не хочешь, так и будешь прислуживать Элеоноре. Стало быть, я ничем не могу тебе помочь.

— Помолчав немного, маг добавил:

— Поверь мне, я найду, чем тебя отблагодарить. В нужный момент я смогу предупредить тебя об опасности, подсказать путь и так далее. Телепатическая связь со мной у тебя уже есть. Не будешь использовать её против меня — буду помогать тебе.

— Но орден же твой враг?

— Но ты не мой враг. И я надеюсь, скоро ты всё поймёшь. — сказал Элеоф, беря её за руку и вкладывая в эту руку кувшин. — Вот, выпей.

— Опять эта настойка! Может хватит?

— Не капризничай, так надо. — сказал Элеоф и прижал руку с кувшином к губам.

Девушка сделала несколько глотков, и тут же осознала, что не может контролировать своё тело. Она едва не выронила кувшин, однако руки мага вовремя поймали его, и ни капли жидкости не расплескалось. Сознание Алны погружалось в глубокий сон.

Проснувшись Ална уже в другом месте. Открыв глаза, она тут же закрыла их, крепко сжав веки и прислонив руку к голове. Яркий луч светил ударил в уже отвыкшие от света зрачки. Голова опять ужасно болела. Адаптировавшись к свету Ална начала различать контуры скал над головой. Она лежала рядом со скалой в гуще кустов и высоких трав. От скалы падала прохладная тень, однако девушка была укутана в тёплое одеяло, и оно согревало так, что было жарко.

Ална скинула с себя одеяло. В груди у неё бурлил клубок смешанных чувств. С одной стороны это было недовольство: «Да что он вообще со мной сделал, что у меня болит всё тело? Наверно это всё та дрянь, которую я выпила.» С другой стороны ей хотелось опять почувствовать на своей щеке его руку, схватить её и... И, может быть, уже не выпускать. Это желание, как мог, отгонял разум: «Опомнись, Ална, он же одержим!». Однако даже такая мысль не могла отогнать или приглушить очевидный факт: «Он удивительный»...

Форс проснулся в своей комнате. За окном ещё только начинало светлеть. «Надо поспать сегодня подольше, никаких планов на день нет.» — подумал Форс. Однако чтобы ничего не отвлекало его от сна, он решил выйти в туалет. Выйдя на улицу, он ощутил утреннюю прохладу и побрёл в полутьме по тропе к туалету. По дороге он вспоминал, как протекала его жизнь с тех пор, как он уехал из родного селения. Вот уже почти два года прошло с тех пор, он стал совершенно другим человеком, с новым уровнем знаний и опыта. Он изменился полностью, однако даже тех перемен, которые с ним произошли, было недостаточно. Несмотря на то, что сегодня он намного умнее, мудрее, его тело крепче, вся его сила — ничто по сравнению с той силой, которую он видел недавно в бункере. Да и эта девушка... Её прекрасный образ глубоко запал в сердце парня. Как может такая красота обладать такой разрушительной силой?

Спускаясь обратно, к своей казарме, ставшей уже домом, Форс увидел на тропе мёртвую змею. «Недобрый знак» — подумалось ему. Но долго думать о знаках ещё сонное сознание не хотело. Форсу вспомнилось, как полгода назад он успешно сдал все экзамены продвинутого курса обучения и получил перевод в этот действующий лагерь, поближе к страже, подальше от учебного центра. Вместе с тем он получил личную комнату вместо койки в общей комнате. И свой личный ключ от двери, который носил, привязывая к поясу, чтобы не потерять: карманов в лёгкой одежде не было. Вместе с тем он удалился подальше от суеты и имел много времени на раздумья. Сейчас это ему было нужно: принятие решения о своей дальнейшей судьбе — дело, требующее покоя.

— «Может снова сходить к отцу и спросить у него, он мудр, подскажет» — думал Форс когда открывал ключом дверь в свою комнату.

К отцу он ходил при первой же возможности — как только ополченцы выдвигались на задание на дикие земли, Форс старался отпрашиваться с ними, заглянуть в родное селение. Однако брали его далеко не всегда: зачастую задания требовали отсутствия посторонних при выполнении. Так что побывать дома парню удавалось даже не каждый месяц, максимум два-три раза в году. И каждый раз его приход был приятным сюрпризом для селения.

Открыв ключом дверь в свою комнату, Форс обнаружил записку на столе. Скорее всего она появилась ночью. Опять совершенно загадочным образом. Дверь была закрыта на щеколду, проникнуть в узкую щель окна никто не мог. Форса уже ничто не удивляло. Эти записки стали попадаться ему всё чаще. «Ну, что на этот раз?» — подумал парень, взяв записку. Развернув её, он прочитал следующее: «Если тебе дорога твоя жизнь, не проходи испытание». Что означало сие — парень не представлял. Загадочный некто предупреждает его заранее о событиях будущего?

В итоге, оставив эту записку без внимания ввиду непонимания её сути, Форс уснул и проспал ещё больше часа. Когда он проснулся, окончательно выспавшись, у него было большое желание выйти и гулять. Он удалился в ближайшую рощу, где провёл с деревьями очень много времени. Он вспоминал свои годы до прихода в базовый лагерь подготовки, вспоминал Синху и леса, по которым они ходили. Форсу было жаль, что он уже не может общаться с деревьями и окружающим миром. Тем не менее, он думал и надеялся встретить Синху вновь. Хотя уже и не верил до конца, что это случится.

Форс ходил по комнате, взвешивая все «за» и «против». Сюда его позвал Лекс, вернувшийся с задания. Лекс узнал от Клефа все подробности разговора с Ницером и решил поговорить с Форсом лично. Найдя его через полчас поисков в роце недалеко от лагеря, Лекс назначил ему встречу в удобное для всех время. В итоге комната, использовавшаяся для важных заседаний совета стражей, была выбрана для решения текущих вопросов.

— Я бы взял тебя к нам прямо сейчас, — говорил Лекс, — ты и сам знаешь, как я к тебе отношусь.

— А с другой стороны, — добавлял Клеф, — ты ведь можешь послужить год-другой в ополчении, набраться боевого опыта и потом приходить к нам. Это будет для тебя очень ценно.

— В общем, смотри по обстоятельствам. — резюмировал Лекс. — Если этот сумасшедший предложит учиться у него, лучше откажись. Я до конца ему не доверяю.

— Тогда почему бы вам не поговорить с советом и не решить этот вопрос безо всякого вмешательства посторонних? — спросил Форс.

— Я уже не раз разговаривал с Мифиопом. — отвечал Лекс. — Понимаешь, этот старик возраст человека ставит превыше всего остального, считая, что курсант в четырнадцать лет не может быть готов к нашей службе. А Ницер, судя по всему, вообще всех кроме себя самого считает сопляками. Вот и получается, что мысли Ницера по поводу тебя подтверждают заблуждения Мифиопа, и старик просто игнорирует все остальные доводы. «Молод» — и всё тут!

— Значит, ты считаешь, что послужить в ополчении будет даже полезно? — обратился Форс к Клефу.

— В принципе да, я думаю, Лекс меня поддержит. Люди, получившие боевой опыт в ополчении, имеют более широкий кругозор, чем те, кто служил только в страже. Мы с Лексом тоже начинали в ополчении, но мы начинали тогда, когда тайная стража только начинала формироваться. Потом и мы внесли и свою лепту в её развитие, став одним из лучших отрядов «чёрных мундиров».

— Тут есть ещё один немаловажный факт, — добавил Лекс, — мы позаботимся о том, чтобы ты попал в лучший отряд. Возможно даже помощником командира. Так ты быстро дойдёшь до командира отряда и будешь волен попроситься в тайную стражу сам, может даже уже через год службы.

— Но ты обязательно должен стать стражем. — Клеф улыбнулся. — Ты прирождённый страж. Мы поняли это ещё тогда, когда впервые тебя увидели и ты смог от нас улизнуть.

— Так это вы приходили за мной в посёлок? — удивился Форс.

— Да, это был наш отряд. — сказал с гордостью Лекс. — Лучший отряд «чёрных мундиров», гордость жёлтой долины.

— Да, и я от вас вот так вот просто смог сбежать! — засмеялся Форс.

— Именно! Я же говорю: прирождённый страж! — похлопал Форса по плечу Клеф. — Так что быть тебе среди нас, в этом никто не сомневается.

После разговора со стражами, Форс уже принял тот факт, что в ряды «чёрных мундиров» сразу может и не попадешь, но ополчение — тоже хорошо. Все сомнения были развеяны, и парень чувствовал себя уверенно. Теперь всё в его руках: куда бы не забросила его судьба, он в любом случае получит ценный опыт для жизни и развития.

Поздно вечером Форс таки решил выяснить, что же хочет от него Ницер. Светила, заходящие за горизонт, отбрасывали длинные тени и вся природа, казалось, замерла перед

ночным сном. Спустившись к «дыре» — карьеру, он обнаружил мага, сидящего на краю, неподалёку от своей хижины.

— Ницер, здравствуй! — приветствовал Форс.

— А, это ты. — отвечал «старик», повернувшись. — Таки ещё хочешь сражаться с духами?

— Это единственный путь для меня и для всех людей. — отвечал парень.

— Путь у каждого свой. Никогда не равняйся на толпу, — сказал, поднимаясь, маг, — толпа может затянуть тебя в пропасть.

— Но ведь если мы не спасём планету, мы все будем одержимы?

— Спасать планету можно разными способами. Либо бросаться в пекло, — подошёл маг к Форсу, — бездарно жертвуя своей жизнью, либо уметь отступить когда надо, чтобы потом, набравшись сил, сделать значительно больше, чем даже можешь сейчас представить.

— Ты считаешь, что я ещё не готов? — прямо спросил Форс.

— Я считаю, что ты бросаешься в пекло, хотя есть другие пути. — маг подтолкнул парня за плечи, пригласив жестом следовать по краю карьера. — Более сложные, но в то же время только они могут сделать тебя мудрым и сильным.

— Да, ты прав. — обдумав слова старца, сказал Форс. — После того, что я видел в бункере, я понимаю, что моих сил недостаточно.

— На самом деле мало кто вообще готов встретиться с такой силой, какая есть у этой девушки. Она притягательна, и в то же время она — разрушитель. Если бы ты общался с ней до того, как она попала к нам в бункер, то непременно влюбился бы в неё. Эта девушка — обольстительница высшего порядка.

— Как её нашли?

— Да говорю же, она едва не соблазнила всю стражу. Даже Клеф из-за неё поссорился со своей Маргаритой. Впрочем, они никогда друг друга не любили. Он выменял Маргариту у Элеоноры на какую-то девчонку, тогда она ему нравилась, а сейчас всё уже в прошлом.

— Я не знаю этих людей?

— Да, вряд ли ты когда-то встречался с ними, только слышал. Есть такой тайный орден, их называют странниками правосудия.

— Нет, впервые слышу об этом. — Форс смутно припоминал, что отец, быть может, когда-то говорил о них, но парень тогда пропустил эту информацию мимо ушей.

Парень и маг шли вокруг карьера по плоскому дну одного из его ярусов, плавно спускаясь вниз. Карьер уже зарастал мелкой травой, покрывался деревьями чуть ниже человеческого роста. В отдалении виделись ещё голые камни и земля, не покрытая растительностью. Они заговорили о карьере:

— А что тут добывалось? — спросил Форс.

— Металлы. Огромные роторные экскаваторы выкапывали руду в таких объёмах, что можно было бы покрыть слоем в треть человеческого роста всю жёлтую долину!

— Зачем людям нужно было столько руды?

— Оружие. Если ты думаешь, что люди, добывавшие руду в таком количестве, не строили из неё оружия, то ты, верно, идиот. — критично сказал маг.

— Но это же огромное количество. Где это оружие сейчас?

— Часть переплавили, часть осталась в бункерах. — маг похлопал парня по плечу. — Вот как ты думаешь, было тогда оружие, способное уничтожить целый город, да так, что следов не останется?

— А разве такое возможно? — удивился Форс.

— Вооот! В том-то и дело, что, судя по всему, возможно. — Ницер указал пальцем куда-то на восток. — Там, в двух днях пути отсюда есть местность, где пустыня не просто вся обожжена, она оплавлена. Метеорит не мог так оплавить местность, и от него остался бы кратер. А это просто огромное пространство, где слой почвы расплавлен, и выглядит будто застывшее чёрное стекло. Но самое интересное то, что когда-то там стоял город. Сейчас ни одного обломка не осталось, только оплавленная почва! Если было такое оружие, оно могло остаться где-нибудь. Представляешь, какая силища могла попасть в руки стражей!

— Только против кого эту силу применять? — спросил Форс.

— Вооот, верно мыслишь. Потому-то духи и ведут с нами тайную войну, внедряются в сознание людей по всей планете, а не захватывают отдельные территории. Если бы они захватили, скажем, всех людей на диких землях, мы могли бы нанести по ним удар таким оружием, чтобы раз и навсегда решить проблему духов. Так же, как мы расправились с животными в своё время.

— Вообще-то я родом с диких земель. — сказал Форс. — И что в итоге дало уничтожение животных? Война продолжается, одержимых меньше не стало.

— Извини, не знал что ты оттуда. Я тоже не сторонник крайних мер, я считаю, что духи это даже благо для нас. Благодаря ним мы можем развиваться.

— Развиваться?!

— Да, именно так. — Ницер ткнул себя пальцем. — Вот я, например. Что бы я делал, если бы не война? Был простым крестьянином. И чего хорошего в жизни простого крестьянина? Ничего интересного. А сейчас я стал магом благодаря тому, что веду борьбу. И мой жизненный опыт значительно обогатился.

— Печально, что стимулом к развитию для нас является война. — заключил Форс.

— Я думаю, на других планетах так же. Люди слишком ленивы, чтобы свободно развиваться. Их нужно загонять в развитие, ставя жёсткие рамки.

— Этим ты и занимаешься?

— Именно. И сегодня я тебе продемонстрирую, как это, делать выбор между жизнью и смертью. — засмеялся маг. — Кстати, вот он, недалеко осталось!

Ницер указал на дверь в какое-то помещение в земле, до которой было уже рукой подать.

— Что там? — поинтересовался Форс.

— Там место, где я обрёл силу. — уклончиво ответил маг. — И ты тоже обретёшь.

— Там какой-то источник энергии?

— Нет. Я не буду говорить тебе этого. Сам всё увидишь.

Подойдя ко входу, Ницер отворил щеколду и открыл с силой скрипучую дверь. Массивная металлическая дверь с небольшой смотровой прорезью поддалась с трудом, открыв путь по длинному коридору. Ницер рукой пригласил Форса зайти первым. Зная нравы Ницера, Форс вошёл с осторожностью. Пройдя несколько шагов он обернулся, обнаружив, что Ницер не пошёл за ним.

— Иди, ты сам должен это увидеть! — сказал маг.

Форс посмотрел в туннель, но ничего кроме своей тени и длинного коридора, уходящего в темноту, не увидел. Пройдя ещё пару шагов, он увидел, что коридор расширяется и за ним есть какое-то помещение. Освещения не хватало, чтобы разглядеть, что же находится там.

Ещё через пару шагов Форс услышал скрип запирающейся двери. Ничего не поняв, он

обернулся назад. Ницер, закрыв дверь на щеколду, произнёс:

— Это будет твоё первое серьёзное испытание в жизни! Пройди его достойно!

— «Испытание» — завертелось в голове Форса слово и ряд ассоциаций к нему... —

«испытание»...

Вспомнив записку, найденную утром, парень мгновенно бросился к двери.

— Ницер, стой, я не давал согласия на это!

Однако в узкую смотровую прорезь был виден только силуэт уходящего на закат мага.

Светила, уже подбирающиеся к горизонту, слепили глаза.

— Стой! Выпусти меня! — крикнул Форс.

— Завтра ты мне ещё спасибо скажешь! — донеслась до его ушей едва различимая реплика Ницера.

Попытавшись толкнуть дверь, Форс понял, что заперт крепко. Попытки выбить дверь плечом и ногой ни к чему не привели: дверь не поддавалась. Оставалось пройти в помещение и осмотреться.

Уже через несколько минут тонкий луч света из смотровой щели бил прямо в пол этого, как оказалось, грота, отражаясь и преломляясь, слегка освещая помещение. Судя по всему, этот грот был рукотворным. Время истёрло стены и проход, но если приглядеться к ним, можно увидеть ровные спилы и следы машинной обработки. Вокруг была плотная порода, похожая на чёрную почву, но в ней видны были прожилки металлических руд.

«Комнатка», в которой Форсу предстояло провести ночь, была небольшая. Здесь не было ничего, на чём можно было бы спать. Голые камни.

«И умеет же он издеваться!» — подумал Форс про Ницера, которого всё больше начинал ненавидеть. Форс тут же зарёкся выйдя отсюда, никогда больше с ним не встречаться. Вот только как провести ночь? Стоя на ногах?

В итоге в самом слабо освещённом углу Форс нащупал деревянную лежанку. Видимо, когда-то давно её соорудили работники карьера, выпилив в стенке полость и положив на неё доски. Доски уже потрескались от времени, и, судя по всему, ворочаться во сне на них не стоило — можно было посадить занозу.

Луч света плавно полз по полу, поднимаясь вверх. Дойдя до середины стены, он стал тускнеть и растворяться. На Иргент опустилась тьма. Ночные светила Атач и Пануст бросали отблески Эвы и Яро только на узкий клочок пространства возле двери.

— Что же хочет от меня этот старый дурак? — не мог понять Форс.

Он стал осматривать пещеру своим видением. И тут у него в груди защемило, а в ушах возник тонкий звон. Под самыми сводами пещерного грота висел сгусток энергии. И судя по всем признакам, это был довольно крупный туманный дух.

Едва увидев духа своим видением, Форс заметил, как тот сразу же обнаружил его.

— Так, куда внимание, туда и энергия. — начал повторять в слух правила, которым учили в академии испуганный парень. — Ты не смотришь на духов, и они тебя не видят...

Слуха у этих существ всё равно нет. Хоть кричи — тебя не услышат. Единственный способ восприятия духов — энергетическое видение. У человека же этот способ изначально слабо развит, так как человек пользуется другими органами чувств для восприятия окружающего пространства. Однако и такому способу может научиться каждый.

После четверти часа страха, Форс наконец успокоился. Мысли о том, что его закрыли в пещере с туманным духом постепенно перестали вызывать беспокойство. «Что поделаешь? Надо спать!» — думал он, ставя себе энергетическую защиту перед сном...

Посреди ночи Форса разбудил странный гул со стороны двери. Открыв глаза, он припомнил, что где-то под потолком висит нечто, способное овладеть его сознанием, потому он поставил вокруг себя купол энергетической защиты и осторожно встал на ноги. Пройдя к туннелю, он выглянул из-за угла и посмотрел на выход. За дверью сияло какое-то непонятное зелёное свечение. Выйдя в коридор, Форс осторожно пошёл вперёд, чтобы посмотреть, что же происходит снаружи.

И тут дверь начала вибрировать, искривляться, словно была из глины. За дверью нарастало тяжёлое гудение, перемежающееся с постоянным звоном. Форс не понимал, что происходит, и это его очень пугало. Дверь искривлялась, и из всех щелей её било неестественное, кислотно-зелёное, с примесью серого, свечение. Свет усилился настолько, что освещал уже весь коридор.

Из смотровой щели тоже било яркий зелёно-серый луч, однако посреди него были две тёмные серые точки, словно чьи-то глаза смотрели оттуда на парня. Этих глаз Форс испугался настолько сильно, что, увидев их, отшатнулся назад, потерял равновесие и упал.

Тут же он проснулся на той самой лежанке, на которой засыпал. Поняв, что это был всего лишь обычный кошмар, парень осмотрел тьму грота сначала зрением, потом энергетическим видением. Убедившись, что ничего не изменилось и дух на месте, он начал восстанавливать свою энергетическую защиту. Защитный купол над ним действительно исчез после испытанного выплеска эмоций.

— «Может быть, это дух пытается пробить мою защиту и внедриться в сознание» — думал начинающий маг. — «Во сне я слабее и не могу ничего сделать, они внедрят мне любую иллюзию в сознание...»

Восстановив защиту, успокоившись, и, на всякий случай подойдя к двери и полюбовавшись освещёнными Атачем пейзажами через смотровую щель, парень лёг обратно, на самое тёплое что было в этом гроте — деревянный настил. На этот раз он и не думал засыпать, понимая, что дух может использовать сон для того, чтобы захватить сознание Форса, ослабив защиту.

— Ну и хитёр ты, Ницер! — кричал в потолок парень, чтобы не уснуть. — Решил меня на прочность испытать! Не дождёшься! Мне твои духи ничего не сделают! Я буду носить чёрный мундир уже скоро!

Продолжая диалог сам с собой в течение часа-другого, парень старался периодически вставать и прохаживаться по гроту. Весьма странным было то, что грот был тёплым. То-ли солнечная сторона карьера нагревалась за вечер так, что всю ночь держала тепло, то-ли ночь эта выдалась прямо-таки жаркой, но этот грот никак не остывал, и этот факт напрягал Форса. В тепле очень хотелось спать.

Прокачав тело разными энергиями Форс смог восстановить бодрость, но ненадолго. Поставленный недавно защитный кокон не давал проходить энергиям как раньше. Форс получал лишь малую часть подпитки, но снять защиту было нельзя: под потолком висела невидимая угроза.

В итоге Форс накачал свой защитный кокон разными энергиями, как можно сильнее уплотнив его, построил кокону энергетический канал для напитки от энергий Иргента и решил, что этого будет достаточно для надёжной защиты во сне. Форс понимал, что дух будет идти на всё на этот раз, ведь возможно, что третьего шанса внедриться в сознание уже

не будет.

Сонливость взяла своё, и Форс всё же уснул под утро. Надеюсь, что энергии кокона хватит на всё время сна, парень сомкнул веки и провалился куда-то вглубь Иргента, уносясь в странные сны...

Под утро тело Форса пробрал холод. От холода парень проснулся. Обнаружив, что кокон на месте и действует, парень спокойно встал чтобы пройтись по залу грота и согреться. Прогулявшись, он уже хотел было возвращаться к лежанке, как вдруг подумал посмотреть, что происходит снаружи.

Подойдя к смотровой щели, Форс увидел, как небо светлеет. Где-то позади, на востоке, поднимали свои головы над планетой Эва и Яро. Небо становилось с каждой минутой всё светлее. Ветер усиливался, подгоняя пыль по траве. Но вот что странно — внутри карьера клубился туман!

— «Вроде бы, в этой засушливой степной местности туманов не бывает. Может быть, только в карьере по утрам можно наблюдать такое?» — думал Форс, наблюдая за поднимающимися вверх белыми клубами.

Что было совсем странным, так это то, что туман был очень плотным. Он поднимался из карьера вверх, застилая ещё несколько мгновений назад видимую почву, скрывая тропу по которой привёл сюда Ницер. Вот туман оказался уже на уровне двери, и, посмотрев вниз, парень обнаружил, как в полутьме сквозь щели пробираются лёгкие дымные клубы.

— «Интересно, как туман поведёт себя внутри?» — думал Форс, отходя от двери.

И через некоторое время клубы тумана стали проходить сквозь смотровую щель. Что странно, сразу же они уплотнились и структурировались, как будто обладали разумом. И пред взором удивлённого парня вместо дымного шейфа возникла плотная стена тумана. Испугавшись, Форс начал отходить назад, в темноту. Серая стена же только уплотнялась и двигалась в сторону Форса, отвоёвывая себе конечное пространство грота.

Уплотняясь, туман издавал странное, еле слышное жужжание, словно где-то вдали летел рой насекомых. Выйдя в помещение грота, парень с удивлением обнаружил, что внутри помещения светлее, чем было раньше. Стена тумана выступила из прохода и стала наполнять собой помещение. Жужжание всё усиливалось.

— Спокойно, это всего лишь туман. — уверял себя Форс. — В нём ничего нет...

Однако, спокойствие парня уже давно было исчерпано, и, оказавшись в центре грота, он обнаружил, как туман начал обступать его по сторонам.

— Да он ведёт себя как живой! — воскликнул испуганный парень.

В этот момент стена тумана резко хлынула вперёд, поглотив в себе Форса. В этом тумане парень начал видеть проступающие контуры каких-то непонятных существ, похожих то-ли на рыб, то-ли на насекомых. Эти силуэты двигались быстро, словно рой саранчи, пролетая прямо сквозь тело Форса и негромко жужжа. Существа были словно прозрачные, и только тонкие светящиеся линии белого цвета очерчивали их контуры.

Испугавшись, парень ступил назад и, запнувшись о камень, упал прямо на холодный пол грота. Ещё несколько мгновений Форс с ужасом наблюдал, как над ним проносится стая неведомых и бесплотных существ, пока одно из них не остановилось в своём полёте и не посмотрело сверху на парня. Остальные существа летели мимо, пролетая в том числе и сквозь него. Больше всего оно было похоже на рыбу, у которой задняя часть тела напоминала скорее кузнечика без лап.

Это существо, увидев парня, разинуло свою пасть, обнажив множество мелких зубов. И

тут же кинулось прямо в голову Форсу...

От страха парень вскочил. Его голова ударилась обо что-то твёрдое. Посмотрев вокруг, парень обнаружил, что ничего не видит. Ощупав себя, Форс пришёл к выводу что цел. Только удар лбом, судя по всему, будет иметь последствия: на лбу проступали первые капли крови. Ещё раз осмотревшись, Форс понял, что всё ещё ночь, и это был очередной кошмар.

Обессиленный, он сполз с лежанки и сел на пол. Несколько минут он прижимал руку к ране на лбу, чтобы остановить кровь. Потом, встав на ноги, пошёл, пошатываясь, в проход, чтобы убедиться, что за дверью ничего аномального нет. Осмотрев спящую долину и не увидев ничего подозрительного, Форс вернулся обратно. И только теперь у него хватило сил чтобы перейти на энергетическое видение. Осмотрев себя он обнаружил, что защитный купол отсутствует, кроме того, в ауре достаточно дыр. Но самое страшное было не это.

Посмотрев под своды грота, Форс не обнаружил духа, который там находился. Осмотрев видением всё вокруг, никаких его следов парень не заметил. И вот тут холодок пробрал все его кости до дрожи.

— «Неужели вселился?» — думал Форс, отчаянно осматривая внутренним видением свои энергетические структуры. — «Или ушёл, напитавшись моей энергией?»

Однако он понимал: если подселение произошло, то сознание теперь под контролем духа, и делать что-либо бесполезно. Нужно будет срочно бежать к Клефу или Лексу, пусть проверяют.

В итоге парень встал и стал расхаживать по комнате. Сон как рукой сняло. Восприятие поменялось. Помещение казалось парню меньше, чем раньше. К утру, когда свет стал проникать в смотровую щель в больших количествах, параноидальные мысли только усиливались.

В свете стены начинали то сжиматься, то снова расширяться, словно пещера дышала. Тело постоянно теряло координацию и пространство вокруг начинало то «ехать» в сторону, то «переворачиваться». Чтобы ещё раз проверить, что он не спит, Форс ударил себя по ноге. Почувствовав боль и убедившись, что он в сознании, парень свалил всё происходящее на недосып и удар головой. Но мысли о том, что к нему могли подселиться, не отпускали парня.

— «А всё равно, если во мне засел дух, придёт Ницер и достанет его». — успокаивал себя Форс. — «Хороший урок мне преподали. Буду теперь знать, как это страшно...»

К утру парень упал, обессиленный, перед дверью. Тело трясло от холода и лихорадило, пространство вокруг расплывалось, координация была напрочь потеряна. В сознании то и дело возникали непонятные страхи, казалось, что из темноты наблюдают за ним те самые рыбоподобные существа. Хотелось бежать, но бежать было некуда.

Утром испуганного и заплаканного Форса обнаружили Лекс, Клеф, Ницер и сам глава совета стражей Мифиоп Приодф. Как только Ницер отворил дверь, чтобы наглядно продемонстрировать пришедшим степень готовности кандидата, из грота выбежал испуганный парень, и, пробежав довольно короткое расстояние, упал и заплакал.

— А я вам что говорил?! — начал растягивать слова полноватый мужичок в чёрных одеждах. — Не годится он ещё в кандидаты!

— Подселился, зараза. — плюнул Лекс, гневно посмотрев на Ницера.

— Ну и методы у тебя! — заступился за Лекса Клеф.

— Методы его не обсуждаются. — снова мерным голосом заговорил Мифиоп. — Он

единственный, кто придумал, как показать наглядно, готов этот мальчишка, как его...

— Форс. — сказал Ницер.

— Форс, в кандидаты, или нет. — закончил глава совета стражей.

— Ладно, допустим, что вы правы. — сдерживаясь, бросил Лекс. — Но сейчас, позвольте, мы займёмся изгнанием.

И Лекс с Клефом направились к парню.

— Ящка дё до!

— Нет, Ящка дёт лес!

— И! Ящка дё до! — уже который раз пищала ящерица.

— Тебя невозможно переубедить! — в сердцах крикнул маг. — Тупое животное!

— Ящка хо до! Ящка лю до! — выражала свою любовь самка апцебса. — Ящка ю Эео!

Ящка лю Эео.

Элеоф присел перед ней на корточки, и Ящка обхватила передними лапами его колени.

Посмотрев на неё с сожалением, Элеоф сказал:

— Не могу я тебя здесь оставить, прелесть моя. Я тоже люблю тебя... — на глаза мага стали наворачиваться слёзы. — И зачем я тогда подобрал тебя? Чтобы вот так вот выкинуть?

Ну не могу я. Понимаешь, не могу!

— Ящка ю Эео. — удовлетворённо прошептала пригревшаяся ящерица.

— Довольно. Я этого не выдержу... — встал на ноги Элеоф, утирая слёзы с глаз. — Прости. Ты должна идти. Я не пущу тебя. И сам скоро уйду.

— Ящка доооо! — просилась ящерица домой.

Слегка приоткрыв дверь, Элеоф протиснулся в дом, отпихивая ногой рвущуюся туда Ящку. Закрыв щеколду, он нагнулся и ещё раз проверил, насколько крепко заколотил лаз в нижней части двери, который ранее предназначался для перемещений ящерицы. Ужасная тоска съедала все силы изнутри, и обессиленный маг, повернувшись спиной к двери, сполз по ней вниз и сел на пол.

Там, за дверью, неустанно скреблась Ящка, не понимая, почему её впервые за долгое время не пускают домой.

— Прости меня, Ящка, — проговорил Элеоф тихо дрожащим голосом, — ты всё равно не сможешь понять. Я знаю, что ты меня любишь. И я тебя люблю. Ты у меня сейчас единственное живое существо на свете. Но не могу больше. Не нужно так. Нельзя. Я всю жизнь здесь не проведу, понимаешь?

Ящерица, не понимая слов, всё скреблась с той стороны двери и повторяла как она хочет домой и как любит Элеофа.

— Прости меня, прости. — уже перешёл он на шёпот. — Если бы я был хозяином своей жизни, я бы ни за что не допустил такого. Но не мы пишем свою судьбу, понимаешь? Какой я дурак! Ну мог же я раньше предположить, что всё так обернётся. Почему я совершенно к такому не готовился?

Маг вспомнил, как два дня назад на территории страны гор он встретился с Алной после долгого времени телепатического общения. Как они сидели посреди безлюдного плоскогорья и как свет светил разливался по светлым локонам девушки...

Свет светил освещал выступающий посреди плоскогорья островок скал, на котором друг напротив друга сидели двое. В этой безлюдной местности только птицы и насекомые изредка нарушали тишину, да порывы ветра развевали волосы и окутывали теплом.

Ална еле сдерживала себя от того, чтобы обнять Элеофа. За полмесяца вряд ли нашлось бы более десятка дней, когда они не общались друг с другом телепатически и не обменивались образами. Элеоф показал ей свою ящерицу, она пообещала, что никому ничего

о нём не расскажет. Она даже стала для него информатором. Не очень ценным, потому как могла и наврать, если считала нужным. И как могла, скрывала свои чувства к нему. Что было для Элеофа вполне объяснимо и понятно: он и сам пытался подальше спрятать то тепло в груди, что чувствовал к ней.

И вот наконец нашлось задание, выполняя которое девушка смогла позволить себе выделить час свободного времени на то, чтобы в безлюдном месте побыть с ним наедине. Треть получаса уже ушла на то, чтобы оказаться здесь. Но сейчас, как казалось обоим, время замедлило свой ход и у них в запасе ещё много свободного времени на общение.

— В общем, я не смогла достать шар. Он спрятан достаточно надёжно. — после приветствия сказала девушка.

— Я видел, ты мне всё транслировала.

— Да, ключ носит с собой Элеонора, она никого не допускает до своей тайной комнаты, всё спрятано там.

— Да я знаю. Я был в этой комнате... Там не только шар. Там очень много интересных вещей. — сказал маг.

— Как так? Ты был там, и не смог ничего унести?

Элеоф посмотрел на неё печально и сказал:

— Это долгая история.

— Ну раз ты знал, что это так сложно, почему думал, что я смогу?

— А какие у меня есть ещё варианты? — улыбнулся он. — Ты — хоть какая-то маленькая надежда. Я думал, ключ можно выкрасть ночью и незаметно открыть... Но вот оно как оказалось.

— Да, Элеонора всегда закрывается, когда спит. Не удивлюсь если всё ценное она хранит по ночам в своём закрытом сундуке. — усмехнулась Ална. — Даже не знаю, зачем она так осторожничает.

— Ей есть что скрывать. Она не тот человек, за которого себя выдаёт.

— Это не важно. — сказала девушка. — Меня интересует другое. Если ты знал, что я ничего тебе не принесу, зачем звал меня сюда.

— Потому, что я всегда очень рад видеть тебя, и мне не важно, с пустыми руками ты или нет. — ответил маг, глядя на девушку. — Я просто хочу тебя видеть. Постоянно.

— Но я даже не знаю твоего имени! — воскликнула она.

— Я и не скажу. Я ещё не на столько тебе доверяю. — сказал ей Элеоф.

— Ну и хитёр ты. Если бы ты мне доверился, я бы тебе тоже доверилась! — отвечала красавица. — Впрочем, если ты такой умный, почему не знаешь моего имени?

— Я знал. Забыл видимо.

— Ах так! — Ална сделала вид, что обиделась. — Не буду с тобой после этого общаться!

Мужчина улыбнулся, видя притворство девушки, и уже саркастически решил подыграть:

— Ну прости, я очень старался. Но в моей голове столько информации, что я порой забываю, как есть. — сказал он и сделал печальное выражение лица.

— И как же ты тогда питаешься? — засмеявшись, спросила Ална.

— Да хожу и голодаю, — печально всхлипнул мужчина, — пока не вспомню.

Звонкий смех девушки разнёсся по округе. Слава Старцам, вокруг было безлюдно и никто не знал, что служительница порядка общается здесь с его прямым нарушителем. Впрочем, если бы девушке незадолго до её знакомства с магом, рассказали о том, что такое будет возможно, она ни за что не поверила бы.

Девушка сделала вид, что от порывов ветра ей становится холодно, и стала тереть свои обнажённые руки.

— В следующий раз просто записывай, как это делается! — улыбнулась она.

— О да, потом я напишу целую книгу! — мечтательно произнёс маг, вырисовывая в воздухе контуры переплёта. — Назову её «Записки жующего», или нет, «Инструкция по выжЕванию» — от слова «жевать».

Немного посмеявшись, они посмотрели друг на друга. Их лица расплывались в улыбке. Маг встал со скалы и пошёл по направлению к сидящей на камне девушке.

— Но я могу сказать тебе точно, что сообщить мне своё имя — абсолютно безопасная затея для тебя. Я о тебе и так всё знаю.

— Ална подвинулась, увидев, что он хочет сесть рядом. Маг обнял её.

— Меня зовут Ална. — сказала она. — И единственное, о чём я жалею в своей жизни, так это о том, что в неё вмешался ты.

После этих слов она обняла его руку и прижалась к нему поближе.

Мужчина вздохнул, понимая, что выдавать ей своё имя он так и не решился. У ордена достаточно средств, чтобы в случае острой необходимости выбить из Алны всю информацию, и говорить ей своё имя — всё равно что подставлять её. Впрочем, маг понимал, что за откровение нужно платить откровением. И, узнав имя девушки, он сделал ей, в свою очередь, другое признание:

— Знаешь, Ална... А ведь я... Я на самом деле не одержимый.

— Только мне от этого не легче. А наоборот. — вздохнула девушка. — Я уже давно задумывалась над этим. Я тоже поняла, что ты не одержим. Ни под один критерий не подходишь.

Она провела ладонью по руке, которая её обнимала, и риторически прошептала:

— И чего же ты не поделил с орденом?

— Скажу — обидишься. Да и потом, я знаю об ордене всё. Даже то, чего тебе бы знать не следовало. Это опасно для тебя. Благо, в случае угрозы твоей жизни я могу похитить тебя в любой момент. — горько усмехнувшись, произнёс он.

— Похитить можешь, но что потом? — снова задала она риторический вопрос, глядя перед собой.

Не поняв подтекста, маг повернулся и посмотрел на неё. Через некоторое время она тоже посмотрела на него. Их взгляды встретились и им сложно было оторваться друг от друга.

— Ты же не можешь похитить меня в мир, где нет этого всего... — сказала она. — Где нет духов, войны, нет разделения между людьми.

Ничего не ответив, маг отвёл глаза и отвернул голову вперёд и вниз. Он тяжело вздохнул. Она тоже уткнулась взглядом в скалу под ногами, повесив голову.

— Это выше твоих сил. — продолжала она. — А значит, что все твои знания бесполезны.

— Я понимаю это. — произнёс он. — Но если бы я был настолько силён, чтобы изменить этот мир, я сделал бы это только ради тебя.

Она подняла голову и посмотрела на него. Её взгляд бегло осматривал все черты его поникшего лица.

Он повернулся к ней и посмотрел в её горящие красным цветом глаза.

Словно боясь, что вот-вот потеряет его, она обняла его и прижалась к нему ещё сильнее.

Их лица были друг к другу так близки, что каждый чувствовал на себе учащённое дыхание другого.

В итоге их уста слились в долгом поцелуе. Её руки обняли его за шею а ноги легли на его колени. Слегка подняв девушку на руки, маг посадил её к себе на колени, не отрываясь от поцелуев. Он провёл своими руками по её телу вверх, обхватил шею, запустил руки в волосы. Она обхватила его шею одной рукой, вторую положила ему на грудь. Он оторвал свои губы от её губ, поцеловал её в щёку, в шею... Его дыхание обжигало её ухо. Она запрокинула голову и он целовал её шею долго и страстно. Она обняла его и сжимала руками кожу у него за спиной...

Через получас уставшие тела лежали обнажёнными на расстеленных плащах, а Эва и Яро согревали их своим светом. Она обнимала его, положив голову ему на плечо и закинув ногу на его тело. Он обнимал её за талию и другой рукой ласкал её волосы.

— Почему мир так устроен? — спросила она. — Почему мы не можем быть вместе?

— Всё очень просто. — сказал он. — И в то же время так сложно смириться с этой простотой...

Помолчав немного, маг добавил:

— Когда-то я думал, что в моих силах что-либо изменить. Но теперь я даже не знаю, смогу я сделать это или нет...

Девушка тяжело вздохнула.

— Если меня поймает орден, ты будешь заботиться обо мне в катакомбах? — спросил он её.

— Если тебя поймает орден, — засмеялась Ална, — ты пройдёшь сквозь стену и пойдёшь гулять.

— Нет, я серьёзно. У тебя есть доступ к пленным?

Резко оторвав свою голову от его плеча, она приподнялась и посмотрела ему в глаза. В них не было ни единой нотки притворства.

— Ты сума сошёл? Не делай этого!

— А что это ты за меня так боишься? — спросил маг.

— Тебя будут пытаться. Ты будешь жить в ужасных условиях. Тебя...

Поднявшись, девушка села на скалу рядом.

— Не делай этого. — повторяла она. — Если они узнают, что ты вот так легко можешь уйти от них, они убьют тебя при первой же возможности.

— Но ты же им не скажешь этого, верно?

— Ты сумасшедший! Зачем это тебе? Хочешь передо мной похвастаться?

— Хочу просто быть к тебе ближе. И видеть тебя чаще.

— А если они убьют тебя сразу же?!

Маг поднялся и присел напротив девушки. Их взоры снова встретились.

— Не убьют. Им нужна моя информация. И я буду долго их водить за нос, пока они не поймут, что я вру. А вот потом они попытаются меня сломать и бросят в самую ужасную камеру в катакомбах. Но я добьюсь своего.

— Если тебя закроют в катакомбы, я не смогу тебя видеть. — сказала Ална серьёзным тоном. — У меня правда нет доступа к заключённым.

— Да мне это на самом деле и не нужно. Я надеюсь, что смогу осуществить свой план, если окажусь там. Мне нужен шар. Любой ценой.

— Да что такого в этом шаре?! — недоумевала девушка.

— В этом шаре, Ална, то, что сможет изменить мир. То, что сможет вернуть равенство между нами и равновесие.

— И ради него ты готов пойти на такие жертвы?

— После того, что между нами было, я пойду на всё, чтобы изменить этот мир.

Слёзы катились по щекам Элеофа. Здесь, во всеми забытой посреди лесов хижине, он не мог больше находится. Теперь он понимал, что время пришло, нужно любой ценой положить конец всему этому. И он верил, что он в силах это сделать. Но чтобы сокрушить врага, нужно было пробраться к нему изнутри, и это, похоже, был единственный шанс на успех. Возможно, Элеоф пожертвует своей жизнью ради уничтожения ордена. А может быть, маг выйдет победителем и сможет подарить свободу многим другим людям.

Однажды у него уже был выбор между «остаться» и «уйти». После смерти деда и уничтожения его книги он вышел в мир и через это стал свободнее, сильнее и мудрее. Теперь и весь известный мир стал для него тесен. Теперь настал черёд очередной решающей битвы. И к моменту этой битвы он уже готов добровольно стать заключённым, пожертвовать единственным, что у него осталось — свободой. И если эта жертва будет не напрасна, он получит значительно больше. Или же, наоборот, потеряет всё, включая жизнь.

Маг собрал небольшой рюкзак с припасами. Всё ценное он припрятал в надёжном месте под домом. Дождавшись, пока ящерица уйдёт на прогулку в лес, осторожничая, чтобы та не услышала и не увязалась за ним, Элеоф посреди ночи начал свой путь. На этот раз он держал путь в город, ибо раз уж скоро несвобода, то пока что нужно насладиться свободой по полной, увидеть всё, что хотел.

Вход в столицу обитаемых земель, город-крепость Пруванк, был всегда открыт. Собственно, крепостных ворот здесь давно уже не было. Вокруг были небольшие селения, вся местность сплошь и рядом была населена людьми, так что дикие животные или какая-либо иная угроза просто не могла дойти до столицы незамеченной и целой. Так что надобность в воротах отпала давно.

Объём грунта внутри насыпи, стоявшей стеной вокруг города и защищавшей когда-то от метеоритной угрозы, был равен объёму строительных материалов, затраченных на постройку всех зданий в самом городе. Это колоссальное и грандиозное по масштабам техническое сооружение создавали при помощи мощных машин в ту эпоху.

Таких городов-крепостей было достаточно много в те времена. Они строились по единому плану и были один в один похожи друг на друга: огромный круг насыпи по окраинам города с торчащими из него стреловидными ответвлениями, коих было шесть штук, и нужны они были для гашения взрывной волны от метеоритного удара. Затем круг стены защищал город от дальнейшего распространения этой волны. Именно из-за этих шести выступов замок сверху напоминает звезду и зовётся в народе «звёздным замком». Стена была огромной, если здания в городе были в пять этажей, то стена была на этаж выше, дабы взрывная волна, рассеиваемая стеной, не задела крыши зданий.

Сами здания, опять же, были округлой формы, с куполообразными крышами, и имели толстые каменные стены. Такая форма давала преимущества на случай, если ударная волна таки попала бы внутрь, например, проломив стену, или если бы небольшой астероид угодили в город. Разрушив несколько зданий, ударная волна от него просто рассеивалась бы между остальными одинаковыми круглыми домами, не причиняя вреда их обитателям.

Как только на Иргенте начался период метеоритных дождей, население было вынуждено укрыться в таких вот городах. Но этот период был лишь предвестником более серьёзной и страшной угрозы. Поток мелких астероидов только усиливался, и через несколько лет планета попала под удар уже крупных небесных тел, разрушивших на ней всё.

Сейчас между домами есть ещё небольшие пристройки, построенные уже в эту эпоху, всё это пространство было застроено, потому как проспекты между зданиями были некогда широкими и предназначались для перемещения машин.

Элеоф шёл по городу уверенно, не скрывая лица. Однако ни одного служителя порядка в чёрном мундире он не встретил. Вдоволь нагулявшись по городу, он присел на центральной площади, достал из рюкзака свой скромный запас провизии и перекусил. Осмотрев все достопримечательности звёздного замка, Элеоф не встретил ни одного человека, желающего задержать его и направить в катакомбы. Видимо, никто не ожидает появления в замке одержимых.

Выйдя из города под вечер, Элеоф переночевал в палатке на окраине ближайшего села, познакомившись с местными жителями, и продолжил путь в сторону гор, туда, где располагались катакомбы ордена странниц правосудия.

К середине дня он уже был на подходах ко входу в катакомбы, когда на узкой горной тропе увидел трёх девушек, идущих навстречу.

«Ну вот, какая замечательная встреча, теперь пора поиграть в погоню» — подумал маг, перепрыгивая небольшой овраг возле тропы и пытаясь скрыться за скалами.

Девушки, недолго думая, разделились и кинулись за ним — через купол энергетической защиты вокруг этой местности никак не может пройти обычный смертный, это явно маг, и маг довольно опасный.

Знакомых черт Алны Элеоф среди девушек не увидел, потому готовился к любому повороту событий, даже к драке. Одна из странниц пробежала где-то недалеко от него, пытаясь обойти с тыла, спрятавшись за камень. Две другие пытались подобраться поближе, используя складки местности и овраг. Но эти трое не представляли серьёзной угрозы и едва ли могли окружить и задержать мага.

— «Они наверняка уже отправили сигнал другим странницам, и скоро сюда сбежится половина ордена. Надо действовать быстро». — думал Элеоф.

Решив действовать последовательно и начать с самого слабого звена, Элеоф метнулся к девушке, спрятавшейся за камнем. Разогнавшись, он оттолкнулся от камня, за которым сидела странница, перепрыгнул её, сделав сальто с переворотом в воздухе, и встал на ноги позади, оказавшись лицом к ней. Девушка размахнулась, чтобы нанести удар. Этого он и ждал. Как только рука девушки двинулась вперёд, тело мага отклонилось, и кулак впустую рассёк воздух. Между тем рука мага дёрнула на себя тело девушки, которое по инерции двигалось вперёд вслед за ударом, и лёгкая подножка помогла страннице упасть на землю.

Тотчас две другие странницы выбежали из-за своих укрытий и побежали на помощь третьей. Элеоф прошептал ей, нагнувшись:

— Прости. Так надо.

И, приложив две руки к её телу, нанёс девушке лёгкий энергетический удар, после которого она несколько минут должна была приходиться в себя. Цели кого-либо калечить у мага не было, и когда странницы приблизились к нему, он побежал в сторону леса.

Через несколько секунд погони, маг оказался перед стеной леса. Спрятавшись за довольно толстое дерево, он включил энергетическое видение и начал высматривать двух

девушек, которые точно так же остановились и начали искать его.

Схватив с земли камень, маг метнул его за другое дерево, тем самым на секунду переключив внимание странниц, сам же метнулся с другой стороны на не успевших ещё приготовиться к бою девушек.

На этот раз не обошлось без рукоприкладства: первую девушку Элеоф вывел из равновесия ударом по горлу, которое тут же было зажато её руками. Маг подхватил падающее тело, дабы использовать его как щит на случай возможного энергетического удара.

Однако напарница быстро метнулась на помощь девушке, попытавшись ударить мага кулаком в лицо. Сумев отклониться, Элеоф толкнул странницу на её напарницу, тем самым выиграв время и сумев обойти девушку сзади. Рукой он нанёс удар в область шеи пока вторая девушка пыталась удержать свою коллегу от падения.

Тут пришла в себя первая девушка, протянув к Элеофу руку и отправив через неё мощный поток энергии. Маг успел увернуться, но странница действовала быстро и грамотно: развернув свою напарницу в его сторону, она толкнула её к нему с криком:

— Бей!

И тут же метнулась за спину магу, думая нанести удар пока тот разбирается со второй девушкой.

Элеофу ничего не оставалось, как подхватить летящую на него странницу, которая уже замахнулась для удара, и с силой толкнуть её тело по ходу движения и чуть правее, прямо в сторону оказавшейся с тыла девушки.

Когда вторая девушка ударилась о свою напарницу, Элеоф решил закрепить успех и тут же метнулся вперёд, но получил удар от успевшей сгруппироваться напарницы. Все трое упали на траву и тут же вскочили на ноги. Стремительный бой был окончен, двое странниц стояли напротив мага и готовили свои кулаки к продолжительной схватке.

Чтобы не дать девушкам подойти ближе и нанести энергетический удар, Элеоф достал нож. Убивать он никого не собирался, однако силы были едва ли равны, и такой козырь нужен был, чтобы просто сохранить себе жизнь.

— Драка, это как танец! — улыбнулся девушкам маг. — Потанцуем?

С этими словами Элеоф приготовился было к нападению, как увидел за спинами двух девушек третью, которая, едва оправившись от энергетического удара мага, шла им на помощь.

— Вот это взаимовыручка! — сказал Элеоф. — Я восхищён!

— Похоже, это будет последнее восхищение в этой жизни. — сказала одна из девушек.

Трое странниц наступали на мага, пока он плавно отходил к лесу, держа наготове нож. Как только он очутился рядом с деревом, он остановился. Девушки сбавили шаг и медленно приближались к нему.

— А теперь — погоня! — крикнул Элеоф и изо всех сил вонзил нож в дерево.

Оттолкнувшись ногами от грунта, он запрыгнул одной ногой на торчащий из дерева нож, и тут же, оттолкнувшись от ножа, протянул руки высоко вверх к ближайшей толстой ветке. Бросившиеся к нему девушки не успели ухватить ногу мага, в одночасье оказавшегося на дереве. Элеоф подтянулся к ветке, залез и сел на неё.

Попытки девушек вырвать из дерева нож были тщетны: сил не хватило. Пока они делали это, маг достал из рюкзака верёвки и начал вязать какие-то узлы. Между тем на горизонте появились и другие странницы. Около десяти девушек бежали по направлению к дереву.

— «Вот и славненько.» — думал Элеоф. — «Вот и поговорим.»

Среди девушек он узнал и Алну, и саму Элеонору. У последней в руках был пистолет, потому она могла с лёгкостью пристрелить Элеофа.

Выстроившись под деревом, девушки смотрели на мага, заслоняя руками глаза от света светил. Ална, судя по виду, была очень удивлена его появлением. Элеонора от имени ордена обратилась к Элеофу:

— Да будет тебе известно! Орден имеет право уничтожить любого, кто подойдёт столь близко к его владениям!

— Вы вольны делать со мной всё, что хотите. — отвечал Элеоноре мужчина. — Однако если вы меня убьёте, никто из вас не узнает одной очень важной для ордена информации.

— Какой же? — спросила кареглазая женщина.

— Предлагаю переговоры. — крикнул маг и кинул вниз верёвку с двумя петлями, приготовленную им для собственных рук...

Войдя в лес, отряд плавно погружался в тень густых сухих деревьев. Деревья были огромного размера и в лесу из-за них было даже темно. Никогда ранее Форс не подумал бы, что на пустошах остались ещё такие крупные деревья. Хоть они и были уже высохшие, их кроны не окутывала листва, однако это были они, «настоящие» деревья, стоящие посреди пустынной почвы! Этот странный лес, по рассказам ополченцев, остался цел благодаря скалам за ним. Верхушки деревьев были срезаны взрывной волной, огромные лесные массивы вокруг повалены метеоритным ударом, а этот клочок леса защитила собою скала, стоящая позади него.

Собственно, к этой скале отряд и двигался. Нужно было проверить пещеры на наличие одержимых. После недавнего прохода Атача их на пустошах, как обычно, стало значительно больше.

Пробираясь сквозь сухой лес, отряд был вынужден обходить упавшие деревья, стволы которых были в высоту размером с половину дома, перешагивать упавшие ветки и искать тропы или хоть какие-то следы перемещения человека.

В лесу тоже было жарко. Форс стёр со лба пот, и снова его пальцы нащупали вверху лба, чуть правее носа, заживший уже шрам. Этот шрам остался после того, как год назад коварный маг Ницер устроил ему испытание в пещере, после которого Клефу и Лексу пришлось вытаскивать из парня духа. В итоге, карьера «чёрного мундира» была перечёркнута, в стражу он не попал. Ему выпало вести войну с духами в ополчении, обретая боевой опыт и знакомясь с одержимыми в прямых боестолкновениях.

Через несколько дней после испытания в пещере, Форсу исполнилось четырнадцать лет, и, как и полагается традицией Иргента, он прошёл посвящение во взрослую жизнь. Отпраздновав своё взросление, он примерил костюм ополченца и в качестве подарка принял приглашение в лучший отряд жёлтой долины — отряд Арангала. Клеф и Лекс позаботились о том, чтобы пристроить его туда. Начал свой боевой путь Форс, как и полагается, в ранге простого ополченца. Опыт, который мог передать Арангал Форсу, был куда ценнее рангов и чинов.

Участвуя в обычных боевых походах, Форс с отрядом прошёл уже многие места на диких землях, где ему не приходилось бывать в детстве. Радовало и то, что теперь он чаще стал видеться с близкими. Но отправляли отряд на задание не только на дикие земли, были и выходы в страну гор и на пустоши. И если страна гор всегда радушно встречала гостей из ополчения, то пустоши каждый раз были настоящим испытанием. Вот и сейчас, чтобы дойти сюда, пришлось три часа идти под зноем светил по полупустынной местности.

Да и сам лес уже был мёртв, прохлады в этом лесу не было, деревья стояли сухими под палящим зноем и единственным их плюсом было то, что они хотя бы отбрасывали тени. А в тени идти всё же легче и холоднее.

Вот наконец отряд вышел на тропу, которая здесь никогда не замечается песками — ведёт она к единственному на день пути вокруг месту, в котором можно укрыться от жары и, в случае чего, переночевать. Хотя это далеко не самое безопасное место: нередко сюда заглядывают дикари с пустошей, среди которых попадаются как простые разбойники, так и одержимые.

Добравшись, наконец, до скал, отряд ещё издали начал осмотр пещер, выдолбленных в

мягком известняке. В пещерах никого не было видно. Однако подойдя поближе, Арангал отдал команду всем быть наготове: возле пещер виднелись свежие следы и ещё не дотлевшее костровище.

Возможно, это простые путники зашли сюда на ночлег и испугались непрошенных гостей, которые могут быть разбойниками. А может и...

— Осмотритесь. Проверьте самые свежие следы. Здесь могут оставаться люди. — скомандовал Арангал.

Отряд разбрёлся искать подтверждения недавнего присутствия людей. Однако вокруг не было ни души. В итоге кто-то вошёл в несколько пещер, кто-то пошёл по следам, а Арангал осматривал местность вокруг с высокого камня.

Однако долго искать не пришлось: на тропе, по которой пришли сюда ополченцы, Арангал заметил движение и свистом созвал всех к себе. Двое лучников приготовили свои луки, остальные ополченцы достали свои цепи, дубины, кастеты. В итоге Арангал, вставший посреди тропы, оказался окружён вооружёнными людьми и готовился отдавать приказы. Форс стоял рядом с Арангалом, достав из чехла свою самодельную деревянную битку.

Из леса показался высокий широкоплечий мужчина с длинными волосами и густой бородой. Одет он был в светло-серые лохмотья, однако уверенная походка выдавала в нём скорее сильного и властного человека, чем простого бродягу. Позади за ним по лесу передвигались люди. Эти люди прятались за деревья, перемещаясь между ними короткими перебежками.

— Почему они скрываются? — спросил Форс Арангала. — Ведь мы же всё равно их видим!

— Чтобы мы не могли сосчитать, сколько их. — ответил командир. — Может хотят запугать, чтобы мы думали что их много.

— Хуже если наоборот. — послышался сзади голос ополченца. — Мы можем думать, что их мало, а их там толпа.

— Воюют всё равно не толпы, а отряды. — уверенно подбодрил командир. — Вот мы — отряд. И нам толпа не страшна.

Вглядевшись в человека, идущего в сторону отряда, Арангал, видимо, кого-то в нём узнал: чем ближе подходил человек, тем сложнее командиру было скрыть удивление на лице. В конце концов Арангал вышел вперёд, шагая навстречу, остановив руками двоих рвущихся его прикрывать ополченцев.

— Мадгос, сколько ж я тебя не видел! — крикнул он. — А ты всё так же молод и красив!

— Если бы — отвечал мужчина. — Я уже старею, то и дело то кости ломит, то нога хромает. Скоро совсем не смогу передвигаться, тебе на радость!

— Да ты ещё лет пять поживи на пустошах, глядишь и совсем рассыпешься. — Арангал нагнулся и поднял вверх кулак песчаной почвы, которая высыпалась у него из рук и развеивалась на ветру. — Из таких как ты и получается потом этот песок!

— Я лучше стану песком, чем буду жить так, как вы. — пришедший остановился в паре десятков шагов и осмотрел Арангала. — Рабы своих иллюзий.

— А ты опять поёшь всё ту же песню! — засмеялся Арангал. — И что тебе не даёт свободно жить как все люди?

— Да вот, жил бы я себе спокойно, только то ополчение нагрянет, то тайная стража.

— Слишком много ты натворил, чтобы жить спокойно! — крикнул в адрес пришедшего

командир, кинув по направлению к нему всё, что осталось в руке от горсти песка. — Подавишься такой спокойной жизнью.

— Не я всё это начал, Арангал, не я. Ты об этом прекрасно знаешь!

Повернувшись спиной к пришедшему, Арангал посмотрел в глаза своих ополченцев и объявил:

— Уважаемые господа ополченцы, разрешите вам представить, — руки командира сделали жест в сторону мужчины, — это господин Магдос, убийца и разбойник, в своей жизни уже лет десять не видевший ничего хорошего. Впрочем, это его осознанный выбор...

— Убийцы вы, а не господа! — крикнул мужчина.

— Да что ты говоришь! — Арангал опять перешёл на крик. — Из-за одной глупой смерти, пускай и близкого тебе человека, по-твоему теперь можно убивать десятки людей?

— Ничего ты так и не понял... — вздохнул Магдос. — Я убиваю не из мести. Я убиваю вас, одержимых нечистью. Мои бойцы...

Мужчина поднял руку и жестом приказал своему отряду выйти. Из леса показались люди.

— Мои бойцы сражаются за свободу Иргента. — продолжил он. — И я скорее погибну, чем окажусь на вашем месте.

За спиной Форса кто-то считал: четыре... семь... десять... Выходящие из леса бойцы были достаточно хорошо вооружены и экипированы. Хотя, судя по виду, всё их вооружение и экипировка были самодельными, однако сделаны они были достаточно грамотно, налицо был уже немалый боевой опыт этих людей.

— Понятно всё с ним. — тихо сказал один из ополченцев про главаря. — Очередной псих, который только один на планете свободный, остальные у него все одержимые.

— Да уж, такие психи, говорят, дерутся как звери — заметил другой.

— Ребята, у них численное преимущество, — сказал ополченец, считавший количество разбойников, — их двенадцать.

И действительно, против отряда ополченцев в восемь человек, это довольно значительный перевес. К тому же в ополчении только командир имеет право владеть тяжёлым оружием, остальные в отряде вооружены лёгким. Бандам же закон не писан. Не став долго думать, вперёд вышел Форс. Понимая, что отряд на чужой, хорошо известной противнику территории, и силы не равны, парень решил попытаться проявить свои дипломатические таланты.

— Ребята, ну нельзя же так! — обратился он к приближающимся людям.

— Форс, команды открывать рот не было. — тихо прикрикнул на него командир отряда.

— Я знаю, что делаю. — полушёпотом отвечал ему парень, поравнявшись с командиром и не отрывая глаз от подходящих разбойников. — Мы сейчас тут все кровью умоемся, надо это остановить!

— Я его знаю, его не остановишь. — говорил Арангал.

— Стоит хотя бы попытаться.

— Бесполезно!

— Я очень соболезную тебе, у тебя, должно быть, очень сложная жизнь! — обратился Форс к главарю, не дожидаясь одобрения командира.

— Не разговаривай с ним как с идиотом! — прошептал Арангал. — Он гораздо умнее и хитрее тебя. Зря ты сюда подошёл. Подставляешься.

Мужчина смотрел на подошедшего парня и ни одна мышца не дрогнула на его лице. Он

заставил Форса выговориться, не дав ни одного ответа, поставив парня в тупик повисшей паузы. Затем, выждав время, он демонстративно рассмеялся. Вместе с ним над неуклюжей попыткой парня уладить конфликт засмеялась вся банда.

Через минуту смеха, главарь сделал серьёзное выражение лица и посмотрел в глаза Форсу.

— Эх, парень, парень... — произнёс он. — Эта тварь жрёт тебя, а ты даже ни о чём не подозреваешь...

— Не обращай внимания. — тихо сказал командир Форсу. — Он сумасшедший. Такие тоже бывают.

— Что нам с ним делать? — опешил Форс.

— Готовимся к бою. — шепнул Арангал.

Форс отошёл к отряду и предупредил всех о полной боевой готовности. В это же время Арангал продолжил своё общение с Магдосом.

— И что же ты всё никак не уймёшься? Разве тебе ещё не достаточно крови?

— Когда перебьём всех твоих сопляков, я шепну тебе об этом. На ушко.

— Ты не исправим. — вздохнул Арангал. — Да, жаль что тогда я не смог поймать тебя...

Магдос потянулся и достал из-за спины деревянную палицу. Держа её в руке, он объявил:

— Это мой вам сюрприз. — и тут же, подняв её вверх, крикнул своим: — В атаку!

В рядах отряда разбойников было три или четыре лучника, державших луки наготове. Их стрелы сразу же полетели в отряд ополченцев.

— Ложись! — скомандовал Арангал, падая в песок.

Через мгновение над ним пролетела стрела.

Ещё несколько стрел заставили рассыпаться по сторонам отряд. К счастью, никого не зацепило. Ополченцы легли и приготовились к бою. Однако, в первые же секунды боя перевес оказался на стороне противника: заставив ополченцев рассыпаться, разбойники всей толпой побежали вперёд. Первым на их пути должен оказаться Арангал. Отряду во что бы то ни стало нужно отбить командира, и трое ополченцев ринулись к нему.

Один из лучников отряда успел натянуть тетиву и запустить стрелу в бегущих разбойников. Стрела угодила кому-то в грудь. «Уже одиннадцать» — произнёс лучник себе под нос и, достав дубину, приготовился к ближнему бою.

Первый бой завязался вокруг Арангала, к которому одновременно подбежал Магдос, двое разбойников и трое ополченцев включая Форса. «Лучшая защита — нападение», подумал Арангал и совершил прыжок вперёд и вправо, в полёте ударив своим мечом одного из приближающихся бандитов. Командиру удалось рассечь ему руку выше локтя и таким образом вывести из уже строя второго вражеского бойца. Упав на почву, Арангал мгновенно вскочил на ноги и продолжил сражаться. К нему уже подбежал Форс с двумя другими ополченцами. Они ввязались в бой с подбежавшими бандитами, пока Арангал бился с Магдосом.

Магдос замахнулся и ударил палицей. Однако Арангал сумел отразить своим мечом этот удар, и палица прошла выше его головы. Выписав в воздухе несколько петель остриём меча, командир дал понять предводителю разбойников, что близко к нему лучше не подходить. Спасла положение Магдоса стрела, пролетевшая неподалёку от Арангала: лучники всё ещё стояли поодаль и действовали против отряда. Из было трое.

Смекнув, что он на открытом пространстве, Арангал бросился назад к своим, дабы не

быть мишенью для лучников. В этот момент Магдос переключился на ополченцев и смог нанести удар тяжёлой палицей в спину одному из них, пока тот бился на ножах с рядовым бандитом.

На глазах Форса тело ополченца прогнулось под ударом, словно от взрывной волны, и полетело вперёд, налетев на бандита с ножом и упав вместе с ним на тропу.

Палица тоже отлетела в сторону, противоположную направлению удара, словно резиновый мяч отскочив от спины ополченца. Она была привязана к руке Магдоса, видимо, удержать её было не так просто. Пока вместе с палицей рука Магдоса отклонялась назад, его тело стояло практически беззащитным перед Форсом. Форс не упустил момента и толкнул тело главаря ногой. Едва стоявший на ногах мужчина, силившийся удержать равновесие после удара своим странным оружием, был выбит из равновесия относительно лёгким ударом ноги Форса и упал на спину в песок.

Тут же трое бандитов ринулись его прикрывать, и это позволило перегруппироваться отряду, состоящему уже из семи ополченцев. Двое бандитов позади под прикрытием лучников были отвлечены: один перебинтовывал другому руку после ранения, нанесённого Арангалом. Один бандит лежал со стрелой в груди. Итого против отряда на линии соприкосновения было всего шестеро человек.

Арангал быстро придумал план действий. Серьёзную опасность представляли лучники, которые могли расстреливать издали ополченцев. Но если ввязаться в ближний бой, лучники вряд ли смогут стрелять, так как могут задеть своих. Возможно, они вынуждены будут вступить в бой уже в качестве пехоты. Однако к этому моменту отряд должен реализовать своё численное преимущество и подавить основные силы бандитов, которые при равных условиях объективно слабее специально подготовленных ополченцев.

И Арангал отдал команду всем идти в атаку. Ополченцы бегом ринулись в сторону бандитов, и прежде чем завязался ближний бой, Форс успел крикнуть всем:

— Опасайтесь палицы! Палица особенная!

Мало кто понял, о чём кричал парень, однако в ближнем бою, задействовав все свои навыки рукопашного боя, отряд уверенно теснил бандитов. Бросив бинтовать раненого, седьмой бандит побежал на помощь к отряду, подхватив с земли свои цепи. Раненый остался, пытаясь завязать узел на ткани, которой был перевязан. Лучники некоторое время бездействовали, выцеливая кого-либо, прежде чем смекнули, что в бою банде не хватает их поддержки.

Форс, перейдя в рукопашную в первых рядах, получил удар ногой в грудь и отлетел назад. Встав на ноги, он увидел, как Магдос из-за «живого щита» из дерущихся бандитов пытался сверху нанести удар палицей по кому-либо из ополченцев. Судя по тому, как аккуратно он это делал, Форс понял, что даже слабого удара этой штуковины достаточно, чтобы нанести непоправимый урон человеку. В итоге Форс подгадал момент, и когда Магдос выставил руку с палицей, чтобы ударить одного из ополченцев, Форс подбежал к ополченцу сзади, резко потянул левой рукой ополченца назад, а правой ударил своей дубиной по палице, заставив это «чудо-оружие» опуститься вниз и ударить бандита с двумя кастетами, прикрывавшего Магдоса своим телом.

Бандит получил относительно лёгкий удар в живот, однако под этим ударом его тело согнулось, и он, зажав живот руками, повалился на бок. Палица опять отлетела от тела, направившись вверх, уже не так сильно как в прошлый раз. Но это уже заметили ополченцы, поняв, что под удары этого странного предмета лезть не стоит. У Форса же выпала из рук

дубина, отлетев от палицы вверх, а сама рука получила сильный удар, словно палица была чем-то заряжена. Форс схватил правую руку левой и зажал её, успокаивая боль.

Магдос, только что ударивший своего по вине Форса, рассвирепел и зло посмотрел на парня. Главарь поднял палицу вверх и попытался ударить ею парня, выбежав вперёд. Тут же Форс отпрыгнул в сторону и палица пролетела в воздухе мимо. Арангал, увидев это, использовал первую же возможность для удара: замахнулся мечом и попал прямо в руку Магдоса, отрубив его кисть вместе с палицей. Тут же командир отряда получил удар дубиной по спине от подоспевшего бандита и упал на землю. Рядом упал, корчась от боли, главарь.

Бандит, ударивший Арангала в спину, попытался добежать до палицы, однако лежащий неподалёку Форс дотянулся ногой и поставил ему подножку, заставив упасть. Другой ополченец ударил его дубиной, чтобы не дать подняться.

Встав на ноги, парень первым делом метнулся к палице и поднял её, а осмотрев, едва не потерял сознание: на рукояти оружия болтался привязанный обрубок кисти. Форс с отвращением смотрел на это и не знал, что делать. Едва увидев, что палица в руках ополченцев, бандиты начали отступать. Лучники, подошедшие на помощь для рукопашного боя, бежали обратно на позиции, чтобы попытаться прикрыть отход банды.

Из рук Форса палицу выхватил более решительный ополченец, и двинулся вперёд на бандитов. Лучники дали бандитам команду бежать, и те рассыпались в стороны. Поняв, что сейчас в них будут стрелять, ополченцы тоже упали на землю. Засвистели стрелы. Ополченец, в руках которого была палица главаря, успел запустить её в спину убегающему бандиту. Бандит от удара пролетел расстояние в два человеческих роста, словно игрушка, и упал на землю, а палица резко отскочила от него и улетела куда-то далеко за спины ополченцев, едва не задев бросавшего, который чудом успел пригнуться.

Двое ополченцев оттащили командира за небольшой холмик песка, чтобы стрелы его не достали. Лучники отряда начали дуэль с лучниками банды. Банда планомерно отступала в лес, бросив двоих убитых на поле боя и оставив двоих раненых, включая самого главаря.

В результате перестрелки, отряду удалось ранить одного лучника бандитов, и после этого банда окончательно скрылась в лесу. Едва пришедший в себя от боли Магдос, лёжа на песке и истекая кровью, достал на глазах Форса что-то из своего ботинка. Это была капсула, внутри которой в жидкости плавала деревянная игла. Он сломал капсулу, достал иглу и уколол ею себя в грудь. «Обезболивающее» — подумал Форс.

После того, как перестрелка закончилась и бандиты были далеко, ополченцы начали подниматься из-за укрытий. Подхватив под руки главаря, двое ополченцев двинулись в тень — к пещерам. Арангал уже оправился от удара и мог медленно передвигаться сам. Если бы не рюкзак, скорее всего, бандит перебил бы ему позвоночник. Но, к счастью, командир отделался синяками.

Ополченцы притащили второго раненого — того самого бандита, которого ударила по животу палица, отскочив от дубинки Форса. Все, кроме лучников, собрались вокруг пленных. Лучники заняли позиции на скалах, чтобы в случае нападения иметь преимущество перед наступающими в дальности стрельбы.

В пещере под навесом скал ополченцы начали перевязывать обрубок кисти Магдоса. Он начал разговаривать:

— Не стоит. Я всё равно скоро умру. Я вколол себе смертельный яд.

— Зачем ты это сделал? — спросил один из ополченцев.

— Я проиграл. Так надо. Позаботьтесь о моей дочери. Арангал! — крикнул он в сторону командира, медленно идущего по направлению к пленным. — Арангал. Позаботься о Сифи!

— Он бредит! — сказал командир. — Его дочь мертва.

— Ааа, нет, вы не понимаете. — силится что-то объяснить главарь банды, которого покидали силы. — Есть другая девочка. Не Сифи. Её зовут Кальда. Она живёт с нами в лесу... В землянках...

— Так, объясни нам, что ты хочешь? — спросил, подойдя к Магдосу, Арангал.

— Девочка... Кальда. Я заботился о ней. Она мне как дочь. Отведите её...

— Да уж, вот и думай теперь, бредит он или серьёзно... — пробурчал раненый ополченец, сидящий рядом.

— Это не бред! Я не вру! — задыхаясь произнёс умирающий бандит. — Это яд... Он скоро подействует... Обещайте мне!

— Скажи, как нам её найти, — Арангал внимательно слушал Магдосу, — и что ты хочешь от нас?

— Он вас проведёт. — ткнул Магдос пальцем в пленного бандита.

— Но мы и сами можем о ней позаботиться! — сказал тот.

— Нет. Отдай её Арангалу. Он единственный, кто держит слово. Он отведёт. Я знаю его.

— Куда мне её отвести? — спросил командир.

— Южный хутор справа от красных скал. Жёлтая долина. — выдавил из себя Магдос. — Красно-жёлтая хижина возле русла... Русла высохшей реки. Старушку зовут Клора. Отдай девочку Клоре. Запомни, Клоре! Только она сможет позаботиться...

— Ты всё запомнил? — обратился Арангал к Форсу.

— Да, я всё запомнил. Красные скалы, Клора.

— Мы позаботимся о девочке. — пообещал командир отряда. — Ты меня знаешь, я свои слова сдерживаю.

— Благодарю тебя. — выдавливал последние слова главарь банды. — Ты был... Ты был достойным противником.

— И ты был достойным противником, Магдос. — склонился Арангал над телом. — После прошлого боя я вообще думал, что не найду уже тебя. А кроме меня с тобой ведь никто не смог бы справиться. Прощай, я предаю тебя огню, со всеми почестями. Как и полагается. Удачи в новой жизни. Больше не делай таких ошибок впредь. Будь счастлив.

— Благодарю. Вы-би-рай... Выби-рай-ся... — последнее, что сказал бандит, прежде чем душа покинула его тело.

Сомкнув покойному веки, Арангал вспомнил, сколько раз он бился с отрядом этого разбойника. Как оказалось, ополченцы уже три раза вступали с ним в бой, и только на четвёртый раз одержали победу. Скорее всего, теперь эта банда, уничтожившая уже не один отряд ополченцев, распадётся и не будет представлять серьёзной угрозы.

Некоторые ополченцы участвовали и в предыдущих боях с этой бандой. Они начали обсуждать, как это было. Один ополченец даже припомнил, как тот самый пленный, пойманный сейчас отрядом, в рукопашном бою ударил его прямо в глаз, после чего глаз опух и долго болел.

В конце концов Арангал распорядился сходить на разведку, и, если разбойники ушли, натаскать дров и сложить погребальный костёр. Хоронить по правилам будут только противника, тело ополченца необходимо доставить в жёлтую долину, дабы службы могли

зафиксировать факт смерти, а только потом крадировать. В экстренных ситуациях, когда такая доставка невозможна, разрешено сожжение тел на месте, однако во всех остальных случаях полагается донести тело до базы.

— Все люди хорошие. — говорил, глядя на пленного, Арангал. — Вот если бы этот парень не был одержим и на него можно было бы рассчитывать, я бы взял его в отряд не раздумывая. Когда уже мы окончательно избавим от духов эту планету? И Магдос. Отличный ведь был командир! Стратег с большой буквы! Нет же, духи захватили и его сознание, создав иллюзию того, что его дочь жива.

Осмотрев тело, Арангал поднял ботинок Магдоса, в котором аккуратно лежали ещё несколько ампул с ядом.

— В итоге он честно сражался, честно пал в битве... — командир вздохнул, — только вот, за что он сражался? Непонятно...

— На, посмотри. — поднёс Арангалу палицу Магдоса ополченец, предварительно отрезав от неё все верёвки и болтающуюся кисть покойного.

— Да, обычная палица, а разит получше булавы. Хотя, по весу чуть тяжелее деревяшки. Эй, скажи-ка, что в ней такого? — обратился командир к пленному.

— Я не знаю. — отвечал бандит. — Эту штуку сделал Магдос, там внутри какой-то камень. Очень мощный. Последние годы Магдос занимался магией. Это всё, что я знаю.

— Что он вам говорил о ней? — спросил его Форс, осматривая оружие.

— Он говорил, ею можно убить любого с одного удара. — пленный потёр свою руку, которой прикрывал живот от удара этой шутковины. — Убить может и нельзя, но до сих пор все кости болят. И тело тоже.

Пленный был отпущен с целью объявить о перемирии для предания тел огню, как и полагается по обычаю Иргента. Так же он должен был привести девочку, дабы последняя воля его командира была исполнена. Едва стоя на ногах, он медленно пошёл в лес, оправляясь от полученного удара.

После этого состоялся серьёзный разговор по поводу найденного «чудо-оружия». Арангал хотел сжечь палицу, чтобы та не причинила больше зла, но Форс уговорил его отнести этот «артефакт» тайной страже, чтобы те исследовали предмет. Ополченцы согласились с Форсом, добавив, что в интересах отряда держать палицу при себе до самой жёлтой долины: мало ли, что на уме у этих одержимых?

Все умершие со стороны противника были преданы огню. Отдать им последнюю честь пришли четверо бандитов из отряда. Они принесли венки из колючих пустынных растений, видимо, наспех сделанные по пути. Так же они привели девочку по имени Кальда, ту самую, которая заменила Магдосу потерянную дочь. Девочке было лет семь на вид, она была одета в типичные для дикарей куски ткани, наспех сшитые, судя по грубым стежкам, кем-то из мужчин.

— Как она умерла? — спросил Форс у командира.

— Кто? — не понял Арангал.

— Дочь Магдоса.

— Она была одержима. Мы повели её на изгнание. Но на жаре девочка перегрелась и сильно заболела. Мы были против того, чтобы изгонять духа при таком её состоянии. Но тайная стража решила, что после изгнания ей полегчает. В итоге они её потеряли. Тело девочки просто не выдержало.

— Печально. — сказал Форс.

— Так что, друг, — обнял командир Форса, — и у чёрных мундиров бывают просчёты. А мы тут все думаем, что их знания совершенны. Это не так.

— Кем он был до того, как стал бандитом? — поинтересовался парень.

— Ополченцем.

Форс удивлённо посмотрел на Арангала.

— Да, Форс, ополченцем. — говорил тот, не отрывая взгляда от горящего в костре тела. — Командиром довольно результативного отряда. Из которого трое позже перешли на его сторону, и собралась его банда. Впрочем, те трое уже мертвы. Теперь вот, и он за ними последовал.

Арангал ткнул пальцем в приближающихся бандитов и сказал:

— Эти теперь без него ничего не смогут. Можно сказать, с сегодняшнего дня мир стал чище на одну банду.

Бандиты подвели девочку к командиру и взяли с него клятву, что та будет доставлена туда, куда просил, по их выражению, её отец. Арангал поклялся, что сдержит своё обещание и отведёт ребёнка туда, куда велел Магдос. Так же Арангал попросил бандитов подумать над тем, чтобы сложить оружие, пообещав, что ходатайствует о реабилитации за всех, кто осмелится пойти с его отрядом в жёлтую долину и добровольно сдаться. Однако желающих не нашлось. Бандиты предпочли отдать последнюю честь своему командиру и подошли к костру, бросив в огонь принесённые венки. Девочка стояла рядом с Арангалом и спокойно смотрела на происходящее.

— А он правда её отец? — спросил Форс.

— Может быть, кто знает. Но скорее всего он только верит в это. Его сознание давно уже не контролируется им.

После прощания с павшими, отряд двинулся прочь из злополучного леса. Четверо ополченцев несли на сколоченных деревянных носилках тело погибшего товарища. Арангал нёс на плечах девочку.

Ополчение сопроводили по самой короткой тропе к выходу из леса двое бандитов. Выйдя на просторы пустоши, отряд позаботился о том, чтобы укутать девочку имеющимися тканями: приближалась ночь, ветры дули с запада и поднимали вверх облака песка.

Остановился отряд посреди пустыни, когда уходящий Атач уже освещал отражённым от светил светом бескрайнюю пустынную местность. Пока отряд готовился к ночёвке, Форс заговорил с девочкой:

— Как тебя зовут? — спросил парень у малышки.

— Меня зовут Сифи.

— Я не понял, Магдос что, эту девчонку назвал в честь своей дочери? — слышался комментарий ополченца, который поодаль выкладывал из рюкзака дрова для костра.

— Вроде нет. — отвечал другой ополченец, расстилающий палатку. — Вроде её звали как-то на «А».

— Кальда? Нет, Кальда не я. — ответила девочка.

— А где тогда Кальда? — удивился Форс.

— Сейчас я её позову.

Подумав, что девочка играет, Форс не уделил особого внимания происходящему и отвлёкся, доставая вещи из своего рюкзака. Между тем через недолгое время девочка вдруг заговорила не своим голосом. Она спросила:

— Звали меня?

— Н-нет... — обернулся к ней Форс, опешив.

— Странно, — говорила девочка совершенно другим тоном. — Сифи сказала мне, что меня кто-то вызывал.

Осмотревшись вокруг, девочка спросила:

— А где мы сейчас?

Форс подошёл к ней поближе и спросил:

— А как тебя зовут?

— Кальда. Так где мы?

— Развлекается девочка. — прокомментировал ополченец, раскладывающий костёр.

— Да нет же. — заметил Форс. — Ты слышал как её голос изменился? Такое нельзя эмитировать.

— А, понятно. — сказала девочка. — Опять все не в курсе.

— Мы посреди пустыни. — объяснил Форс. — Мы сейчас идём в жёлтую долину, чтобы передать тебя Клоре.

— Бабушка Клора! — улыбнулась девочка. — Она понимает нас с Сифи. Другие говорят, что это плохо, а я считаю, что ничего страшного, две девочки в одном теле это даже хорошо. Одной ведь скучно. И бабушка Клора тоже так считает.

— Клора, скажи пожалуйста, как ты попала в это тело? — заинтересовался Форс, предвкушая очередную работу для тайной стражи.

— В это? — ткнула девочка себя пальцем. — Никак. Я с ним родилась. Это Сифи. Она пришла. Она умерла, но во мне она живая. Значит, смерти нет. Я теперь тоже не боюсь умирать.

— Как она пришла?

— Вселилась в меня. Мне было грустно и одиноко, и я дала Сифи побыть в моём теле. А она очень хотела жить, понимаешь?

— Хватит допытывать ребёнка! — с укоризной посмотрел на девочку Арангал. — Похоже, отец ей навнушал столько всего, что у неё теперь раздвоение личности.

— Раз-во-е... Что это такое? — спросила девочка.

— Как бы не так. — сказал Форс. — Наверняка подселение. Вот смотри.

И Форс обратился к ребёнку:

— Позови, пожалуйста, Сифи.

— Сейчас позову... — сказала девочка и на секунду закрыла глаза, но тут же их открыла. — Она не хочет выходить.

— Почему?

— Хочет отдохнуть. Я должна тоже видеть и знать куда мы идём. Она уже многое видела.

— Видишь, девочка просто фантазирует. — сказал Арангал Форсу.

— Я так не думаю. Видел бы ты, как она менялась. Это явно два разных человека.

— В любом случае чёрным мундирам её не отдам. Однажды это уже привело к смерти. С меня хватит. — Арангал присел на корточки и обнял девочку. — Отправлю тебя к той тёте, будешь жить с нею.

Переночевав в пустыне в палатках, отряд выдвинулся ранним утром в путь. Дойдя до жёлтой долины, ополченцы передали тело погибшего товарища другому отряду, послав с ним двоих ополченцев, чтобы те рассказали комиссии по учёту потерь подробности по

поводу боя.

В пути всё же выяснилось, что с девочкой что-то не так. Она разговаривала с ополченцами то от своего имени, то от имени Сифи, поразительно менялась и рассказывала такие подробности из жизни, придумать которые ребёнок вряд ли в состоянии. Тем не менее Арангал сдержал своё обещание и отвёл её на хутор возле красных скал, приказав ополченцам закрыть глаза на все её странности.

На хуторе ополченцы спросили у сельчан, где найти старушку по имени Клора. Их отвели к домику, который действительно был красно-жёлтым: сложен был из красного камня и обложен соломенной крышей жёлтого цвета. Арангал завёл в дом девочку и через пару минут разговора вышел и направил отряд в путь к базовому лагерю. Жёлтая долина дарила путникам прохладу и свежесть, которые после нескольких дней, проведённых в пустыне, стали самым приятным, о чём только можно мечтать.

Так закончился самый жестокий и самый странный бой, в котором довелось поучаствовать Форсу. Он ещё не знал, что через полтора года его жизнь круто изменится, и пока мечтал полмира пройти со своим отрядом, потому как уже привык к такой жизни и очень полюбил путешествия, пусть даже некоторые из них были полны опасности...

Вот уже второй год Элеоф находился в заточении. Он не смог настолько продвинуться в магии, чтобы как-либо переместить своё физическое тело в пространстве и оказаться хотя бы в метре за закрытой металлической дверью. Каверн по близости не было, да даже если бы были — до них ещё требовалось дойти. Своё настоящее имя он так и не назвал, придумав себе псевдоним — Кионир, что с древнего языка, изученного по едва не расшифрованной с дедом книге, означало дословно «Идущий за силой». Сие имя весьма соответствовало текущему положению Элеофа: в катакомбах можно было либо умереть, либо стать сильнее.

Конечно, первое время Кионир делал вид что готов «сотрудничать» и запутывал орден, делая странные заявления по поводу своих знаний. Однако долго это не могло продолжаться, и уже через несколько дней Элеонора, зная, насколько он опасен, приказала замуровать его в холодную стену. Что и было сделано. Проведя десять дней без еды и воды, подвешенным на верёвках и закованный в кандалы Элеоф едва не умер. Ална сделала всё, чтобы его освободили. Она уговорила Грасу, к которой прислушивалась Элеонора, убедить кареглазую женщину в том, что живым он ещё будет нужен ордену.

Если убьём его, так и не узнаем никогда его тайны! — твердила Элеоноре Граса. — А если он будет у нас в заточении, рано или поздно он променяет свободу на любую нужную нам информацию.

В итоге Элеонора таки приказала оставить мага в живых, спрятав в самую защищённую одиночную камеру да заковав в кандалы, чтобы тот никогда даже не помышлял выбраться. Ална была несказанно рада тому, что у мага появился шанс. Она довольно плотно вела с ним телепатическое общение, и точно знала, что когда тот не выходит на связь — ему настолько плохо, что связаться с ней просто не получается. В такие моменты она посылала к нему Грасу, если та была в катакомбах. Граса приносила от Алны еду и напитки, Ална просила Грасу оказывать магу помощь и лечить его.

Сама Ална не имела доступа к заключённым, а вот Граса могла пройти в охраняемые камеры катакомб. Через Грасу маг узнавал, как о нём беспокоится Ална. Чтобы не обострять этого беспокойства, Элеоф всегда пытался убедить Грасу, чтобы та врала Алне, что у него всё в порядке. Однако и сама Ална прекрасно знала, в каких условиях содержится маг, так что врать ей было бесполезно.

И хотя магу уже казалось, что до перемещений в пространстве осталось лишь несколько шагов, освоить это на практике оказалось невозможным. Изучив до мельчайших деталей структуру линий мира, он смог перемещаться по ним только во снах, любая попытка перемещения наяву оказывалась провальной. Гулять в физическом теле приходилось только в тесном пространстве камеры, а раз в десять дней — прогуливаться за её пределами.

Раз в десять дней Элеофу позволялось снять кандалы и один полчас гулять в большом каменном зале, предназначенном для прогулок заключённых, на площади, примерно равной четырём-пяти его одиночным камерам. В полной темноте.

Маг никому не показывал свою главную тайну — Истра. Однако Истр тайком исследовал почти всё пространство катакомб и был готов в случае чего помочь магу с побегом. Хотя, чёткого плана побега Элеоф так и не смог выдумать — слишком уж надёжно охранялись катакомбы. Неудивительно, что отсюда никому ещё не удавалось бежать. Однако маг до конца продолжал верить, что побег возможен, и исследовать пещеры во снах.

В редких случаях, когда Ална оставляла на столе своей комнаты недопитый напиток, Элеоф не упускал возможности в отсутствие девушки послать к ней в комнату Истра со свежесорванными цветами. Находимые на кровати букетики убедили Алну поверить в то, что возможность Кионира перемещаться в пространстве не утеряна. Об этом девушка не говорила никому, даже самой близкой подруге Гресе. Ввиду полной уверенности в этих возможностях, девушка не понимала, ради чего маг идёт на такие жертвы и терпит заточение. Она безумно хотела увидеть его и просила прийти к ней в комнату самому, однако маг постоянно уклончиво отвечал, что ещё не время. И сам при этом мучился от разлуки.

Все эти годы маг работал «на износ». Тело его стремительно приходило в упадок, в то время как осознанные сны и работа над собой дали мощный толчок к совершенствованию Духа и сознания, позволив опять выйти на новый уровень развития. Переосмысливая свою жизнь, уже привыкший называться Киониром Элеоф, очередной раз отмечал, что вся его жизнь состоит из подобных испытаний — каждый раз высшие силы загоняют его в тупик, из которого только два выхода — либо смерть, либо новый этап развития.

Началось это с самого детства, когда он, будучи маленьким мальчиком, едва не умер, оказавшись один в поле. Тогда ему хватило хладнокровия, чтобы сделать первый осознанный шаг: сквозь слёзы взять себя в руки, осмотреться, и начать искать живых людей. Так он и встретил Фисироца, мага, предопределившего всю его дальнейшую судьбу. Позже были первые скитания, окончившиеся в лесу на диких землях. Размеренная жизнь в домике, которая подготовила мага к осознанному преодолению первых трудностей. И обучение магии, за которым последовал год одиночества, когда дед покинул его в поисках той самой заветной книги. Достоинно выдержав такое испытание, маг занялся изучением писания, которое само по себе было достойным испытанием, для людей, никак не связанных с изучением древних текстов.

Но по-настоящему серьёзным испытанием стала смерть единственного родного человека. Впрочем, Элеоф понимал, что испытаний не по силам людям не даётся, и если это случилось именно сейчас, значит, Элеоф уже достаточно постиг и должен развиваться самостоятельно. Поэтому маг с лёгкостью отпустил деда и проводил его душу в новую жизнь с радостью и благодарностью.

После была книга, которую так и не удалось расшифровать. Пожалуй, первое серьёзное поражение. А после смысл жизни был просто потерян... Найден он был только вовне, на большой земле, куда вынудила жизнь ступить Элеофа. И здесь он смог не только применить свои знания на практике, здесь он начал развиваться по-настоящему, делая большие шаги в магии. Постоянно вспоминая и благодаря своего великого учителя Фисироца.

И когда высшие силы привели Элеофа к пространственному разлому, он понял, что в этом состоит его шанс. Шанс наконец-то победить орден. К этому моменту он изучил мир уже не меньше своего деда, а научившись перемещаться сквозь разломы, понял, что впервые имеет превосходство над силами ордена.

Поначалу Элеоф надеялся запереть в пространственных разломах как можно больше девушек и пока другие странницы будут вынуждены искать их, пробраться в катакомбы и найти шар. Однако лежащая на руках мага Ална поменяла все планы. И любовь, возникшая между ними, тоже стала испытанием для Элеофа.

А поняв, что до шара просто так не добраться, Элеоф решил сломать орден изнутри. Раньше он бы даже представить себе не мог, что жизнь толкнёт его в сторону сдачи врагу без

особых, казалось бы, причин. Однако оказавшись в заточении, маг снова мобилизовался и начал активно развиваться, параллельно изучая во всех подробностях жизнь ордена.

Во снах «Идущий за силой» исследовал методы работы девушек, до которых теперь и наяву было рукой подать. До этого маг никогда не проводил в осознанных снах так много времени. Теперь Элеоф предпочёл сон реальности, и даже порой мечтал уже не возвращаться в мир, где он заточён в холодном склепе камеры.

Однако избавление от мучений пришло через два с лишним года заточения совершенно неожиданным образом. Главный враг Элеофа, желавший его смерти, и согласившийся на худой конец на бессрочное его заточение, внезапно решила отпустить его на свободу. Элеонора приказала освободить пленного и сопроводить до города под присмотром странниц.

Никто не знал, чем обусловлено такое решение. Все в ордене были крайне удивлены такой сменой взглядов Элеоноры, так как ранее она всё время говорила относительно мага, что тому суждено прожить остаток жизни в камере, раскроет он свои тайны или нет. И только сама Элеонора со страхом вспоминала того человека, который заставил её изменить своё решение.

Однажды она проснулась в своей комнате от странного ощущения присутствия. Ей казалось, что кто-то смотрит на неё. Тихо потянувшись рукой под подушку, женщина достала пистолет и резко обернулась, устремив взор и ствол в пространство комнаты. В темном углу напротив чернел едва различимый силуэт и женщина чувствовала на себе его взгляд. Не привыкшая к долгим прелюдиям Элеонора, зная, что никто из своих посреди ночи не проникнет в её закрытую на ключ комнату, сразу же попыталась нажать на курок. Однако, к её большому удивлению, палец словно онемел и не слушался указаний разума. Взяв пистолет двумя руками, женщина попыталась нажать на курок уже другим пальцем. Тщетно.

Поняв, что имеет дело с каким-то весьма опасным субъектом, она быстро села и попыталась окрикнуть странниц, спящих в соседней комнате. Однако докричаться до девушек не смогла, так как после первого же звука резко охрипла.

— Что тебе нужно? — прошептала Элеонора, поняв, что сопротивление бесполезно.

Тут же незнакомец вошёл в её сознание и телепатически транслировал образ того, что требовалось от Элеоноры. На уровне образов незнакомец приказал отпустить мага, безвременно заточённого в катакомбах, и направить его в конкретный дом в Пруванке. Там ему уже подготовлено помещение, в котором этот маг будет работать лично на него, могущественного незнакомца. Если потребуется, орден будет защищать и оберегать его, и делать всё, что прикажет незнакомец.

— «Да кто ты такой?!» — вскричала про себя обозлённая женщина.

На что тут же получила энергетический удар такой силы, что её тело было тут же отброшено к стене, и голова её сильно ударилась о камень.

«Если ты не будешь мне подчиняться,» — незнакомец транслировал в сознание женщины уже не образы, а фразы, — «ты будешь всю оставшуюся жизнь мучиться в заточении в катакомбах, а их бывшие узники станут твоими надзирателями и палачами. И весь твой жалкий орден ничего не сможет с этим поделать.»

Испуганная Элеонора поняла, что имеет дело с кем-то, кто на порядок выше обычных людей.

— «Моё поручение должно быть исполнено уже сегодня.» — продолжал незнакомец. — «Если оно не будет исполнено, я вернусь за тобой!».

Уже утром Элеонора с тремя странницами вошла в камеру к Киониру и приказала вывести его. Маг был не в силах идти и даже отказывался следовать за девушками, опасаясь очередной подлости со стороны Элеоноры. Однако девушки подхватили мага под руки и вывели из камеры. Элеоф был крайне удивлён, узнав, что его выпускают на свободу.

Опасаясь способностей мага, снимать кандалы Элеонора приказала только после того, как мужчину выведут из катакомб. Транслировав девушкам образ того дома, куда нужно было привести его, она ушла в свою комнату и рухнула спать. Сил у Элеоноры было мало. С этого дня её состояние и её видение начали неуклонно ухудшаться, словно встреча с незнакомцем сломала что-то внутри женщины.

Так гнивший более двух лет в подземелье Элеоф впервые за долгое время ступил на поверхность. Уже отвыкшие от такого количества света глаза щурились, ноги едва передвигались, даже когда на выходе были сняты тяжёлые кандалы.

Узнав, что Элеоф больше не пленник ордена, прибежала Ална. Увидев, в каком состоянии маг, девушка разрыдалась. Обняв её, бывший заключённый сказал:

— Не бойся. Скоро всё изменится.

Элеоф в окружении девушек последовал к городу, как и приказала Элеонора. Позже глава тайного ордена отказывалась как-либо комментировать такое своё решение. На тему Кионира в ордене было наложено табу.

— Я даже не знаю, что думать... — комментировал своё освобождение сам маг. — Может быть, если вы скажете, куда вы меня ведёте, я смогу предположить, почему меня отпустили.

— Мы ведём тебя в город, в одном из домов тебя ждут.

— Тогда я точно не знаю ничего. В городе у меня нет знакомых, не могу даже предположить, кому я вдруг так серьёзно понадобился.

Через некоторое время пути ноги, привыкшие передвигаться коротким шагом из-за оков, начали адаптироваться и к нормальной ширине шага. По пути от катакомб на встречу шли с задания другие странницы ордена. Среди была и Граса. Девушки так же были весьма удивлены приказом об освобождении мага. Граса осталась сопровождать мага до города. Ална вела ослабевшего мага под руку.

— Никогда не поверю, что ты просто так сидел в заточении и терпел. — Ална всё же решила заговорить на тему перемещений в пространстве. — Ты же мог выбраться и выбирался? Эти цветы от тебя...

— Не важно, Ална. Когда-нибудь ты всё узнаешь. Это будет когда ордена уже не будет.

— Как не будет? — всполошилась Граса. — Что-то произойдёт?

— Я не знаю, что произойдёт. — уклончиво отвечал мужчина. — Но что-то будет. И мой уход — первый предвестник этого.

— Ты всё знаешь, только всегда молчишь! — говорила Ална, не веря до конца словам Элеофа. — Но ты всегда получаешь то, что хотел.

— Я правда не знаю ничего. Просто я кому-то понадобился. Сам пока не представляю, кому и зачем.

— Я тебе не верю. — говорила Граса. — По-моему, ты сам назначил себе испытание, и сам же его прошёл...

— В каком-то смысле да, — ответил Элеоф, — но я, право, думал, что всё выйдет по-другому. Я не ожидал освободиться сейчас и при таких странных обстоятельствах.

— Что-то ты от нас скрываешь. — Граса подошла и взяла мужчину под руку с другой стороны. — Может быть расскажешь хотя бы нам с Алной, что ты такого знаешь?

— Обязательно расскажу. Чуть позже. Ещё не время.

— А когда время придёт?

— Когда время придёт, вашего ордена уже не будет. И это случится скоро.

— Не пугай нас! — сказала Ална. — И вообще, мы теперь не враги. Элеонора же отпустила тебя!

— От меня, дорогая моя, уже ничего не зависит. — улыбнулся Алне мужчина. — Ничего, ты найдёшь достойную замену ордену. Не стоит беспокоиться.

— Ты говоришь загадками! — не выдержала Граса. — И я не верю что орден...

— Не задавай вопросов, не буду отвечать загадками. — Перебил её Элеоф.

Позже, когда странницы расскажут Элеоноре о том, что Кионир предрёк скорый распад ордена, у Элеоноры начала развиваться параноя. Мало того, что эта женщина, привыкшая что все вокруг слабее неё, встретила человека сильнее себя в лице Кионира-Элеофа, который по непонятным ей причинам сдался ордену сам, так она ещё и узнала, что существуют люди на порядок могущественнее едва ли не всех странниц ордена, и они напрямую связаны с Киониром.

Элеонора назначит себе в охрану двух приближённых, усилит охранение катакомб и станет проводить дальние рейды в поисках новых знаний и способностей. Страх сподвигнет её к развитию, чего и требовалось тем силам, которые «забрали» у неё Элеофа...

Между тем странницы продолжали беседовать с магом, ибо упустить такую возможность было просто нельзя — далеко не каждый день ты можешь поговорить с тем, кого ловил весь орден на протяжении многих лет, и так и не смог поймать.

— Мне кажется, — говорила одна из странниц, — что ты специально сдался нам для того, чтобы в конце концов Элеонора тебя простила и ты примирился с орденом.

— Что ты, деточка, мириться с вами я и не собираюсь. — засмеялся Кионир.

— Ну ты же хотя бы для вида сделаешь это? — спросила Ална.

Элеоф обнял её и сказал:

— Теперь это не имеет значения. Да и в случае чего, ты будешь информатором, и моим и Элеоноры.

— Предлагаешь мне доносить в обе стороны? — засмеялась девушка.

— Это называется войной на два фронта. — ухмыльнулся маг.

— На что?

— Фронт. Было такое понятие раньше. Когда войны на планете были совершенно других масштабов. Впрочем, тебе ещё рано знать. Тебя учили, что всё было совсем по-другому.

— А ты откуда знаешь, как всё было? — спросила Граса.

— Мой дед читал много книг того времени, и всё мне рассказывал.

— Тоже мне, нашёл кому верить. А если в этих книгах были художественные произведения? Если в реальном мире всего этого не было?

— Художественные произведения не берутся из неоткуда. — резюмировал Элеоф. — они всё равно опираются на то, что человек может себе представить. А то, что мы можем представить, в свою очередь, исходит из каких-либо реальных вещей, которые есть в мире.

Пусть не в нашей реальности, но они есть.

— А что, реальности бывают наши и не наши? — спросила скептически идущая сзади странница.

— Маг посмотрел вперёд и увидел на дороге наглядный пример — присевшего отдохнуть странника. Скиталец был весь в лохмотьях, и, судя по выражению лица, у него было не всё в порядке с головой.

— Вот смотри, — сказал ей Элеоф, — этот человек живёт в другой реальности. Для него твои способности видеть энергию и оказывать воздействия на людей непонятны, как для тебя непонятны мои способности.

— Это ты так намекаешь, что я дура? — обиделась, посмотрев на умственно отсталого, странница.

Элеоф рассмеялся.

— Но ведь этот человек тоже способен через годы научиться тому же, что и мы, если пойдёт в орден! — возразила ему Граса.

— А если не пойдёт? — спросил маг. — Без ордена он сможет всему этому научиться?

— Нет. — решительно сказала Граса. — Силы нам даёт орден.

— А ты, прекрасная моя, ты как думаешь? — спросил у Алны Элеоф.

— После того, что я от тебя слышала и видела, я уже не знаю, что мне думать. — сказала она.

Поравнявшись с бродягой, Элеоф торжественно произнёс:

— Сейчас я докажу вам обратное. — и, обратившись к тому, продолжал: — Позволька...

Элеоф поднял опешившего мужчину и слегка надавил ему пальцем в живот.

— Включайте видение! — обратился он к девушкам.

И через минуту все странницы наблюдали, как по телу ничего не понимающего оборванца поднимается вверх голубоватая энергия, очищая и приводя в порядок ткани и органы, выжигая ментальные блоки и очищая сознание. В голове мужчины постепенно настало прояснение, гримаса страха спала с лица, скулы распрямились, и он с удивлением посмотрел на Элеофа.

— Что ты делаешь? — задал вопрос странник.

— А что ты чувствуешь? — ответил маг вопросом на вопрос.

— Голова... Чистая... Страх... Нет... Что ты? Что ты сделал со мной?

Отпустив мужчину маг отстранился и спросил?

— Как тебя зовут?

— Меня... Я... — человек в лохмотьях лихорадочно ломал пальцы, трогал себя за голову и смотрел по сторонам. — Не помню.

— А что ты помнишь в своей жизни? — спросил маг.

— Я... Детство... В детстве я сошёл с ума... Восемь лет... Больше не помню... Только обрывками...

— Хорошо, а теперь я сделаю кое что, можно? — подошёл Элеоф к мужчине и приложил руки к его голове.

— Ихихихи... Ээээ... Что это? — раздавалось из уст ничего не понимающего скитальца.

Через несколько секунд Элеоф отошёл, повернувшись к девушкам.

— Включайте видение, кто ещё не сделал! — сказал он, подняв рядом с собой свою руку ладонью вверх.

— Ты сделал энергетический шар на ладони. — сказала одна из странниц.

— Правильно! — сказал Элеоф, поворачиваясь к оборванцу. — А ты что видишь?

— Я? Где? — тот уже смотрел внимательно куда-то в сторону.

— У меня на ладони! — прикрикнул на него маг.

— У тебя... У тебя шарик какой-то.

— Цвет!

— Голубой... — нерешительно произнёс тот.

Одна из девушек за спиной Элеофа резко вдохнула от удивления.

— Вот так, красавицы! Весь ваш месячный курс по раскрытию видения за пару минут. — торжественно объявил Элеоф, развернувшись к странницам правосудия. — А теперь я докажу вам, что всё, чему вас учили, не стоит и пустого графина.

— Что ты хочешь доказать нам? — спросила Граса.

— Энергетическая защита. — ткнул Элеоф пальцем в Алну. — Ална, покажи.

— Что именно?

— Меч странницы правосудия.

— Девушка сформировала в энергетическом теле на уровне позвоночника меч из тонких энергий. Другие странницы зафиксировали факт подключения к защитным силам ордена.

— Подойдя поближе к подопытному путнику, Элеоф спросил:

— Видишь меч?

— Да, вижу... Синенький... Внутри девушки... Девушка красивая... А волосы какие!

— Так, не отвлекайся! — снова прикрикнул маг, подняв руку позади него на уровень чуть ниже лопаток. — Сейчас у тебя в спине будет такой же меч.

— Зачем мне... — начал задавать вопрос мужчина, но тут же почувствовал воздействие тонких энергий и замер с широко открытыми глазами, будто позади него стоит дикий зверь. — Ма-ма...

— Не может быть! — проронила Граса.

— Но... Нет... Так ведь... Так ведь не бывает! — вскрикнула одна из странниц. — Только посвящённые в орден могут получить этот дар.

Закончив за минуту формирование новой энергетической структуры в теле путника, Элеоф подошёл к девушкам и сказал:

— Ну, для кого дар, а для кого просто энергия. Совокупность «линий мира», выстроенная в единую структуру.

— А это... А так... Так бывает? — продолжала удивляться девушка.

— Нет таких знаний, которые можно было бы скрыть. — начал свою речь Элеоф. — Нет таких энергий, структуру которых нельзя было бы копировать. Нет таких даров, которые нельзя было бы освоить другому человеку. Вопрос только во времени и приложенных усилиях. И в целесообразности, конечно.

— А-а-а-а. — удивлялся за спиной Элеофа недавний сумасшедший, задрал голову вверх и рассматривая какие-то энергетические структуры в небе. — Ооооо.

— Вы думаете, что ваши силы дал вам орден. — продолжил маг. — На самом же деле и без ордена вы могли бы освоить всё это и даже больше. Элеонора лишь манипулирует вами, уверяя что вы — ничто без неё и без ордена.

— Только не агитируй нас переходить на твою сторону! — крикнула одна из странниц Элеофу.

— А я и не агитирую. — усмехнулся тот. — Хотя я с моими знаниями тоже мог бы объявить себя великим жрецом, создать вокруг себя культ и уверять последователей, что только слушаясь меня они будут иметь силу. А как перестанут — потеряют.

— Нам знакомы примеры, — пребила Граса, — когда девушки, с позором выгнанные из ордена, действительно лишались всех своих даров.

— Ох уж эта сила веры... — загадочно сказал Элеоф и жестом пригласил всех следовать дальше. — Пойдёмте.

— А что с этим будет? — указала странница на внезапно просветлившегося бродягу.

— А этот пускай смотрит. — заключил Форс. — Можно, конечно, всё позакрывать, но пусть лучше он будет таким психом, чем тем, что был раньше.

— А не навредит? — спросила одна странница.

— Кому он навредит? Разве что себе, и то уже вряд ли. Насколько его осознанности хватит, настолько он сможет это использовать.

— А ничего, что ты сделал это с ним без его разрешения? — спросила другая.

— Ну уж если он стал жертвой таких экспериментов, значит высшим силам это надо. Без их разрешения ничего не произойдёт...

Придя в город, странницы разбрелись по своим делам, оставив Элеофа только с Грасой и Алной. Довести мага до здания поручили Грасе, которая уже неплохо знала город, транслировав ей образ этого дома. Гуляя по городу, Ална спросила Элеофа:

— Ты здесь уже бывал?

— Один раз. — ответил тот, вспоминая свой первый поход в город перед добровольной сдачей в плен.

— Красивая у нас столица. — добавила Граса.

— Триста лет назад была красивее... — заключил маг.

— Это ты откуда знаешь? — спросила Ална.

— Вас в ордене не учат вспоминать прошлые жизни. А я это умею.

— Ты видел, что было до удара?

— Да, и сам удар тоже. Я тогда погиб на другом конце планеты.

— Ничего себе! — удивилась Граса. — Расскажешь?

— Расскажу. — посмеялся маг. — Тайну на сегодня составляет только текущая моя жизнь, прошлые не в счёт.

Разговаривая на тему прошлого, троица неспешным шагом дошла до здания, в которое был послан Элеоф. Поднявшись на нужный этаж по винтовой лестнице в центре круглого дома и войдя в дверь, они обнаружили довольно просторное помещение. В нём была отдельная комната с огромной двуспальной кроватью и камином, отдельный санузел (да, в некоторых районах города канализация ещё работала), и небольшое помещение для хранения вещей, в котором так же стояла печь для приготовления пищи.

В общем, такая квартира с просторной комнатой была мечтой любого, желающего жить в городе.

— Это точно для тебя? — спросила, удивлённо, Ална.

— Пока не знаю. — маг начал исследовать пространство квартиры.

— Здесь какая-то записка. — подошла Граса к столу и начала читать с большого листка бумаги: — Элеофу, магу, вернувшемуся из заточения...

— Кионир! И здесь наврал! — ударила в грудь Элеофа Ална, и тут же обняла,

улыбнувшись: — Теперь я знаю твоё настоящее имя.

— Подумать только! — удивлялся маг, которого сейчас интересовало другое. — Моё имя знает кто-то ещё!

Элеоф выхватил из рук Грасы листок и начал читать.

— Ты заметил, что ты после заточения дурно пахнешь? — сказала Граса, открывая окно чтобы проветрить.

— Да, заметил, хоть это состояние давно стало для меня обыденностью. — сказал мужчина. — Где тут можно искупаться?

— Пойдём, я отведу тебя. — Ална взяла мага под руку и повела к выходу.

— Я вас подожду. Заодно, может, кто-нибудь нагрнет. — сказала Граса, осматривая помещение.

— Будь осторожней! — крикнул напоследок скрывающийся за дверью Элеоф.

По пути маг прочитал записку. Из неё следовало, что некто нанимает мага на работу, освобождая его из заточения. Элеофу предоставляется безвременно жильё в городе и прислуга, старая женщина по имени Абаламайя. Абаламайя поможет Элеофу вести диалог с человеком, который его нанял, передавая от него поручения и всё необходимое для работы. Детали работы в записке не уточнялись. Имя человека, который это писал, тоже.

— Ничего более странного в жизни не встречала. — прокомментировала записку Ална.

— Ничего странного. Сильные маги нужны всем. Вопрос только, на чьей я буду стороне. Может быть, я откажусь от всего этого и уйду на свободу, в леса. Но тогда за мной снова все бросятся охотиться. В том числе и вы.

— Я сомневаюсь, что Элеонора опять изменит своё решение. — удивилась Ална.

— Изменит, если прикажут.

— Кто прикажет? Орден самодостаточен. Мы не подчиняемся ни чьим приказам!

— Похоже, уже подчиняетесь. — сказал Элеоф и разорвал листочек. — Меня же освободили.

— Ничего не понимаю. — Ална обняла Элеофа. — Мне даже страшно.

— Не бойся. Я о тебе позабочусь. Но, милая моя, пожалуйста, будь готова ко всему. Даже к тому, чтобы уйти со мной в леса. Иначе ты теперь рискуешь и своей жизнью. Этот неизвестный господин может шантажировать меня, например, взяв тебя в плен.

— А как он узнает...

— Ему уже всё известно. Это маг довольно высокого порядка, раз смог меня освободить. И он однозначно сильнее меня.

Выйдя за пределы города, пара дошла до реки. Впервые за долгое время Элеоф искупался в нормальной тёплой воде, а не в ледяных родниках подземелья. Магу долго не хотелось вылезать из воды, но Ална настояла на том, что нужно идти:

— До ночи будешь здесь купаться! Пошли уже!

Вернувшись в комнату, двое обнаружили в помещении сидящих на постели Грасу и старушку. Они пили травяной напиток из графина и беседовали, мило улыбаясь.

— Ребята, знакомьтесь! — улыбнулась Граса. — Это бабушка Абаламайя.

Повернувшись в сторону входа, старушка поклонилась вошедшим. Они ответили тем же.

— Рада приветствовать вас! — сказала старушка писклявым голосом. Потом она направила палец на мага и спросила: — Ты — Элеоф?

— Да, это я. Мне уже известно о тебе. Знаешь, меня не затруднит убираться здесь самостоятельно и поддерживать порядок. Готовить мне так же не нужно. Я всё сделаю сам.

Только будь моим информатором, мне более не нужно.

— Приходящий говорит мне, чтобы я заботилась о тебе. — сказала Абаламайя.

— Приходящий?

— Да, он так представился. Я не знаю его настоящего имени. Он приходит и уходит. И говорит мне, что делать.

— Ладно. Пусть будет так, как он решит. — сказал Элеоф, подумав, что старушке так проще.

Так маг стал работать на таинственного незнакомца, которого старушка Абаламайя не смогла даже описать ему. Что было доподлинно известно — так это то, что Приходящий всегда является к ней в чёрном мундире и маске. У него светлые длинные волосы. Цвет глаз полуслепая старушка, которой уже стукнуло сто двадцать лет, не могла разглядеть.

Абаламайю посылали к Элеофу нечасто. Раз в два-три дня. После этого он спокойно выполнял поставленные задачи, получая за каждую достаточно большое по городским меркам денежное вознаграждение. Остальное время он проводил наедине с собой, в городе, с Алной. Последняя просто решила остаться с ним, попросив Грасу рассказать про Приходящего и наврать, что странный господин назначил Алну в личные телохранители Элеофа. Эту легенду девушки придумали вместе с Элеофом, и к их, да и ко всеобщему удивлению, Элеонора не была против. Хотя, чувствовалось, что предводительница ордена догадывается об их отношениях.

Первостепенной задачей, которую решал маг, стала энергетическая защита одной семьи. Семья жила в предгорьях между страной гор и дикими землями. Это были родители — неплохие начинающие маги, и двое детей. Старшая сестра семи лет и годовалый брат. Задачей было и создание энергетической защиты вокруг дома, на что отец семейства сам ещё не был способен, и простройка защиты для каждого члена семьи отдельно. К тому же в задачи входило взаимодействие с орденом. Нужно было контролировать, чтобы семья вдруг не попала в поле зрения странниц, и отец семейства не стал объектом их интереса. С этой же целью Элеоф согласился работать над понижением их уровня понимания, подкидывая им энергии, снижающие их потенциал и тормозящие их развитие.

Без такого сдерживания, маг имел бы все шансы обрести большую силу раньше, чем у него вырастет сын. А на любую силу в этом мире находится другая сила, стремящаяся подчинить её себе. И чтобы не привлекать внимания различных структур, которые могут стать проблемой для семьи, и дать начинающему магу вырастить сына, на которого, по мнению Элеофа, у Приходящего были свои планы, маг дистанционно работал над снижением потенциалов развития для всего семейства.

А уж что такое получить силу раньше времени, Элеоф знал по себе. И не желал такой участи никому, припоминая, как совершенно неготовый к противостоянию с орденом, он покинул безопасный дом и стал на практике изучать методы скрытного существования в обществе людей.

Ална была счастлива, как никогда ранее. На протяжении всего времени с тех пор, как она осознала, что Элеоф не одержим, она мечтала о том, чтобы его перестали преследовать. И вот, наконец, её мечта сбылась. В первый же день после прихода в квартиру, оставшись наедине с магом, она провела с ним самую желанную ночь в своей жизни. Только под утро они уснули, обнимая друг друга.

Почти весь следующий день Элеоф проспал, наконец-то наслаждаясь нормальной кроватью после двух лет сна в холодной и жёсткой койке. Проснувшись под вечер, он

обнаружил, что Ална готовила еду. Девушка улыбнулась сонному магу, взяла графин и поднесла ему:

— Когда-то ты меня поил травами, теперь моя очередь. — улыбалась она, наблюдая как маг пьёт тонизирующую настойку.

Жизнь Элеофа снова преобразилась. Внезапно уже почти потерявший надежду выбраться узник стал богатым городским жителем. При этом он не перестал развиваться, так как Приходящий делал всё, чтобы это развитие продолжалось: давал новые магические техники, передавал через старушку книги по магии, в том числе даже одну, которая всеми считалась уничтоженной.

В конце концов Элеоф осознал себя полностью зависимым от незнакомца. Если раньше он был узником, но внутри был свободен, то теперь он всё больше и больше чувствовал, что он на крючке, и его свобода становится всё более иллюзорной, даже несмотря на то, что её никто не ограничивает извне.

Это пугало Элеофа, и он нередко задумывался, а сможет ли он вообще в случае чего отказаться от всего этого и уйти к себе в лес: «Вдруг мне дадут задание, которое мои принципы не приемлют? Но зачем тогда мне дают развиваться? К чему меня готовят?». Ответов на все эти вопросы маг не находил, и это его тревожило. Элеоф не привык доверять неизвестным, и продолжал думать, что его могут использовать втёмную. Однако пока что задания, даваемые ему, были только во благо отдельных людей на планете. И где-то внутри всё же теплилась надежда: «Может быть кто-то планомерно готовит восстание против Иерархии?».

Но пока ответов на эти вопросы невозможно было получить. Приходящий появлялся когда хотел, Элеоф даже не смог построить план по его выслеживанию, несмотря на дружбу с Истром, который был идеальным лазутчиком.

Если бы он только знал, в какой грандиозной игре теперь замешан... Впрочем, узнать хоть что-нибудь об этом ему позволят. Через некоторое время.

Больше книг на сайте - Knigolub.net